

Останин В.А.

Сумма денег

Монография

Σ€cy

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Дальневосточный государственный университет
Институт менеджмента и бизнеса
Кафедра национальной экономики и экономической политики

Останин В.А.

Сумма денег

Монография

Владивосток

2010

УДК 336.741.21

ББК 65.261

О

Рецензенты:

Вотинцева Л.И., профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры «Финансы и кредит» Института менеджмента и бизнеса Дальневосточного государственного университета

Рожков Ю.В., профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры «Банковское дело» Хабаровской государственной академии экономики и права

Останин В.А. Сумма денег. Монография. — Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2010. — 225 с.

В монографии представлены результаты исследования по проблемам современной теории денег. Даётся критический анализ некоторых принципов познания теории денег. Наибольшее внимание уделяется тем возможностям процесса познания противоречивой социально-экономической природе современных денег, которые несут в себе принцип целостности. Делается попытка переосмыслить место и роль современных денег в достижении устойчивых темпов экономического роста.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и лиц, интересующихся проблемами познания современной теории денег и экономической теории.

Ostanin V.A. Money Amount. Monograph. – Vladivostok: FENU, 2010. – 225p.

This monograph considers the results of the research in the field of modern monetary theory. The critical analysis of some principals of monetary theory cognition is given. Great attention is paid to opportunities of cognition process of contradictory social and economic nature of modern money which has the principal of integrity. The author tried to overcomprehend the place and the part of modern money in achieving stable growth of economy.

The monograph is for scholars, lecturers, students and those who are interested on problems of cognition of modern monetary system and economic theory.

УДК 336.741.21

ISBN

© Останин В.А., 2010

© ДВГУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	
О ПРИРОДЕ ДЕНЕГ	13
ДЕНЬГИ В КОНЦЕПЦИИ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛЯ	37
ОСОБЕННОСТИ МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ ДЕНЕГ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ	52
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕНЕЖНЫХ АКТИВОВ В НАЦИОНАЛЬ- НЫХ ЭКОНОМИКАХ	66
ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ДЕНЕГ	77
ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ	84
СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ФУНКЦИЯХ ДЕНЕГ	86
ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ДЕНЕГ	94
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СОВРЕМЕННЫХ ДЕНЕГ	100
ТЕОРИИ ДЕНЕГ И ИХ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. ТЕОРИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ДЕНЕГ	140
ТЕОРИЯ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ	143
ТЕОРИЯ КОЛИЧЕСТВА ДЕНЕГ	145
СПРОС НА ДЕНЬГИ И УРОВЕНЬ ЦЕН	160
ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК МОМЕНТ ЧАСТНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	173
ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ «ДЕНЕЖНЫХ ПУЗЫРЕЙ» И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПРОС НА ЛИКВИДНОСТЬ	180
ПРОБЛЕМА МИРОВЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ	192
РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	199
ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ	207
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	217
ЛИТЕРАТУРА И ИНЫЕ ИСТОЧНИКИ	220

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Можем выразить суждение о том, что если и есть некоторый прогресс в разрешении экономических проблем, прогресс в экономической науке, который проявился в снятии, разрешении противоречий теории, то в меньшей степени это будет касаться природы денег. Для этого есть достаточно оснований. Деньги всегда привлекали внимание, как теоретиков-экономистов, так и далеких от экономической теории людей. Деньги были, есть и будут оставаться предметом вожделений. С ними люди увязывают свои возможности развития, роста, благополучия. С ними связана власть в различных своих ипостасях.

Это имеет значение и для отдельных индивидов, для хозяйствующих субъектов, для национальных экономик. Невозможно сделать никаких существенно значимых выводов, не осмыслив всю сложную и противоречивую природу современных денег. Невозможно выделить более важного фактора, который бы был способен оказать влияние на развитие национальных экономик, на функционирование ее отраслей, сфер, территорий, наконец, на связь национальных экономик с мировой хозяйственной системой. Деньги не только есть шоссе (А. Смит), посредством которого взаимоувязываются хозяйствующие субъекты, национальные территории. Деньги есть тот канал, который обеспечивает движение товаров и услуг. Его «закупорка» есть признак нарастания коллапса в экономике. Бизнес, органы политической власти, домашние хозяйства — все ведут социально-экономический, политический диалог на языке денег, который называют «языком общения и языком рынка».

При всей видимой простоте экономического феномена — денег, тем не менее, в настоящее время невозможно смоделировать процессы, которые описывались бы в координатах одной теории, пусть даже самой приближенной с ней, например, экономической теории процесс осуществления своих функций деньгами. Экономическая модель денег изначально будет отягощена бедностью и ущербностью своих моделей. Современные деньги невозможны понять без привлечения инструментария смежных теорий, например,

политики, социологии, теории информации, философии, этики и т.д. Деньги становятся в современных обществах важнейшим инструментом в осуществлении денежно-кредитной политики, инвестиционной, политики экономического роста и развития, что одновременно позволяет отнести их к сфере порожденной самой природой рынка, т.е. *natura naturans*.

Общая теория денег не есть некая одна целостная и внутренне непротиворечивая теория. Она представляет всю имеющуюся противоречивую совокупность идей, которые раскрывают экономическую, социальную, информационную природу денег. Это дает основания к теории денег подходить с позиций суммы теорий денег, заимствуя при этом подход по аналогии с «Суммой теологии» у Фомы Аквинского. Это становится само собой разумеющим, если только одно перечисление видов денег обнаруживает предельно богатую совокупность различных теорий денег, как и различных видов денег. Даже беглое перечисление этих разновидностей денег с момента их исторического появления на теле мирохозяйственных отношений может ввергнуть в некоторое недоумение. В соответствии с выделенным исследователем основанием деления понятия «деньги» позволяет выделить деньги обязательные и деньги факультативные, деньги дополнительные и деньги «ходячие», деньги комиссионные и деньги декретные, потерянные деньги, свободные деньги, письменные деньги и т.д. Можно только отметить, что это далеко не исчерпывающий перечень денег. Более полная их квалификация приведена в соответствующей части данной монографии.

В результате эта богатая совокупность денег, рассматриваемая, в том числе и в историческом аспекте, позволяет выделить соответствующие теории денег, что отражено в российском универсальном классификаторе наук.[58] Например, теория металлических денег, номиналистическая теория денег, каталлакские теории денег, атаплакские теории денег, информационные, социальные, первоначальные теории денег, сакральные теории денег, конвенциональные теории, государственные, количественные теории денег.

Наконец, уже современные деньги могут приобретать признаки бумажных денег с предусмотренной оплатой и бумажные деньги без преду-

смотренной оплаты, деньги с обязательством приема в частном обращении, и бумажные деньги с обязательством приема государственными кассами.

Все это множество видов денег с необходимостью порождали множество теорий денег. Однако стремление найти закон, раскрыть сущность исходя из опыта, не может привести исследователя к удовлетворяющему его результату. Опыт, как есть предмет рассудочного мышления, основан на чувственном восприятии предмета. Здесь «*правит бал*» здравый смысл, или *bon sens*.

Та или иная теория денег есть некоторое обособленное отражение специфических признаков денежного обращения в обществах. Как писал И. Кант: «Чрезвычайно важно обособлять друг от друга знания, различающиеся между собой по роду и происхождению, и тщательно следить за тем, чтобы они не смешивались с познаниями, которые обычно связаны с ними в (процессе) употребления».[27. с,1055] Но тогда возникает весьма важный для теории денег вопрос. Каким образом возможна единая теория денег? Единое не есть многое, а многое не есть единое. Эта мысль уже была ранее высказана Платоном. Тогда общая теория денег как некоторое единое невозможна. Но возможно одновременно познание сущности денег и денежного обращения применительно к конкретной экономической ситуации, *in concreto*. Следовательно «Сумма теорий денег» не может претендовать на единое многообразного. Она есть совокупность частного. Однако последнее не исключает ее научную ценность.

Если представить некоторую исторически предшествующую практику возникновения денег и денежного обращения, то она может быть представлена как протяженная историческая практика. Там были возможны исторические эксперименты в создании различного рода денежных активов, агрегаторов, поддающихся не только качественному, но и количественному анализу. Эту практику вполне возможно подвергнуть процедуре упорядочения ее элементов, частей, отдельных взглядов на природу этих явлений и экспериментов. И как пишет по этому поводу Д. Юм, именно упорядочение ее элементов и частей является существенным и составляет функцию общих правил в области познания и принципов методологии познания. Однако это историческая практика

тика не есть целостность и не может быть представлена как целостность. Целое не столько открывается, сколько изобретается.[20, с.26] Тотальность – это только собирание. Отдельные теоретические концепции теории денег и денежного обращения не могут рассматриваться как части. Следует преодолевать крайности в методах познания сущности денег, когда последние рассматриваются исследователями с позиции времени текущего (*sub specie temporis*) или с позиции вечности (*sub specie aeternitas*). Ни та ни другая концепция также не может привести нас к формированию идеи денег как некоторой законченной целостности, или тотальности. Тотальность в нашем понимании не есть некоторая совокупность отдельных концепций, взглядов, теорий, а процесс становления этой целостности. Но создавая свои концепты, она одновременно и разрушает прежние, ранее признаваемые как существенные.

Рассудок, по-Канту, можно представить как способность составлять суждения. Но рассудок не может претендовать на то, чтобы выйти за сферу своего имманентного, т.е. преодолеть сферу своих компетенций и войти в сферу разума. Последний уже ограничивает рассудок в его применении опыта. Если мы будем теперь применять каждую теорию денег и подвергать ее критическому анализу на основании исторического или иного опыта, то мы все равно не сможем получить абсолютно целостную картину в теории денег. Каждая отдельная теория, отдельные опыт есть только часть всей целостности в своем становлении. И само это абсолютно целостное знание модели, общей теории денег не есть опыт. Это уже составляет предмет разумного, а не рассудочного в познании. Следовательно, выводы теорий, в основу которых положен подход на основе опыта, когда исходят из самого предмета, например, золота, как денег, есть теоретическое заблуждение, в основе которого ошибка в методологии. Мы можем даже высказать теоретическую посылку, что понятие «деньги» есть сфера разума, а концепт и денотат этого понятия выходят за рамки конечного. Следовательно, деньги следует рассматривать как собирательное единство всевозможного опыта, всевозможных моделей, которое всегда выходит за пределы всякой данной теории и становится тем самым трансцендентным понятием. Этим мы можем объяснить тот факт в

теории денег, что экономисты до сих пор не могут даже договориться, какой концепт следует вкладывать в понятие денег, когда кто-то произносит термин «деньги».

Но не может не признаться и тот факт, что деньги настолько вошли в нашу обыденную практику, что мы не можем допустить такого теоретического отношения к деньгам как экономической категории. Эта простота и доступность опыта в отношении к деньгам, создает большие трудности. Однако и такие распространенные категории, как «мир», «душа», «человек» не могут рассматриваться нами как принадлежащие иному классу, для познания которых достаточно рассудка с его возможностями. Поэтому та или иная теория денег, как некоторая модель никогда не может быть ни получить свое подтверждение в опыте, ни быть опровергнутой. Им придется сосуществовать, быть контрапротивными теориями. Это есть момент становления «Суммы денег» как некоторой формирующейся тотальности теории денег.

Но в соответствии с законами формальной логики эти теории могут быть одновременно ложными, если они претендуют на законченные выражения в своих моделях. Хотя это совсем не исключает, что в сфере рассудочного анализа денег эта истинная модель вообще невозможна по определению. Она есть лишь осколок в этой сложнейшей мозаике многочисленных опытов исследования феномена денег.

Но будучи продуктом рассудка, категория денег, есть продукт опыта, в основе которого лежит чувственное отношение субъекта к предикату. Это представление денег может претендовать на основе опыта на статус категории трансцендентального. И в этом нет противоречия. Поэтому сущность денег никогда не может быть раскрыта в опыте, в основе которого лежит чувственное отношение исследователя к деньгам. Сущность денег не может быть опровергнута или подтверждена опытом, или практикой, что делает сам процесс гораздо более теоретически насыщенным, чем это порой представляется в некоторых исследованиях.

Однако общепризнанным фактом в теории денег является и то, что сегодня экономисты даже не могут договориться о том, какой концепт следует подвести под то, что мы собственно в настоящее время называем деньгами.

Проблема усугубляется тем, что содержание понятий, которыми оперирует экономист, даже если он применяет одинаковые термины, существенно различаются. Если же теоретики начинают «изобретать» новые «научные термины», то часто это приводит к очередному «терминологическому столпотворению», по - Кейнсу.

Не может быть проигнорированным и то обстоятельство, что теория денег продолжает оставаться излишне политизированной системой научного знания. Деньги затрагивают интересы всего мирового сообщества, каждого государства и отдельного индивида. Деньги, которые попадают в сферу публичных финансов, неизбежно становятся фактором перераспределения богатства в обществе. Даже концентрируясь в результате централизации и концентрации кредита, деньги усиливают свою мощь. Поэтому эти операции вряд ли можно рассматривать как операции с нулевой суммой. Они способны вызывать эффекты синергии, во много раз усиливая экономическую, политическую мощь тех, кто обладает механизмами их аккумуляции и распределения.

Данные результаты не лежат на поверхности экономических явлений. Более того, обращение к внешним формам познания не приводит к желаемым результатам и истине. Скорее наоборот, внешние формы можно рассматривать как превращенные, модифицированные формы, своего рода знаки ложных подобий, или неких экономических симулякров, копии которых уже безвозвратно утратили связи со своими оригиналами. Если применить терминологию и концепты Ж. Бодрийяра[6, с.113], то деньги уже в форме классических банкнот могут быть отнесены к симулякрам первого порядка, суть которого есть подделка монеты из драгоценных металлов бумажными банкнотами. Их обмен на монету действует на основе естественного закона ценности.

Симулякр второго порядка представлен уже неразменными банкнотами, но последние все же базировались на основе рыночного закона стоимости, в основе которого было доверие, т.е. федуция. Симулякр третьего порядка есть воплощение связи на основе структурного закона стоимости, когда федуция ушла на второй план и на ее место заступила принудительность, навязанность и понуждение закона, или декреция. Власть внеэкономическая прочно вошла

в структуру закона распределения ценности в обществе, структуру распределения богатства.

Деньги в своей сути всегда следует понимать как процесс их перехода, как движение. Движение же есть само осуществляющее противоречие, что даёт сделать вывод о существенном понимании денег как противоречия. Следовательно, деньги как резерв уже не есть деньги, прибавление к ним потенциальные деньги ясности в теории особой не добавляет.

Поэтому мы особо приветствуем то направление в экономической теории, которое развивает не равновесные «мейнстимовские» подходы в моделировании экономических процессов, а те направления, которые с одной стороны, преодолевают односторонность подхода в исследовании природы денег. С другой стороны, это направление исследования, в котором деньги рассматриваются как онтологическое противоречие. Деньги есть та форма, которая разрешает противоречия экономического бытия.

Одновременно, неправильная, не выверенная экономическая политика государства, её непродуманная денежно-кредитная политика может привести только к одному результату — потере ранее накопленного социально-экономического потенциала. В этом случае деньги не разрешают противоречия экономики, а загоняют это противоречие вглубь. Формы разрешения противоречий экономического и социального бытия в этом случае могут быть сопряжены с большими потерями для общества.

Если же речь вести о противоречиях самой теории денег, то следует в первую очередь преодолеть явные заблуждения в теории современных денег. И если противоречия социально-экономического бытия будут разрешаться самой практикой, выведенной и осуществляющей в соответствии с научными концепциями денежно-кредитной и экономической политиками, то противоречия теории денег должны разрешаться самой теорией. И уже в самом начале следует более критически подходить, казалось бы, к непрекаемым азбучным истинам, которые нам вещаются со страниц авторитетных изданий. Есть основания засомневаться в подобных «истинах», таких, как например, «деньги — средство оплаты товаров и услуг, средство измерения стоимости и средство сохранения (накопления) стоимости» [22, с.12]. Следует уточнить

для себя всё-таки, что мы будем понимать под оплатой тем, чему мы присвоили термин «деньги», как могут люди с помощью симуляков, как знаков ложного подобия, измерять стоимость товаров и услуг, наконец, что значит накопление богатства, если вы накапливаете эти знаки. Поэтому форма представления денег такими авторитетами в области экономической теории денег, как например, Ф. Мишкиным не может приниматься нами на веру в силу ее слабой, если вообще бездоказанности. Это относится, в частности, к суждению, что «экономисты определяют деньги (или денежную массу) как общепринятое средство платежа, принимаемое без ограничений в обмен на товары и услуги, а также при погашении долговых обязательств». Но ведь принимать деньги как посредника в обмене, когда они противостоят товару есть принципиально иная функция денег, когда деньги противостоят долговому обязательству. Наконец, вряд ли допустимо объединять в один класс наличные доллары и векселя. Они, наоборот, не соответствуют этому определению и не представляют собой один из типов денег. Наконец, уже не вызывает удивления тот факт, что собственно экономической теории денег Ф. Мышкин посвятил всего 14 из 875 страниц своего фундаментального обзора.[36, с. 83]

Данная монография может рассматриваться как очередная песчинка в том объёме научной, и не очень научной, продукции, которая уже будоражит умы экономистов, социологов, политиков, философов и т.д. Но появление новых идей в системе теоретических исследований, которые в своей постановке скорее есть «старые» теоретические проблемы, позволит взглянуть несколько по-новому на противоречия теории денег. И в этом отношении мы особо благодарны тем авторам, которые не соприкасаются непосредственно с проблемами экономической теории. Но именно их исследования позволяют преодолеть узко *устричное* видение сугубо экономических проблем. В формировании подобного подхода я выражаю здесь признательность профессуре Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета, к последователям которых продолжаю себя относить.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРИРОДЕ ДЕНЕГ

*«Даже любовь не сделала столько людей дураками,
сколько мудрствование по поводу сутиности денег».*

У. Ю. Гладстон

(Премьер-министр Великобритании, 2 половина XIX в.)

Можно с полным основанием утверждать, что по прошествии почти двух веков эта фраза известного британского политика своей актуальности не потеряла. Более того, вопрос об экономической природе современных денег стал еще более запутанным в экономической теории. И это несмотря на то, что по некоторым данным число монографий в мире по проблеме денег, денежного обращения, уступают по тиражам только Библии. И если, тем не менее, природа действительных денег со временем стала проясняться, хотя они уже как практически столетие назад с разной степенью интенсивности в разных странах покинули сферу практического обращения, то все, что касается современных денег, обнаруживает отсутствие общепринятых теоретических представлений.

Фактически подлинная экономическая история начинается скорее с появления элемента, который выразил всеобщность экономических связей. Это выражение всеобщности проявилось в том, что стало лавинообразно увеличиваться пространство рынка, обмена на принципах справедливости. Справедливым признавалось все те трансакции, которые не включали внеэкономического понуждения. Поэтому захватнические воины Древнего Рима, Древней Греции и не могли дать того импульса развитию, который мог быть сообщен миру в результате обмена на условиях эквивалентности. В этом заключался им чистый прагматический элемент. Присваивать путем ограбления несло в себе ограничение в размерах награбленного. А с другой стороны, приобретение в результате захватнических войн стало уже обходиться весьма затратнее, чем извлекать выводу в результате обмена произведенного с использованием преимуществ разделения труда и специализации. Последнее

выдвинуло требование нарастания всеобщности денежного эквивалента, увеличивая пространство мирового рынка. Как отмечает по этому поводу Ж. Делез, режимом обобщения экономического эквивалента является создание *знаменателя*, или *символической*, или *условной* единицы денежного измерения, на точности которой основана точность сравнения двух *числителей* в качестве товаров в процессе операции обмена. Обмен, лежащий в основании динамики труда и капитала, непосредственно относится к *метафорическому* замещению идеальным означающим реальности. Стоимость как экономическое означающее означаемого труда есть символическая мера вещи. Чем *интенсивней* экономический символ, тем *экстенсивней* мера его *интеграции*. Деньги предвосхитили нарастающую глобализацию экономики. Поэтому вполне логично, что интенсивность доллара вовлекает в орбиту своей интеграции уже весь мир.

Однако остается своеобразной *terra incognita* понятие «доллар». Понятие денег нечетко, поскольку их определение отсылает к термину «обычно используемое». Теория денег всегда была и будет теорией косвенного обмена и средств обмена. Роковые ошибки популярных денежных доктрин, сбившие с пути истинного денежную политику почти всех государств, вряд ли вообще могли появиться на свет, если сами экономисты не совершали бы грубых ошибок в трактовке денежных вопросов и упрямо не хранили бы им верность, отмечает Л. Мизес [45, с. 373].

Если проанализировать некоторые фундаментальные работы по современной теории денег, то мы можем обнаружить отсутствие даже попыток теоретически осветить теорию денег в части раскрытия сущности денег. Так, монография Элвина Хансена «Денежная теория и финансовая политика» [58] с первой главы по последнюю посвящена многим важным теоретическим проблемам. Например, рассматриваются проблемы отношения количества денег к доходу, количественная теория и версия А. Маршала, предпочтение ликвидности, соотношению дохода и ставки процента и т.д. Есть много важного и второстепенного, но нет одного — теории денег. Хотя деньги, представляя всеобщую покупательную способность, дают основания для людей

приобретать их в качестве средства достижения любых целей, как высокого, так и низкого порядка, как духовных, так и материальных [55, с. 75].

Предполагается изначально уже в качестве посылки, что этот раздел экономической теории не содержит теоретических проблем и читателю предлагаются принимать изложенное в качестве установленных и простых истин.

Деньги продолжают оставаться наиболее слабо разработанной областью экономической теории и по настоящее время. Это дало основание М. Фридмену заявить, что природа современных денег настолько сложна и противоречива в теоретических воззрениях различных экономических школ, что следует вообще перейти от вопроса раскрытия экономической сущности денег к вопросу о прагматической функции денег.

Фактически это можно расценить как признак капитуляции методологии экономической науки. Хотя в своей работе «Методология позитивной экономической науки» М. Фридмен цитирует Дж. М. Кейнса, считая, что его заслугой можно считать предельно обостренное формулирование проблемы различия позитивной науки от нормативной, или регулятивной науки. В этой связи уже саму нормативную науку можно уже только с некоторыми оговорками относить к разряду науки в строгом понимании концепта науки вообще. Её можно понимать уже как практику действия, как искусство. Это уже отчётливо просматривается в следующем тезисе о соотношении последних. «Вместе с тем нормативная экономическая наука и экономическое искусство не могут быть независимыми от позитивной экономической науки. Любой политический вывод с необходимостью основывается на предсказании следствий того или иного образа действий, предсказании, которое должно опираться — явно или неявно — на позитивную теорию» [56].

Не будет получен научно значимый результат, если этот сложный феномен денег будет рассматриваться в простой цепи причинно-следственных связей. Хотя при этом мы можем констатировать понятность и логичность логических выводов, построенных по модели чисто условных суждений или условно-категорических умозаключений. Ещё А. Курно высказывал методологически важное замечание, что при изучении различных аспектов какой-либо экономической проблемы задача заключается не в том, чтобы осознать

экономические явления в цепи последовательно детерминирующих друг друга причинных связей. Например, *A* определяет *B*, *B* определяет *C* и т.д. Задача сводится к тому, чтобы видеть взаимное воздействие всех друг на друга. Деятельность природы многосложна, и, в конце концов, ничего нельзя добиться, считая, что она проста, пытаясь охарактеризовать её рядом простейших теорем [55, с.50]. Следует руководствоваться важным методологическим правилом, что причинность, при всей её наглядности и кажущейся простоте, может привести к *regressus in infinitum* (регресс в бесконечность), а последнее к *sui generis* — в своем роде к «детской непонятливости».

Если это положение перенесли на предмет нашей работы, то следует заметить дополнительно следующее. Упование на исторический метод исследования может, несомненно, обогатить исследование, привнесёт в него элементы заинтересованного отношения и пробудит дополнительный творческий интерес, но сам по себе не приблизит нас к истине. Ибо, как отмечал ещё в своё время Г.В.Ф. Гегель, собирать и описывать факты есть удел муравьев. Поэтому М. Фридмен делает вполне верное замечание относительно того, что экономическая теория должна представлять из себя нечто большее, чем просто систему тавтологий, если она хочет предсказывать, а не просто описывать последствия действий, — иными словами, если она не желает быть просто замаскированной математикой.

Опираясь в статье на А. Маршалла, М. Фридмен соглашается с ним в том существенном моменте, что, характеризуя то или иное экономическое явление, относя его к соответствующему классу, следует руководствоваться принципом целесообразности. Однако М. Фридмен идёт дальше и проявляет чёткую последовательность, характеризуя деньги как экспериментальную теоретическую конструкцию, рекомендуя давать определение денег не на основе какого-либо принципа, а исходя из соображения пользы в организации наших знаний о хозяйственных связях.

Как мы полагаем, это руководство принципом целесообразности есть проявление частного случая в реализации волевой направленности самого исследователя. Разум, как это вытекает из наших более ранних исследований[39], не находится в «гордом одиночестве» в борьбе за отыскание истины.

Более того, ему даже не принадлежит ведущая роль. Его функция сведена исключительно к инструменту познания, даже если и последнему не чужда креативная составляющая самого процесса мышления. Познание уже изначально отягощено субъективным ценностным отношением исследователя, как к выбору метода исследования, так и предвосхищаемому им конечному результату исследований. Расхожее суждение, что метод исследования предопределён объектом исследования, является лишь односторонней, следовательно, ущербной попыткой решать научную проблему. Можно утверждать, что метод, следовательно, предпосылки исследования уже предопределены исследователем [39].

Следовательно, мы ставим под сомнение достоверность выводов исследования того или иного учёного, если последний претендует на «истину в последней инстанции» на основании любого метода, его односторонности и ограниченности. В итоге «целесообразность» А. Маршалла, М. Фридмена становится вполне понятной и логичной в их формулировании тезиса, но не более.

При этом ни А. Маршалл, ни М. Фридмен не оригинальны в применении этого метода исследования. Ещё в 13 веке Фома Аквинский в «Сумме теологии» раскрыл два возможных пути в исследовании истины. Познание истины двояко, отмечает Аквинат. Это либо познание через природу, либо познание через благодать. И то познание, которое происходит через благодать, в свою очередь двояко: первый вид познания исключительно умозрителен, когда некоторому лицу открываются некоторые божественные тайны. Другой же род познания связан с чувством и производит любовь к Богу. Эту отмеченную благодать мы соотносим с той целесообразностью, к которой стремился М. Фридмен на пути к познанию сущности денег.

Наконец, деньги продолжают рассматриваться как богатство, к которому следует стремиться. Эта «любовь» к деньгам часто мешает исследователям проинкнуть в сущность денег. Как отмечает по этому поводу Дж. М. Кейнс, любовь к деньгам как к собственности, в отличие от любви к ним как к средству получать удовольствия от жизни, будет примечательна тем, что она есть на самом деле отвратительная болезнь, какая-то полупреступная, по-

лупатологическая склонность, вызывающая содрогание и желание поскорее передать её на лечение специалистам из психбольниц. Давайте не переоценивать важность экономических проблем. Они должны быть уделом специалистов, как наши зубы — дантистов. Если экономистам удастся заставить думать о себе как о скромных, компетентных людях, на уровне дантистов, это будет прекрасно.

Если речь не идет о некоторых клинических формах восприятия действительности в своей ценности, то следует помнить простую истину, которую вряд ли стоит доказывать. «Каждая из вещей является богатством только в том случае, если она доступна тому, кто её ценит. ... Экономический рост состоит не в производстве вещей, а в производстве богатства, а богатство — это то, что люди ценят. Материальные вещи могут вносить свой вклад в богатство, и в некотором смысле они критически важны для производства богатства, как любовь и спокойствие духа, т.е. обладают материальным воплощением» [60, с. 172]. Мы здесь только можем добавить, что неоправданное отождествление денег с богатством, с материальными предметами не может быть принято в качестве логичного суждения.

Все современные проблемы в построении адекватных экономических моделей экономической действительности следует считать в своем исходном проблемами методологии. Проблемы теории денег, следовательно, это, прежде всего проблемы методов исследования природы денег. Прошлое теоретическое наследие в настоящее время неадекватно воспринимается современными экономистами-исследователями, включая и оценку применяемых методов. Здесь можно выделить две крайности, которые точно подмечены в свое время Г.В.Ф. Гегелем, когда последний теоретические откровения исследователей прошлых лет предлагает рассматривать не как кладбище забытых и отброшенных идей, а как пантеон образов развития мирового духа. Эта сходная мысль позднее применительно к исследованию проблем экономики нашла своё выражение в работах М. Блауга. Первая крайность — это высокомерное отношение к результатам исследователей прошлого, когда современные исследователи предлагают оценивать адекватность прошлых теорий на основе их собственных современных взглядов, применяя и собственные мерки. По-

этому М. Блауг совершенно верно отмечает, что «это невозможное мероприятие, так как оно подразумевает, что мы можем стереть из нашей памяти знания современной экономики... , что идеи следует взвешивать благожелательно и в контексте их собственной эпохи, чтобы история экономической мысли не выродилась в скучное упражнение во всезнании» [4, с. 1].

Как отмечает Усоскин В.М., теоретические проблемы денег и денежной политики являются полем острых дискуссий и соперничества между противоборствующими школами в западной политэкономической мысли. И главный водораздел пролегает между кейнсианским подходом, который олицетворяет идеи оперативного применения денег в качестве инструмента повседневного управления экономической конъюнктурой и стимулирования темпов экономического развития. Вторая сторона этого принципиально отличного от кейнсианцев подхода ассоциируется с монетаризмом, который в принципе осуждает подобные манипуляции в денежной сфере. Монетаристы полагают, что рецепты кейнсианства ведут к усилению хозяйственных противоречий и диспропорций, приглушают эффект воздействия на ситуацию рыночных инструментов, затрудняют проявление эффектов стихийных рыночных стабилизаторов. Монетаристы, выдвинув тезис: «деньги имеют значение», придали тем самым мощный импульс развитию теории денег [59, с.7].

Другая крайность усматривается в том, что исследователи скорее склонны возвеличивать достоинства прошлых экономических взглядов, открытый, которые опережали время, а часто и их собственные намерения.

Поэтому конфликт между учёными в этих принципиально различных подходах в оценки прошлого теоретического наследия выходит далеко за рамки экономической теории. Первые рассматривали ранние экономические учения как «неверные мнения умерших людей», вторые же в этих идеях усматривали некоторое хранилище ряда проницательных предвидений. Поэтому вполне справедливо М. Блауг предлагает этот конфликт методологических подходов рассматривать в координатах полярных противоположностей — абсолютизма и релятивизма. В концепции релятивизма экономист рассматривает каждую отдельную теорию, которая была выдвинута в прошлом, как более или менее точное выражение реалий прошлого. Поэтому каждая теория была

оправдана в своем собственном контексте. А концепции же абсолютизма исследователь следит исключительно за интеллектуальным развитием предмета, когда последний неуклонно прогрессивно продвигается от ошибок к истинным моделям. Поэтому релятивисты не могут классифицировать теории различных периодов в терминах «лучше» — «хуже». Для них такая постановка лишена смысла, ибо сравниваются несопоставимые вещи. Сторонники абсолютизма в экономической теории и истории, наоборот, не могут не удержаться от подобных сравнений, оценок и сопоставлений на предмет выработки деонтических, или аксиологических суждений.

Можно выразить эту проблему таким образом, что релятивисты в теории экономики всегда предпочитают писать в позиции своего времени что мы отметили несколько ранее во Введение, т.е. *sub specie temporis*, полагая, что знание прошлого скорее «озаряет» видение будущего. Сторонники же абсолютизма в экономической теории опираются на метод описания с позиции «вечности» или *sub specie aeternitas*.

Учёт этих важных методологических посылок даёт нам основания полагать и согласиться в основном с выводом М. Блауга. Никакие предположения об экономическом поведении не являются абсолютно верными и никакие теоретические заключения не являются действительными на все времена и во всех экономических системах. Абсолютизируя методологический подход к оценке адекватности экономических моделей с позиции *sub specie aeternitas*, исследователь в лучшем случае может рассчитывать на выработку пустых, предельно общих положений, бессодержательных тавтологий, предельно всеобщих абстракций. Истина в этих исследователей принадлежит только последнему, который отбросил на свалку истории все достижения «развития мирового духа», по-Гегелю, как ненужный хлам. Выводы экономистов, сторонников абсолютизма, есть выводы экономиста, который «взирает с нынешних высот на ошибки старых авторов и не может удержаться от заключения, что истина в значительной степени концентрируется в предельном приращении к экономическим знаниям» [4, с. 3].

Применительно к теории денег это замечание в отношении методологии исследования нам видится в том, что за очень короткое историческое

время российские экономисты не просто «забыли» последние достижения экономической теории в экономической теории, которые господствовали в бывшем СССР, но и предали анафеме важнейшие постулаты политической экономии. Достижения западной экономической школы были некритически заимствованы, восприняты и возведены в ранг истины в «последней инстанции».

Проблема относительно метода абсолютизма в исследовании феномена денег становится более явно обозначенной, её крайности наиболее убедительны и контраргументы вполне достаточны для того, чтобы предельно осторожно относиться к рекомендациям самонадеянных и чрезмерно уверенных в своей правоте экономистов. Так, по содержанию критики в адрес своих предшественников, в своём «иконоборчестве» с прежними авторитетами вся предшествующая экономическая мысль у Кэннана в его работе «История теорий производства и распределения» (1883) представлялась как сплошное на-громождение «глупостей», экономических несуразностей и элементарных ошибок великих экономистов. Последующая экономическая мысль под на-тиском восторженной критики отбрасывает и то, что представляло опреде-лённую ценность для экономической мысли. При этом следует признавать, что последующая экономическая мысль добивалась определённых успехов в прогрессивном освоении законов экономического бытия, хотя, как подчёрки-вает М. Блауг, эти улучшения скорее отличались чрезвычайной степенью не-равномерности. Замечено, что экономическая мысль продвигалась вперёд та-ким образом, что закрепляющиеся на теоретическом небосклоне новые теоре-тические воззрения представляли собой полную противоположность ранее господствующим теоретическим воззрениям.

Поэтому имеет достаточно оснований утверждение авторов фундамен-тального учебника по курсу «Деньги, кредит, банки» под редакцией О.И. Лаврушина о том, что экскурс в историю форм и видов денег позволяет сде-лать вывод о кардинальных изменениях сущности полноценных денег и как результат — появление субститутов денег. Вопрос же об изменчивости мно-гообразия форм и видов денег в связи с их сущностью как экономической ка-тегории, как нам представляется, звучит скорее риторически. Одновременно

признаётся, что однозначно принимаемого всеми экономистами определения сущности денег до настоящего времени не выработано.

Вместе с тем следует согласиться с важным методологическим положением Л. фон Мизеса о том, что история не может ни доказать, ни опровергнуть ни одного общезначимого утверждения подобно тому, как естественные науки принимают или отвергают гипотезы на основе лабораторных экспериментов. В этой сфере невозможны ни экспериментальное подтверждение (верификация), ни экспериментальное опровержение (фальсификация) общих утверждений. Сложные явления, которые отражаются исследователями-историками — результат переплетения множества причинных цепочек — не могут проверить никакую теорию. Наоборот, такие явления сами становятся понятны только через объяснения в терминах теорий, предварительно разработанных на основе других источников. Сложные явления, которые отражаются исследователями-историками — результат переплетения множества причинных цепочек — не могут проверить никакую теорию [45, с. 33].

Сущность денег есть внутреннее содержание денег, есть включенность именно того, что позволяет выделить деньги из всего остального мира экономических объектов вне зависимости от их внешних многообразных и противоречивых форм бытия. Концепт понятия «деньги» должен схватывать в мышлении эти сохраняющие в текущем изменении внешних случайных форм признаки.

Сущность по необходимости должна быть всецело актуальной и не допускать в себе ничего потенциального. Следовательно, деньги есть либо деньги, либо нечто иное, например, деньги в потенции. Потенциальные деньги — не деньги. И как тонко подметил в «Сумме теологии» Ф. Аквинский, когда один и тот же предмет переходит из потенциального состояния в актуальное, по времени потенция предшествует в нём акту. Однако сущностно акт предшествует потенции, ибо потенциально сущее может перейти в актуальное состояние лишь при помощи актуально сущего. Можно признать в качестве методологического заблуждения, когда исследователи стремятся отыскать сущность денег в их потенциальных формах, различных денежных аг-

регатах, отличных от принятого агрегата M_1 , которые не есть в действительности деньги.

Сущность есть в собственном смысле слова то, что выражается в дефиниции. Дефиниция же объемлет родовые, но не индивидуальные основания. Отсюда явствует, что в вещах, составленных из материи и формы, сущность означает не одну форму и не одну материю. То, что составлено из общей формы и материи, должно соответствовать родовым основаниям.

Сущность, как нечто сохраняющееся в предмете, который подвергается изменениям, должна быть согласована со своим объектом. Другими словами, сущность определяется своими существенными, сохраняющимися признаками, который тем самым приобретают статус атрибутов в отличии от несущественных признаков, или модусов. Как отмечает в Этике Б. Спиноза: «Сущность всего того, что может быть представляемо несущественным, не заключает в себе существования». (49, с.254)

Фактически это положение сводится к элементарным требованиям правил реальных определений в формальной логике. Дефиниция должна отвечать требованиям указания на предикаты, которые обладают признаками необходимости и достаточности. Необходимые признаки должны принадлежать всему множеству определяемого и некоторым множествам противоположного класса. Признак достаточности требует того, что этот признак не может принадлежать ни одному элементу из класса контрадикторного определяемому. И если осуществить элементарный анализ на полноту применения правил формальной логики в данном случае, то мы сможем обнаружить грубое игнорирования исследователями этого положения.

Порой авторы предлагают несколько методологических подходов в процессе понимания сущности денег. Первый подход исходит из истории развития денег, их эволюции. Этот метод можно назвать историческим, а по особенностям выводов, к которым приходят исследователи, метод историцизма, по терминологии Карла Поппера.

Второй подход ориентирован на раскрытие сущности денег посредством анализа их функций. Правда, авторы подчёркивают недостатки этого метода в том, что сущность денег этим методом не раскрывается, сущность сво-

дится к роли, которую деньги призваны выполнять. Наконец, третий метод ориентирован на раскрытие сущности денег посредством изучения ряда общих черт, характеризующих их внутреннее содержание независимо от всего разнообразия форм и видов.

Первый метод раскрытия сущности денег опирается на их товарное происхождение. При этом многие исследователи приходят к выводу, что этот метод связан с именем К. Маркса. Здесь представляется некая историческая логическая конструкция, объясняющая эволюционность процессов перехода материального производства от натурального хозяйства к примитивному товарному в форме товарного бартера. Обмен товарами эволюционизирует от простой, или случайной, формы стоимости к развёрнутой, а затем к всеобщей и денежной формам стоимости. При этом констатируется, что деньги становятся товаром особого рода, который стал способен измерять стоимость всей «товарной черни», т.е. всего остального товарного мира. Деньги представлялись как особый товар, представленный в форме бытия абстрактной стоимости всех товаров.

Однако уже более внимательное изучение всей логики аргументации и главное — выводов, к которым приходит К.Маркс, позволяет утверждать, что сущность денег усматривается в способности, т.е. роли, функции быть мерилом, стоимости всего товарного мира. Другими словами, деньги потому и стали деньгами, что стали выполнять функцию измерения стоимости. Это стало возможным потому, что они сами содержали в себе этот субстанцию — материализованную в золоте, серебре общественно необходимое количество затрат живого и овеществленного труда, затраченного на добычу драгоценного металла, обработку, чеканку монеты. Современные деньги этой внутренней стоимостью не обладают и потому измерять в самих себе стоимость товарного мира они не способны.

Критика функционального подхода к раскрытию сущности денег усматривается в том, что деньги рассматриваются как инструмент. При этом утверждается, что «внутреннее содержание» денег нельзя сводить только к выполняемым функциям, поскольку свойства денег остаются в тени. В этом находят достаточность аргументов для утверждения о поверхностном и упрощенном характере этого подхода.

щённом подходе к раскрытию сущности денег, которое имеет место быть в современной литературе.

Третий подход сводится к раскрытию сущностных свойств денег. Уже по самому названию мы обнаруживаем грубую тавтологию, а именно, сущность раскрывается в сущностных свойствах. По своим признакам этот подход скорее обнаруживает общие признаки с так называемым субстанциальным методологическим подходом в формировании адекватного теоретического образа в форме теории денег. Однако субстанция (*substantia* — лат. сущность, то, что лежит в основе) в этом методологическом подходе понимается как некоторая объективная реальность, данность во вне своих внешних апперцепций, т.е. формами своего движения и бытия. В результате закономерен и результат — предельная умозрительность, оторванность от внешнего, предельная бедность определения. В результате этот подход, как он понимается в данном месте, порождает ненужные спекуляции. Определения, в данном случае реальные определения, с позиций требований формальной логики отличались недостатком. Определяемое понятие подводилось под далеко не ближайший род, во-первых, а во-вторых, уже в этом предельно расширенном роде не уточнялись специфические отличия, т.е. *differentia specifica*.

Сущность как философская категория рассматривается как кантовская «вещь-в-себе», формируя предпосылки понимания её во всем многообразии форм существования, придавая одновременно и определенный смысл вещи. В результате «вещь-в-себе» становится и «вещью-для-нас» одновременно, т.е. («*sache-in-sich-und-sache-fur-uns*») Наделение сущности признаками объективности скорее есть следствие грубого материализма в философии. Сущность (нем. — *das Wesen*) есть абстракция от внешнего. Внешнее есть явление сущности, посредством чего мы только и можем судить о внутренней природе веще, в нашем случае, денег. Абстракцию чувственно воспринять нельзя. Бытовавшее в немецкой классической философии так называемое «сущностное видение» (нем. — *das Wesenschau*), скорее есть некоторый субъективный мыслительный образ внешнего, т.е. вещи. Это видение есть видение разума, а не рассудка.

Экономическая сущность денег не может обнаружить себя и получить адекватные форму выражения в некотором простом выражении или отношении к самому себе. Сущность может быть выявлена только в другом, обнаружена посредством противопоставления другому товару из разряда «товарной черни». Как свет есть обнаружение самого себя и одновременно другого, тёмного [9, с. 220]. Поэтому и определение денег на основании этого метода не может не привести к предельно абстрактным и бесполезным дефинициям, как-то деньги — это «не только товар, вещь, обязательство, но и совокупность экономических отношений между людьми в процессе общественного производства и движения общественного продукта от производства до потребления» [21, с. 48]. Поэтому далеко не случайно, что подобный метод не может удовлетворить исследователя, и он приходит опять же к методу познания сущности денег через раскрытие их функций, в лучшем случае, а худшем он приводит в простым перечислением форм внешности, например в методе классификации по сомнительного содержанию признакам.

Наконец, вряд ли можно считать продуктивным процесс познания сущности денег, если в качестве существенных признаков денег, анализировать качества второстепенные. Так, Дж. Тобин считает существенным признаком денег, который отличает их от ценных бумаг, — механизм установления ставки процента на деньги. В работе «Денежная политика и экономический рост» мы можем обнаружить следующее категорическое суждение: «Существенная черта денег, составляющая единственное их отличие от ценных бумаг, которое имеет значение для выводов..., заключается в том, что ставка процента на деньги устанавливается экзогенно, законом или обычаем, тогда, как ставка процента на облигации устанавливается эндогенно, т.е. определяется рынком» [51, с. 94].

Как бы не были вброшены деньги в оборот, они приобретают впоследствии свои собственные механизмы движения, их обслуживания и обращения. Эмитент уже утрачивает даже и видимость реального контроля над обращением, сбережением, хранением денег. Это становится уже прерогативой владельца этих денежных знаков. Деньги в строгом смысле слова есть денежный актив, составляющий агрегат M_1 . Это наличные вне банковской системы

и онкольные депозиты, на которые могут быть выписаны чеки. Последние дают возможность коммерческим банкам творить деньги, создавать последнее действительно авторучкой банкира, что по своим последствиям приводит к тем же результатам, что и деньги, создаваемые государственным печатным станком [51, с. 122].

Однако этот процесс «творения денег», их сакральной креации может обеспечиваться только посредством фидуциарной кредитной эмиссии системой коммерческих банков. И этим они действительно отличаются от иных финансовых посредников на рынке денег и иных финансовых активов. Финансовые посредники в отличие от коммерческих и центральных банков не создают деньги, а размер их активов ограничен размерами их обязательств, т.е. теми сбережениями, которые доверяет им публика. Они не могут рассчитывать на увеличение «депозитов» в соответствии с любым расширением предоставленных им ссуд. И данное утверждение, выраженное в подобной форме, не может быть отнесено к карикатуре, как это представляется Дж. Тобину.

В теории денег как некоторой целостной теории можно обнаружить так называемый синергетический подход в исследовании сущности денег. Это становится возможным благодаря тому, что обнаруживается эффект синергизма (от греч. «*synergetikos*», т.е. совместный, согласованный в действиях). Привнесение этого метода в теорию денег позволяет, как это нам представляется, понять смысл денег, привлекая для этого изучение действия с позиций интереса самого исследователя. Сам по себе золотой металл не есть достаточное условие, чтобы последний отнести в разряд денег. В настоящее время это качество становится даже и не необходимым, и недостаточным, т.е. несущественным. Золото уже никогда не восстановит себя в качестве монеты. Следовательно, сама субстанция денег без форм своего существования, т.е. без функций есть бессодержательная теоретическая конструкция. Привнесение в неё системы производственных отношений в результате осуществления обменных операций неизбежно приводят к раскрытию и описанию тех функций, которые выполняют деньги. Утрата прежних или приобретение новых функций свидетельствует об изменении внутреннего содержания денег, при-

обретение, или утрата качества денег. Фактически это отражает эффект эволюции качества вещи, а следовательно и эволюцию сущности денег. Адекватное отражение сущности денег в их функциях может претендовать на истину, а их теоретический образ не может сводиться исключительно к предельно абстрактным схемам и умозрительным конструкциям, как например, к воплощению материализованного в металле абстрактного труда.

Проблема в методологии вообще и в теории денег, в частности, сводится к тому, что истину сводят к сущности. Вообще мы полагаем, что цель науки не столько познать сущность, сколько познать истину. Если суть усматривается в некоторых логических конструкциях, в которых максимально пытаются избежать налета субъективности, то в истине преодолевается этот недостаток и односторонность. Истинность теоретического образа не сводится к абстрактной всеобщности, на примере денег — к абстрактной всеобщей форме стоимости товара. Проблема теории денег усматривается нами, в том числе и в том, что не различается сущность, как выражение всеобщности, т.е. вне форм своего существования, т.е. явлений. Сущность отождествляется с истиной, как адекватным теоретическим образом предметного мира и самого мышления.

Истина, как это нам представляется, несёт в себе нечто иное, нежели сущность. Исследователи были заворожены познанием сущности, а не истинности. Этот теоретический образ включает в себя то, что исследователи не хотят видеть, находясь в плена умозрительных сущностей, результате не хотят или не могут понять это требование теории денег в её истинности.

Не следует сбрасывать со счетов и то положение, что люди, как отмечает Л. Мизес, преследуя свои эгоистические интересы, стараются применять теории, получившие более или менее всеобщее признание в общественном мнении. Более того, они стремятся изобретать и пропагандировать теории, которые могут быть использованы для служения их общественным интересам. Но это не объясняет, почему подобные доктрины, преследующие интересы меньшинства и противоречащие интересам всех остальных, одобряются общественным мнением. Независимо от того, являются ли такие идеологические доктрины продуктом ложного самосознания, заставляющего человека

невольно мыслить в русле интересов своего класса, или они — продукт намеренного искажения истины, они должны столкнуться с идеологиями других классов и постараться занять их место. Так возникает борьба антагонистических идеологий. Не следует полагать, что ученые всегда принимают облик беспристрастных исследователей, что в процессе раскрытия сущности экономических явлений, в стремлениях понять тенденции в социально-экономической динамике разум и воля человека играют подчиненную роль, что неумолимый закон исторического развития принуждает людей независимо от их желания мыслить и действовать в соответствии с моделями, соглашающимися с материальным базисом своей эпохи. Люди обманываются, считая, что вольны выбирать между разными идеями и между тем, что они называют истиной и заблуждением. Это чисто мистическая доктрина. В мире, организованном на основе принципа разделения труда, любое изменение должно затронуть краткосрочные интересы многих групп. Поэтому всегда легко разоблачить любую доктрину, обосновывающую изменение существующих условий как идеологическую маскировку эгоистических интересов определённых групп людей [55, с. 77, 78, 80]

В этом отношении весьма примечательно суждение отца П.А. Флоренского: «Я не знаю — есть ли Истина, или нет её. Но всем нутром ощущаю, что не могу без неё. И я знаю, что если она есть, то она — все для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье». Позиция окончательно проясняется, когда отец Флоренский добавляет. «Там на небе — единая Истина, а у нас множество осколков Истины, неконгруентных друг с другом» [Цит. по: 39, с. 178].

В итоге проблема понимания и его природы продолжает оставаться чрезвычайно запутанным и сложным феноменом в теории науки. Можно согласиться с некоторыми учёными в том, что до самого последнего времени этот вопрос даже не подымался и не обсуждался широкой научной общественностью. Практически до сих пор остается не выясненным ответ на вопрос, какая область научного знания включает его в свой предмет:— философия, психология, педагогика, семантика?

Проблема методологии в теории денег обнаруживается в следующем. Чтобы раскрыть внутреннюю природу денег, необходимо понять смыслы, приобрести знания о природе денег и описать, объяснить их функции. Но описать функции можно тогда, когда становится понятой сама природа денег. Фактически мы перефразировали проблему познания, известную со времен патристики, сформулированной ещё св. Августином: «Надо верить, чтобы понимать, и понимать, чтобы верить».

Сколько бы исследователь не анализировал внешние формы, т.е. те формы, посредством которых сущность приобретает своё существование, он будет находиться в сфере несущественного или видимости, по Г. Гегелю. И только «схватив» мышлением сущность, исследователь переходит к наиболее полному и целостному образу познанного бытия вещи. Сущность, которая берётся в единстве со своим существованием, или в диалектическом единстве со своим богатством случайного во внешних образах, есть действительность вещи, (или *die Wesentlichkeit* —нем.).

Критика функционального подхода может быть признана научно состоятельной по той причине, что этот подход имеет отношение к внешнему проявлению сущности. Контраргументом может быть то, что в разуме не может быть ничего, что не пребывало бы ранее в ощущениях. Последние дают нам целостный образ вещи, но он не оплодотворён сущность. Исследователь предчувствует сущность, но ещё не понимает её. Она продолжает оставаться кантовской вещью-в-себе (*sache-in-sich*). Познание смысла вещи исходит из её оценки разумности внутреннего содержания применительно к пользе для практики или дальнейшего научного познания. Смысл формирует направление, разумные ориентиры в исследовании вещей, преступая и игнорируя те моменты, которые не представляют научного и практического интереса. Следовательно, функциональный подход следует понимать как подход ограниченный и довольствующийся анализом внешних форм в познании. Он не более как ориентир, вектор в познании самой сущности.

Исследования в области методологии применительно к теории денег последнего времени позволяет судить о появлении «психологических» теорий денег. При этом не существует некоторой признанной, или главной, пси-

хологической теории, однако есть основания констатировать существование различных психологических парадигм и традиций, которые нашли свое место в психологии денег. В частности следует отметить психоаналитические теории денег, теорию развития и эволюции денег Пиаже, бихевиористскую теорию научения и, наконец, исследования в области экономической психологии.

Так, концепция бихевиоризма (от англ. *behavior* — поведение) предполагает, что предмет психологии есть не сознание, а поведение, понимаемое как совокупность двигательных и сводимых к ним словесных и эмоциональных ответов, (реакций) на воздействия (стимулы) внешней среды. В её современной модификации, родоначальником которой стал Э. Толмен, К. Халл, упрощенная форма «стимул-реакция» была дополнена промежуточным звеном, или «промежуточными переменными». В качестве последних могли выступать различные побудительные и познавательные факторы. И хотя позитивистская методология бихевиоризма критиковалась прежде в советской и зарубежной психологии, она, тем не менее, даёт некоторое понимание сложному и противоречивому процессу становления института денег во всех мировых сообществах.

Проведённые бихевиористские исследования были посвящены тому, как в различных сообществах деньги, а здесь уже можно говорить о знаках денег, становились условным подкреплением, и как следствие, ценимым и желаемым предметом. Зафиксирован результат, как подопытные животные, например, крысы, кошки, шимпанзе, выполняли ряд задач и в награду получали жетоны, фишки в качестве стимула, награды, и которые они в последствии обменивали на желаемые предметы, например, лакомства, еду. Деньги в этой концепции стали цениться уже потому, что стали символами разнообразных желаемых предметов, удовольствий, или ассоциировались с ними. Существует достаточно большой объём научных исследований по жетонным системам, которые хорошо согласуются с работающими приложениями бихевиористских «денежных» теорий применительно к поведению пациентов психиатрических клиник, подростков с нарушениями поведения, рецидивистами [54, с. 19, 20].

Ценность бихевиористической концепции трудно отрицать для формулирования целостной модели «денег» в настоящее время. Это становится понятным по тому очевидному и трудно опровергаемому факту, что и в открытых системах денежные стимулы имеет самое прямое воздействие на осуществление когнитивных задач в научных исследованиях и рядовой житейской практике. В соответствии с работами ученых психологов, научные интересы которых стали соприкасаться с теорией денег, стала оформляться экспериментальная и социальная психология денег. Тем самым доказывается и объясняется логичность и необходимость сознания новой психологической теории денег, которая исходила бы из принятия во внимание символической ценности денег (*symbolic value*).

Из этой концепции логично вытекает и то следствие, что следует закончить теоретизирование относительно явной иррациональности (irrational) или нерациональности (a-rational) человека в отношении денег и обратить свое внимание на бесконечное множество институтов и ритуалов, которые принимают, санкционируют или даже поддерживают далеко не рациональное экономическое поведение [54, с. 21].

Если подвести некоторый итог относительно того вклада, который был привнесён в современную теорию денег, то можно сделать только один вывод. Бихевиористская концепция денег, несомненно, обогатила теорию денег. Она позволила дать научное объяснение тому, каким образом люди, независимо оттого, что они понимают в теории денег, начинают ценить не истинное, действительное содержание денег, а исходя из принципа полезности, переходить от действительных денег к знакам денег. Следовательно, этот переход к знакам стоимости, ценности, позволяет получать при этом громадный утилитарный эффект от экономии ими труда для производства средств обмена, если бы последние были представлены в форме действительных денег. Внутренняя стоимость действительных денег, индивидуальная потребительная стоимость золота, серебра в форме денег была оттеснена на задний план общественной потребительной стоимостью современных денег, когда последние стали, как и действительные деньги, выполнять функции денег. Более того, эта общественная потребительная стоимость золота, например, мо-

нетарного, увеличилась в неизмеримо высокой степени, так как означало общественную экономию факторов их постоянного расширенного воспроизведения.

Известный парадокс Аристотеля относительно богатства общества и имеющегося монетарного золота в этом случае уже начинает терять свою остроту. Богата ли нация, если она накопила монетарного золота? Если по мысли Аристотеля богатство в своём истинном свете может реализовываться только в потреблении, то накопленное монетарное золото следует считать, как громадную плату человеческого сообщества за возможность осуществить обмен товарами и услугами, используя при этом посредника, т.е. деньги. Если же общество начинает использовать знаки, к которым участники обменных операций испытывают доверие, то общество начинает экономить громадные ресурсы человеческого труда, природных ресурсов и капитала. Утилитарный эффект от общественных форм организации отношений и соответствующих институтов в этом случае налицо и не нуждается в каком-то дополнительном обосновании.

Однако этот подход в концепции бихевиоризма может достраивать целостную теорию денег, но не может заменить собой всю теорию денег. Позитивная теория денег должна ответить на главный вопрос, а именно, какова все же экономическая природа денег, что составляет внутреннюю стоимость денег, потребительную стоимость денег, общественную потребительную стоимость денег, наконец, что стоят вообще деньги и какие функции они выполняют. Ответ на эти принципиальные вопросы позволит сформировать предпосылки и для ответа на вопрос, что есть собственно деньги по своей сути и насколько можно считать истинными эти модели.

Представляет научный интерес методология исследования денег, которая лежит в координатах экономической антропологии. Данное направление видит свой предмет в экономических аспектах социальных отношений. При этом почти все экономические концепции имеет одно общее основание — господствующий тип экономики есть экономика промышленного капитализма, а современные экономические концепции, как-то максимизация блага, предложение, спрос, применимы равным образом и к примитивным сообще-

ствам. Эти общие признаки, начиная с примитивных сообществ, можно свести к структурированному регулированию приобретения и производства материальных ценностей и услуг, правила, посредством которых осуществляется объединение и координация ресурсов в долговременной, периодической форме и, наконец, существование внешне похожих объектов, учетных механизмов и внешней торговли. Экономическая антропология направляла свои взорения и интересы на понимание всех аспектов экономической деятельности, в том числе, бартер, собственность, имущество, их закрепление в сообществе, механизмы распределения благ. При этом экономический антропологизм обнаруживал в этих механизмах много общих черт, начиная с самых примитивных сообществ. Во многих исследованиях экономических антропологов рассматривались символы стоимости и этапы эволюции денег, каким образом они выполняли функции денег, а также причины того, каким образом те или иные предметы становились деньгами. Самим этим предметам экономические антропологи приписывали различные функции. Одни принимали их в качестве запаса, накоплений, сокровищем, хотя другие превращали их в предметы повседневного использования. Принимались деньги и как капитал, который способен приносить прибыль. Однако научную ценность больше придают те результаты, которые отвечают не только на вопрос о внешних характеристиках предмета, сколько ответ на вопрос, какие функции ранее выполняли примитивные деньги. Методологический подход к природе денег в концепции экономической антропологии позволил, по мысли её адептов, выразить суть антропологической идеи. Деньги вне сферы использования ничего не значат, а их использование предопределено традиционными транзакционными институтами, которые свойственнее экономике данных культур. Другими словами, деньги есть то, что они делают, и ничего более. Сами же денежные институты есть одновременно внешние признаки внутреннего состояния индивидов в данном сообществе. Деньги выступают связующим звеном между настоящим и будущим. Однако деньги исполняют роль катализатора экономических взаимоотношений только в том случае, если им доверяют. Если же вера поколеблена, то деньги утрачивают свои функции и становятся бесполезными. Денежные символы становятся эффективны до тех пор,

пока они внушают доверие. В этом смысле деньги независимо от того, действительны они или фальшивы. Они скорее зависимы от злоупотребления доверием и одобрения.

Поэтому нет и ложных денег вообще. Они появляются только при со-поставлении одной валюты с другой, когда одна из них оказывается более приемлемой и заслуживающей доверия.

Однако если сторонники чистой экономической мысли рассматривали причину появления денег в развитии торговли, то антропологи исходят из некоммерческих оснований, выдвигая на первый план потребности в активах при выкупе невесты, пожертвований, статусного символа, штрафов, налогов, откупного. В рамках экономической антропологии становится понятным вывод учёных антропологов о том, что символы в неторговых платежах появились гораздо раньше того времени, когда из товарного мира выделились особый товар-деньги, превратив одновременно всю остальную массу в «товарную чернь», по — К. Марксу. Согласно данной концепции в любой культуре существует множество видов денег, в смысле числа предметов, которые можно принимать в качестве денег. Например, произведения искусства следует сегодня рассматривать скорее как инвестицию, а не как предмет эстетического наслаждения. Однако это становится уже некоторой потребностью людей в отдельных прослойках современного общества. Формируется одновременно институт «праздного потребления», а самих индивидов на основании таких формирующихся традиций можно уже отнести к «праздному классу» в соответствии с теорией Т. Веблена.

В этом отчётливо проявляется символизм денег, символизм потребления и символическая ценность этого ритуального «праздного» обладания. Тем самым методология экономической антропологии даёт возможность привести к некоторым значимым в теории денег выводам. Так как одна и та же вещь, предмет имеет различные типы ценностей, например, символический, чувственный, меновой, то монеты, купюры, чековые книжки, кредитные и дебетовые карты могут восприниматься как одна из форм современных денег, используемых сообществом ритуально и символически.

Таким образом, нет оснований относить теорию денег исключительно к предмету экономической теории. Деньги слишком важны для общества, чтобы это право было монополизировано исключительно экономической теорией денег. Поэтому и метод исследования сущности денег не может лежать в границах одной теории. Каждая система взглядов обогащает модель и не может быть отброшена, при условии её научной состоятельности. Тем самым можно преодолеть ущербность теоретических абстракций в границах одной теоретической концепции. Сущность, которая берётся в единстве с формами своего бытия, т.е. существования, движения, реализации, есть действительность. Поэтому в своём истинном свете теоретическая модель денег может быть описана и понята как единство сущности и своих акциденций. Последние описываются различными системами научного знания, что и позволяет сформировать целостный теоретический образ денег.

На возражение о невозможности в силу бесконечного богатства качеств денег сформировать данную законченную теоретическую модель денег, что это требование лежит в области утопического сознания, можно заметить следующее. Следует изначально признать несовершенство нашего знания как со стороны качества, так и со стороны количества. Абсолютность и законченность процесса формирования теоретического образа есть действительно утопия. Как сами деньги следует понимать как движение, т.е. как процесс, как осуществляющее себя противоречие, так и сам процесс познания есть последовательное отрицание с одновременным удержанием существенного, то, что Г.В.Ф. Гегель называл «снятием» (*das Aufheben*). Однако следование этому методу исследователь продвигается к истине, хотя изначально уже обречён никогда не получить законченного целостного теоретического образа денег. Но одновременно этот метод позволяет по мере продвижения в научном приращении знания преодолевать ущербность односторонности, бедности абстрактных моделей, которые мало имеют общего с истинными теоретическими образами. И когда Карл Поппер обрушивается на принцип целостности, в нашем понимании, принцип тотальности в его фундаментальной статье «Ништета историцизма» в журнале «Вопросы философии», то мы скорее склонны

полагать, что это не столько *нищета историцизма*, сколько пауперизм поп-перизма.

Принцип целостности в познании экономических, социальных, политических и иных феноменов действительно сопряжен с громадными теоретическими трудностями. Но именно этот принцип в познании, как нам представляется, способен скорее привести к формированию наиболее истинных и правильных теоретических моделей в теории самых различных направлений.

ДЕНЬГИ В КОНЦЕПЦИИ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛЯ

Когда некоторые исследователи в области теории денег начинают обращаться к областям, хотя и близко лежащим по отношению к теоретическому экономическому знанию, например, праву, этике, социологии, то тем самым как бы *a priori* признаётся тот факт, что получить наиболее полную картину мира денег можно только тогда, когда преодолевается односторонность подхода, которые характерен для той или иной науки. Поэтому приобретает теоретическую значимость те исследования, уже для экономической теории денег, которые раскрывают социальную, этическую, например, природу денег. В этой связи мы отметим предельно интересные исследования Вивианы Зелизер, которые стали известны российскому читателю благодаря появившейся опубликованной монографии. [24]

Это позволяет представить более богатой и целостной картину теоретического образа такого предельно сложного и внутренне противоречивого феномена как деньги. Действительно, деньги выявляют различное к ним отношение со стороны членов сообщества. Это отношение не может не включать моменты этического отношения к деньгам, а также к способам их получения и тем лицам, от которых получают или передают эти деньги. Это получает своё определение в «целевых обозначениях денег», что является прямым рождением социальных сетей и ценностных ориентаций.

Ответ на вопрос римского императора Васпассиана на упрек своего сына, будущего императора Тита об обложении отхожих мест в Риме сводился по сути к фразе, что деньги «не пахнут». Однако имеет право на существование

ние и иное отношение к подобному явлению: «деньги пахнут», «деньги жгут руки». Это объясняет те исторически установленные факты в отношениях граждан социума, что в традиционных сообществах деньгам приписывались особые качества и особые ценности, которые не сводились к их количеству. «На одни деньги можно было купить еду, на другие — жену, трети — можно было подарить на свадьбу, четвёртым — откупиться за нанесённое оскорбление. «Неправильные деньги» либо просто не принимались, либо серьезно девальвировались по стоимости» [24, с. 15].

Соглашаясь в принципе с исторически установленными фактами обращения денег и возникновением специфических отношений между участниками этих денежных процессов, тем не менее, мы позволим заметить себе следующее. Это появление специфических отношений к деньгам скорее есть отражение более ранних процессов, которые объясняют механизм получения этого богатства в форме денег. Скорее это отношение к деньгам есть не более как частный случай, или *ad hoc* более фундаментального социально-экономического отношения к богатству вообще. Деньги есть разновидность имущества, будь оно в форме монетарного золота или серебра или в форме знака этого реального богатства. Получающие известность в социуме знания о формах получения, доступа к богатству не могут оставаться знаниями, которые не получают свои этические оценки. Члены сообщества не могут оставаться индифферентными по отношению, как к самому получаемому богатству, так и к самим членам социума. Вопрос о том, что в этих отношениях первичное, а что вторичное, скорее есть проблема социальных отношений. Углубление в исследовании этого процесса скорее способно привести к «детской непонятливости», к регрессии к бесконечному, т.е. *regressus in infinitum*.

Отношение к деньгам есть отношение производное от отношения к человеку как субъекту, который приобрёл право на требования богатства или осуществляет пользованием им. Общество не может оставаться равнодушным, не формировать ценностного отношения к членам социума. Отношение же к его богатству есть не более как перенос ценности, богатства, т.е. соответствующая социальная трансакция на эти денежные знаки, богатство или

денежные знаки. Этическое отношение к деньгам скорее опосредует отношение к способам получения этого богатства самим членом сообщества. Поэтому Вавиана Зелизер скорее вломилась в открытую дверь, хотя при этом не допустила некорректного изложения относительно описания исторически известных фактов и событий.

Подобные опосредование мы можем обнаружить также и в сфере религиозных отношений. Различающееся отношение к деньгам мы обнаруживаем у разных европейских народов и приверженцев к различным религиозным конфессиям. Так, по известной работе Рамиро де Маэстру, который после своей поездки в США сделал достоянием широкой научной общественности мысль о том, что мы можем обнаружить резко противоположное отношение к деньгам у народа в зависимости от того, к какой религиозной конфессии этот народ по преимуществу относится. И это различие наиболее выпукло проявляется у носителей таких культур, как например, протестантской, англосаксонской или католической. Это различающееся отношение, которое по своей природе является более глубоким отношением, т.е. социальным, Маэстру увидел в различающемся менталитете народов. Была сделана попытка обосновать природу этого отношения к деньгам характером его народа.

От отношения к деньгам как цели, до отношения к деньгам как средству достижения других более важных, принципиальных целей, которые являются более существенными для индивидов, от уважительного, почтительного, реверентного отношения к деньгам, так и презирательного отношения «как презенному металлу», преломленного через религиозное, в том числе сознание, лежит богатый по своему содержанию этот бесконечный спектр отношений. В этом контексте представляет интерес то положение, что вполне можно допустить наличие содержательной стороны в этическом отношении к деньгам. Это обнаруживает элементы общности с духовным отношением, или что-то же самое, духовную, социальную суть денег и их скрытым количеством смыслов.

Смысл этого положения становится более ясному, или реверентному, то есть почти религиозному почтению к деньгам, противопоставляется чувственное или плотское отношение к деньгам. Более того, само отношение к ко-

личеству не может не отражаться в характере отношения людей к деньгам. Поэтому утверждение В. Зелизера мы в этом отношении не разделяем. Отношение к человеку, у которого в кармане несколько тысяч рублей, будет существенно различенным к олигарху, у которого объем богатства измеряется миллиардами, и которое он без особых усилий может трансформировать в абсолютную ликвидность.

Духовное, социальное отношение к деньгам мы усматриваем в том состоянии, которое переживает индивид и переживают люди его окружающие. При этом не может не осознаваться результат получения, приобретения этой суммы в силу пригодности, востребованности индивида другими членами социума, либо эта величина приобретенного стала результатом грубого, насищенного поведения в сообществе, либо в результате финансовых махинаций или коррупционных форм присвоения.

Отношение к деньгам воспринимается одновременно и как отношение к власти над остальными членами сообщества. В этом отношении уместно напомнить мысль К. Маркса о том, что «свою связь с обществом, свою власть в обществе индивид носит с собой в кармане». Таким образом, эти отношения к деньгам приобретают момент отношений властных. Власть денег есть власть экономическая, но от этого она не перестает оставаться властью, а деньги в их количественном измерении есть в этой связи как размер этого властного ресурса.

Положительно, социально востребованное отношение членов социума может проявить себя тогда, когда деньги отразили, в сам процесс приобретения дохода в его денежной форме выявил факт востребованности этого члена социума со стороны большинства. Этот член социума не превратил и не превращал остальных членов сообщества в объект управления, не желал реализовать свои эгоистические интересы, рассматривая членов сообщества как средство исключительно. Этот индивид был элементарно нужен сообществу в целом и отдельным его членам.

В результате деньги несут в себе осознание социумом причастности индивида к процессу создания общезначимых для социума ценностей. Индивид устраивает систему общего-жития, по мысли старца Серафима Соровского

го. Весь процесс первичного получения дохода, его использования на потребление, их перераспределение на нужды государства, на инвестиции пронизан отношениями этическими, религиозными, этатическими, наконец, личностными. В своей обобщенной форме эти отношения следует понимать как социальные отношения в обществе.

Деньги, рассматриваемые в социальном концепте, есть конструкт социума. Они порождены социумом, есть форма разрешения противоречий связи в социуме. То, что деньги не имеют лица, может быть получено исключительно в контексте экономических доктрин. Они уже по определению бедные, ибо игнорируют всю гамму сложных, неоднозначно воспринимаемых и понимаемых социальных отношений. Деньги несут в себе не только экономический потенциал, заряд, но и этическую нагрузку.

Экономический потенциал мы можем воспринимать в форме богатства, которое реально доступно, на которое индивид или общество может распространить свою волю, на которое может простираться контроль. Общественное разделение труда постоянно воспроизводит потенциал, но не реальное богатство. Подлинность богатство реализуется, по мысли Аристотеля, в потреблении. Следовательно, стать реальным богатством ресурс может только тогда, когда он дойдёт до потребителя. До этого момента товар, как продукт, произведенный для других и подлежащий обмену на условиях эквивалентности, или стоимости, становится источником неравномерности распределения благ. Сапоги остаются у сапожника, как булочки у булочника. Нераспределённость товарной массы создает на одной стороне излишки потребительной стоимости у производителя и потребность в этом товаре или услугах у потребителя. Возникает своего рода социально-экономическая напряженность, которую по аналогии можно представить как напряженность социально-экономического поля. Разрежение этого поля представляется нам как поток товаров от производителя к потребителю.

Последний может осуществляться непосредственно, либо опосредованно через деньги. Таким образом, денежные потоки и сами деньги следует рассматривать как некоторый конструкт социально-экономического поля, посредством которого обеспечивается снятие напряжения этого социально-

экономического поля. С другой стороны, потребление следует рассматривать как вторую сторону производства, например, воспроизведение главной производительной силы и главной ценности в обществе в лице члена социума. Это воспроизведение рабочей силы, самого работника, члена социума осуществляется опосредованно посредством условий жизни индивидов в обществе, воспроизводя не только предметы потребления, средства производства, но и общественные институты, и всю целостность отношений в обществе.

Движение денег обеспечивает эквивалентность при встречных движениях товаров тогда, когда деньги были действительными деньгами. Во времена бумажных, или современных, денег последние являются средством передачи информации о том, что эта эквивалентность будет восстановлена при обмене товарных масс, как только их владельцы избавятся от этих бумажных денег. Вера в справедливость при обмене товарной массы с применением действительных денег уже во времена золотого металлизма покоилась на вере. Об этом свидетельствуют жаркие дебаты в Конгрессе США, когда последний выразил свое отношение по поводу того, что на золотых монетах планировалось восстановить девиз *«In God We Trust»* — «В Бога мы верим». Этот девиз был удалён указом Президента США, на что некоторые конгрессы, соглашаясь с Президентом в принципе, констатировали. «Наша монета ... является средством мирских, а не сакральных сделок». Другие конгрессы не менее удачно парировали это аргументом, который красноречиво отстаивал ритуальную надпись. При этом заявлялось, что «хотя удаление (девиза) и не уменьшило денежной стоимости (денег)... оно снизило их ценность с точки зрения наших чувств». Соединённые Штаты Америки, как заявил представитель от штата Джорджии, не должны чеканить «бездожные (*infidel*) деньги» [24, с. 51].

Этот исторический факт позволяет сделать суждение о том, что это социально-экономическое поле, в котором деньги становятся формой снятия социально-экономической напряжённости между массовыми полюсами избытка и потребности, одновременно пронизано и религиозными (сакральными), доверительными отношениями. И деньги становятся тем инструментом, конструктом этого социального поля, которые разрешают противоречия вос-

производства условий человеческой жизни, снимают и одновременно воспроизводят эти противоречия.

Впервые конструкт социального поля был введён в научный оборот Куртом Левиным. Для него поле есть наиболее фундаментальный конструкт. Все поведение, включая действие, мышление, желание, притязание, оценивание, достижение и т.д., понимается как изменение некоторого состояния поля в данную единицу времени [31, с. 11].

В исследовании экономической и социальной природы денег, это социально-экономическое поле, в котором его важнейшие параметры задаются экономическим потенциалом, способностью поля реагировать на внешние возмущения. Фактически это поле есть жизненное пространство индивида в обществе, включая сюда важнейшие сферы жизнедеятельности самого индивида, сообщества и созданными этим сообществом институтами, например, правом, традициями, механизмами и инструментами. Посредством и благодаря этим институтам заполняется всё жизненное пространство индивида и самого сообщества.

Если речь идет об экономике, то важнейшими конструктами этого социально-экономического поля становятся экономический потенциал и его изменение во времени, сами инструменты, с помощью которых воспроизводится и расходуется этот потенциал, и которые следует рассматривать как орудия, предметы, практику их применения в этом непрерывно возобновляемом процессе материального воспроизведения жизненного пространства. Человек сам генерирует потенциал, создавая тем самым напряженность по отношению к себе подобным в сообществе, а с другой стороны, уже находится в более мощном, определяющим его поведение, мышление, ожидание социальном поле, которое по своей структуре само разнородно, включая, например, поле этики, религиозности, традиций и иных институтов. Каждый из этих видов полей порождает определенный тип поведения, но одновременно индивиды и сам социум располагает и формами, которые позволяют снимать эти противоречия и одновременно воспроизводить их. Напряжённость социального поля подталкивает членов сообщества к разработке и принятию адек-

ватных мер по формированию жизненного пространства индивида и общества.

Если речь идёт о воспроизведстве материальных условий жизнедеятельности индивидов и самого сообщества, то такими конструктами являются товары, ресурсы, активы, деньги и т.д. Воспроизведение среды жизнеобитания человека следует одновременно рассматривать как осуществляющее само себя противоречие, формами движения и разрешения которого мы склонны принимать в качестве денег. Деньги становятся тем инструментом, который обеспечивает перемещение реальных ценностей, которые приняли товарную форму, или получили некоторое стоимостное выражение, например, налоги, трансферты. Перемещение товаров от производителя к покупателю (потребителю) при отсутствии денег, т.е. в условиях бартера, обнаруживает противоречия, суть которого в соизмерении эквивалентности и поддержании принципов справедливости обмена. Деньги, опосредуя обмен, разрешают противоречия, принимая на себя некоторые функции обменных операций непосредственно. Это касается в условиях золотого монометаллизма функции измерения стоимости и самой меры стоимости. Это воспроизводит процесс обмена на новых основаниях, облегчает его, снижает транзакционные издержки. Происходит процесс монетизации товарооборота, суть которого заключена в опосредовании движения товарных ценностей движением денег.

Дальнейшее воспроизведение противоречия обмена ценностями приводит уже к возникновению и проявлению нового, более развившегося противоречия. Недостаток теперь уже ликвидных активов становится внешней выявленной формой нового противоречия обмена. Замещение движения денег движением ценных бумаг, т.е. процесс секьюритизации, есть более развитая форма движения и осуществления противоречий товарного обмена в обществе.

Каждая из этих форм снимала и одновременно воспроизводила противоречия товарного обмена, тем самым, оказывая воздействие и на формирование социально-экономического поля жизненного пространства индивида и самого социума. Деньги становятся тем каналом, который делал более эффективным, экономным движение товарных ценностей в обществе. В любой

экономической системе каждый есть производитель и каждый есть потребитель. Каждый, расходуя свои жизненные ресурсы, одновременно воспроизводит себя и окружение со всей совокупностью своих институтов. Поэтому сравнение А. Смита денег с дорогами более чем уместно.

Деньги обеспечивают перемещение товарных ценностей, богатства, или имущества, в современных условиях не обладая при этом внутренним богатством, внутренней стоимостью. Они есть знак веры, и этого при здравой monetарно-кредитной политике государства становится достаточным.

Поток денег действительных был вытеснен потоком знаков — симулякров, этих ложных подобий оригинала — действительных денег.

Тем не менее, и для знаков система должна обеспечивать их быстрое и беспрепятственное перемещение, опосредуя тем самым обращение товаров и богатства. Несовершенство инструментов денежного и платёжного оборота ведут к замедлению обращения, что можно по аналогии отнести к возрастанию сопротивления перемещению потенциала в социальных полях.

Математически это было представлено в свое время моделью обмена И. Фишера. Денежная масса может здесь соотноситься с размером подлежащего перемещению потенциала, который уже в форме товарной массы в ее денежном выражении представлен в правой части этой известной модели. Это делает еще более аргументированным суждение о том, что сама модель И.Фишера представляет собой тавтологическую форму выражения этих пропорций.

Теория денег в последние годы существенно обогатилась и разработками исследователей в рамках концепции юридической природы денег. (См. работы: 57, 63, 59 и т.д.). В российском гражданском праве первые исследования в этом направлении уже были отмечены в конце XIX века. Определение денег, тем не менее, строилось на экономическом фундаменте. Деньги понимались как универсальное экономическое благо, которое легитимируется государством как абстрактная единица ценности и всеобщее законное (принудительное) платёжное средство.

При этом деньги рассматривались в двух разных юридических аспектах, как имущество и как сумма. Деньги как имущество рассматривались в

форме законно эмитированной наличности, т.е. наличным деньгам. При этом полагалось, что деньги в наличной форме уже несли в себе некоторую ценность в силу ценности того материала, из которого они были изготовлены. С другой стороны, деньги несли в себе субъективную ценность в силу общественного к ним доверия. Деньги становятся неотъемлемым элементом развитого товарно-денежного хозяйства, оказывающие существенное и постоянное воздействие на состояние конъюнктуры и на ход экономического цикла,— отмечает Усоскин В.М. в своей вступительной статье к работе Л. Харисса «Денежная теория». Денежная система обеспечивает «обмен веществ» в народно-хозяйственном организме, сложнейшем переплетении рыночных и производственных связей, опосредует движение огромных масс товаров и денежного капитала, стимулирует развитие производительных сил через каналы кредита и государственных финансов. Однако ошибки в осуществлении денежно-кредитной политики усиливают элементы неустойчивости и риска, что служит причиной серьёзных нарушений и чревато серьёзными последствиями в области социальных отношений.

Полагалось, что деньги как денежная сумма есть предмет относительно самостоятельных юридических отношений в силу их ещё более абстрактного характера. Как писал по этому поводу в свое время М. Литовченко: «Всякое имущественное право может при известных условиях превратиться в денежное обязательство, а после реализации последнего — в денежную сумму». (Цит. по: 10, с.22).

Германское право различает деньги в общеправовом и специальном юридическом смыслах. По общему понятию деньги есть вещь, которая способна служить эквивалентом всех других товаров, следовательно, деньги служат фактически в гражданском обороте средством накопления и обращения имущественных ценностей. Деньги же в специальном смысле представлены вещью, которая по закону служит средством погашения обязательств.

Во французском праве деньги трактуются как имущество телесное (*biens corporels*), если речь идет о наличности. Если же речь идёт о безналичной форме, то деньги относят к бестелесной форме (*biens incorporels*). Основной характерной чертой методологии в исследовании юридической природы со-

временных денег становится принципиальная посылка. Хотя современные деньги и бестелесны, тем не менее, бестелесное имущество в форме денег реально. Бестелесное имущество дает всю полноту прав собственника, имеет место материализация и дематериализация денег. Эта реальность бестелесного имущества выражается в том, что хотя они и выступают не как вещи, а как права, что делает возможным совершение целого ряда действий по поводу этих прав. Здесь следует только заметить, что употребление предельно объёмного понятия «материализация» не способствует поиску научной истины вследствие предельной перегруженности этого концепта. Можно было бы в этом случае предложить более нейтральный термин, например, «дестрафация» (*destufation* —англ.) денег.

Со временем в процессе эволюции денежные знаки, утратив функцию обмениваться на монетарное золото, превратились с абстрактный символ ценности. С этого момента демонетизации расчёты между агентами стали осуществляться в безналичной форме, и деньги теряют свою юридическую функцию средства платежа и выполняют только экономическую как средства учёта, или в иной формулировке, функцию средства счёта.

Однако при этом деньги не являются ни абстрактным *pumeraire*, ни эталоном ценности или цен. Они неизбежно являются экономическим товаром, и как таковым им присваивается ценность и стоимость в соответствии с их собственными заслугами, т.е. пользой, которую человек получает от наличных денег. Рынок всегда находится в движении и изменении. Именно потому, что существуют колебания, существуют и деньги [45, с. 390].

Методология исследования юридической природы денег в англо-американском праве исходит из рассмотрения денег как персональной движимости (*chattel personal, negotiable chattel*), как «вещь в требовании» (*things in action*). При этом основное отличие «вещь в требовании» и материальной движимости усматривается в том, что материальная движимость может быть объектом владения, в то время как «вещь в требовании» этим признаком не обладает. Следовательно, и деньги в форме «вещи в требовании» не могут обеспечить и разделение прав, которое возможно в отношении материальной движимости. Другими словами, невозможно зависимое держание, отделяю-

щее право собственности от владения. Отличительной стороной денег как «вещи в требовании» становится её неразрывная связь и функцией счета (unit of account).

Как подметил в свое время Ф. Хайек, проведя одну историческую аналогию с китайской древностью, древнекитайский иероглиф, который обозначает понятие «деньги» в буквальном переводе, означал «текущие товары». Максимально адаптировав это обозначение к реалиям сегодняшнего дня, можно деньги назвать как наиболее ликвидный товар. Следовательно, это понимание вполне согласуется с общепринятой в теории денег их функцией. Деньги есть единственно принимаемое всеми средство обмена, которое одновременно принимает и дополнительные функции счёта, средства сохранения ценности, средства отсроченного платежа и др. [10, с. 22–24].

Не может привести к истине отмеченный ранее исторический метод, а также метод, в основе которого лежит единство исторического и логического. Если на основе исторического анализа предмета исследования исследователь пытается делать некоторые прогнозы, то это скорее буде метод не исторический, а по К. Попперу, метод историцизма. Последний также не может нами быть принят за тот инструмент, который позволит сформулировать выводы, заслуживающие положительного к ним отношения.

Историко-эволюционный метод исследования экономической природы денег есть некоторая модификация исторического метода, приложенного к «кальке» эволюционного становления развивающегося объекта исследования. Этому методу свойственны как достоинства исторического метода, так и все его существенные недостатки.

Не может характеризоваться в качестве состоятельного метода анализ денег по его составным элементам уже по предварительному определению природы денег, как отражение абстрактных стоимостей товарных масс. В этом ключе весьма примечательным становится идея Ф. Мизеса, который полагал, что деньги действительно не являются ни абстрактным *numeraire*, ни эталоном ценности или цен. Но они неизбежно и одновременно являются экономическим товаром. Деньгам как таковым присваивается ценность и

стоимость в соответствии с их собственными заслугами, т.е. пользой, которую человек получает от наличных денег.[34,с. 391]

Преодолевая предельную абстрактность *numeraire*, Ф. Мизес верно отмечает, что современные деньги уже не могут служить эталоном ценности, хотя сохраняют все атрибутивные признаки товара вообще. Однако говорить о стоимости современных денег, которую они приобретают в соответствии с их собственными заслугами, или пользой для человека от наличных денег, мы не можем разделить, ибо они по своей природе объективно не включают ни грана стоимости. Второе наше замечание сводится к ранее уже отмеченному. Сущность получает некоторые существенное признаки определения от своих функций, т.е. той пользы, которую деньги выполняют. Но этот признак при всей его важности может быть отнесен к признакам необходимым, но недостаточным. В этом подходе Ф. Мизес явно обнаруживается нарушение правил формальной логики, в частности, правил реального определения. Атрибутивные признаки, которые составляют суть definicции денег должны по необходимости охватывать родовое понятие денег, а специфические отличия отсеять несущественные, ограничивая объем понятия до признаков необходимых и достаточных.

Наконец, социальное поле есть понятие родовое по отношению к различным полям в обществе. Распределение знаков богатства в форме денежных символов есть одновременно и формирование поля экономической власти в обществе. Деньги олицетворяют собой не только связь с обществом, но и власть в обществе, как это весьма образно подчеркнул в Капитале К. Маркс. Власть экономическая как доминирование в обществе воли владельцев средств производства и владельцев богатства в форме денег, обеспечивающих это доминирование, тесно переплетается с властью и возможностями институтов государства, полицейских организаций и учреждений, дополняющих власть экономическую властью внеэкономической. Последнее уже позволяет утверждать о государстве не только производящем, по Бьюкенену, но государстве охраняющем. Эти форму доминирования не только не противоречат друг другу, но и органически дополняют друг друга, выстраивая уже некоторый организм, в котором эти организации, учреждения и иные структуры

становятся не частями, не структурами, а органами государства. Поэтому такие названия институтов, как например, «органы внутренних дел» наиболее адекватно отражают суть этого взаимопроникновения.

Деньги, формируя социальное поле общества, являются одновременно и материальным носителем распределительных отношений в обществе, а также отношений, посредством которых только и может реализоваться контрольная и распределительная функции финансов в национальных экономиках. Властные отношения реализации воли обладателей богатства в обществах в последние годы увеличили область своего пространства. Прежде, по мысли М. Фуко, доминировали названные им властительные общества, в которых наиболее выпукло проявляли себя внеэкономические факторы в формирования властного поля. Так, властительные сообщества были ориентированы на организацию принудительной системы производства и распределения дохода, концентрируя, расставляя в пространстве, упорядочивая во времени, осуществляя пространственно-территориальное размещение производительных сил. Эффект подобного властного упорядочивания с использованием властных механизмов обнаруживал себя в форме эффекта эмерджентности, когда полученный суммарный эффект превышал количественно суммовой эффект каждого составляющего элемента структуры в отдельности. Дисциплинарные сообщества, которые пришли на смену властным сообществам, скорее ориентированы на возрастание роли экономических факторов. Это сообщества устанавливали правила игры на экономическом пространстве в форме диктата налоговых потоков, а не на организацию производства непосредственно, не на администрирование всего процесса жизни индивидуумов, корпоративных и иных сообществ, включая и домашние хозяйства. В дисциплинарных сообществах возросла роль экономических факторов, но эта роль еще не стала абсолютно доминирующей. Кризис дисциплинарных сообществ затронул все стороны жизни. Экономическое понуждение в форме налогов, трансфертов, государственных инвестиций стало обнаруживать свою ограниченность. Властные поля все еще формировались как результат воздействия государственных, муниципальных финансов, и сохраняющего свои масштабы формы внеэкономического принуждения. Можно утверждать, что эти дисци-

плиарные сообщества с их социальными и властными полями были скорее промежуточным этапом по пути перехода к обществам контроля.

Основное системное противоречие этих структур можно обнаружить в несовпадении общей экономической политики государства, государственной экономической политике и частной экономической политике в государстве. Деньги становятся мощным необходимым и практически достаточным инструментом формирования нового типа сообщества, суть которого тотальный контроль с использованием возможностей механизма вариаций единой структуры. Для последней становится характерно наличие единого цифрового языка, прежние пространства-заключения, по-Фуко, будут представлять собой матрицы, а пространства контроля представлены как модуляции единой субстанции, «подобно самотрансформирующемуся расплавленному веществу, которое непрерывно переливается из одной формы в другую, или подобно си ту, нити которого постоянно переходят от одного отверстия к другому». [19]

Деньги в сообществах контроля начинают играть доминирующую роль. В обществах контроля власть одновременно индивидуализирует личность, присваивая ему и оставляя личную подпись, номер страхового свидетельства, индивидуальный номер налогоплательщика, а с другой стороны, запрессовывает его в единую систему компьютерного поголовного учета, запрессовывает его общую массу, собирая «подвластную субстанцию в единое тело. В обществах контроля важны уже не столько личная подпись, которая идентифицирует личность, а код, посредством которого личность обнаруживается в этом едином цифровом массиве.

В дисциплинарных обществах деньги связывали свою денежную систему с фиксированным содержанием драгоценных металлов в денежной единице. В обществах контроля валюта соотносится с плавающими курсами, с плавающими рейтингами надежности в единой сети мировых валют.[19]

Становление подобного денежного и платежного мирохозяйства стало возможным благодаря современным формам денег, ибо, в конечном счете, вся эффективность самой системы сводилась к эффективному функционированию в этой системе денег. Передача властных сигналов всегда затрагивала передачу, трансформацию знаков богатства в форме денег. Современные

формы текучести, т.е. ликвидности этого ликвидного актива, сделала возможным укрепить позиции современных сообществ контроля при одновременной реализации передовых информационных технологий. Поэтому сообщества контроля могли сформироваться в информационных экономиках, в которых постановка на единый цифровой учет каждого сделала не только необходимым, но и возможным.

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ ДЕНЕГ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Вся совокупность эконометрических методов может быть логично вписанной в общую канву исследований только тогда, когда уже раскрыта экономическая природа явления, например, денег. Без решения этого вопроса предварительного оценки качества становится непродуктивным отвечать на вопрос количества этого непонятого ранее качества. Попытки компенсировать этот пробел насыщением в исследовании математическими моделями, следует характеризовать словами Нобелевского лауреата Мориса Аллэ (Maurice Allais), как «математическое шарлатанство» в экономике. «...Математика не является и не может являться большим, чем рабочим инструментом... Использование даже наиболее изощренных математических формул не может считаться гарантией качества. Математика может являться только средством выражения и объяснения. Реальным содержанием, над которым работает экономист, остаются экономика и общество». [64, с. 607],

Попытка выработать некий исследовательский аппарат на основе жизненной целесообразности, представляя его в форме разумного способа общественного хозяйствования [52, с. 9], скорее окончательно запутывает проблему в методологии научного исследования. Ибо, как справедливо подчёркивается, на практике и в теории современной рыночной экономики то, что составляет содержание понятия «специальная экономическая логика», чаще всего представлено как странная принудительная логика анонимно действующих правил. Последняя часто вступает в явное противоречие с интуитив-

ными представлениями экономических агентов относительно справедливой организации совместной жизни людей. Возникает глубокая дифференциация. Одни люди становятся безработными, другие, если остаются на рынке, подвержены постоянно растущим социальным напряжением. Нагнетается рост производительности, или то, что большинство понимает под производительностью. Однако часто это безудержное нагнетание производительности не приводит к искомым целям, не обеспечивает людей необходимыми условиями для достойной жизни даже на национальном уровне. Нагнетание производительности, объемов производства приводит к тому, что это обеспечение высокого уровня потребления порождает глубокую экологическую проблему. Следовательно, и в такой форме жизненной целесообразности современная экономическая логика страдает серьёзными издержками. Основная причина видится в том, что эта жизненная целесообразность располагается вне поля этики [52, с. 9, 10].

Это даёт основание данные модели характеризовать как оптимизационные, что позволяет определять значения экзогенных переменных, при которых целевая функция принимает экстремальное значение. Чтобы получить данный результат вся система национальной экономики должна стремиться к состоянию устойчивого равновесия, быть статичной, детерминируемой, прогнозируемой, т.е. рациональной. В итоге в западной экономической школе оформился своеобразный «экономический мейнстрим», когда приоритеты экономии, рациональности, оптимизации в освоении ресурсов начинают доминировать на этикой, эстетикой.

В этом существенном моменте мы уже обнаруживаем некоторые различия в методологических основаниях исследования состояния национальной экономики России. Если исходить из общепринятого в методологии положения, что метод исследования уже предопределён самим предметом, то мы имеем некоторые основания для критического анализа самого предмета и объекта экономического анализа национальной экономики.

Представляет научную ценность попытки вскрыть причины в различиях методологических оснований макроэкономического анализа российской экономики и особенности анализа, которые господствуют в западной экономиче-

ской школе. Мы склонны скорее выдвинуть тезис, что различия научных школ, методологических подходов к проблемам теории денег в российской экономической школе и западной имеют гораздо более серьёзные основания, чем это представляется на первый непосвящённый взгляд.

Национальная экономика как теория есть систематизированное изложение объективной экономической действительности на основе раскрытия экономических законов производства, распределения обмена и потребления экономических благ в границах единого социального, относительно однородного экономического сообщества как целого. В качестве последнего в этом специфическом объекте теоретического исследования выступает нация, народ, обладающий политическим суверенитетом. Из этого совсем не следует, что экономическая жизнь социально-экономического сообщества должна рассматриваться как изолированное от мирового экономического сообщества образование. Однако существенным в специфике объекта теории национальной экономики является то, что, нация (от лат. *natio* —народ, племя) как исторически сложившаяся форма общности людей, как собственно народ страны, государства есть центральный отправной момент макроэкономического, либо микроэкономического исследования. Национальная экономика как объект теоретического рассмотрения рассматривается в единстве и взаимосвязи с такими своими атрибутами как национальной территорией, национальными ресурсами, рабочей силой, государственным устройством, традициями, институтами экономического и внеэкономического воздействия на экономику, в том числе и со стороны мирового экономического сообщества. Следовательно, национальная экономика может рассматриваться в упрощённых моделях как некоторое замкнутое образование, либо как открытая система. В последнем случае национальная экономика должна рассматривать не только социально-экономические процессы развития национального сообщества под воздействием как внешних, так и внутренних факторов, но и как процессы естественного развития самого сообщества, его главного элемента — человека во взаимосвязи с естественной природной средой как неразложимое целое.

Производство благ, их распределение, обмен и потребление всегда традиционно оставались предметом экономического исследования в различных

экономических теориях. Эти действия исторически человек скопировал с естественных процессов. При этом человек воспроизводит не только сами блага, но и ресурсы для производства потребляемых благ, ибо как первые, так и вторые ограничены. Тем самым эти блага приобретают экономическую ценность, стоимость, которая в координатах рыночной экономики получает своё косвенное, опосредованное в деньгах выражение, т.е. в цене.

В координатах же национальной экономики значительное место отводится уже перераспределительным процессам в границах государства, обеспечивая тем самым жизнеспособность нации, государства как целого социально-экономического, политического, военного образования. Таким образом, в теории ученые концептуально выражают экономическое бытие нации в некоторых принципах, которые в некоторых работах сводятся к следующим моментам, отражающих как индивидуальные ценности граждан, так и системные ценности всего социально-экономического сообщества.

Национальная экономика эволюционирует, развивается и самоорганизуется как любая органическая система. Однако этот процесс развития не следует понимать как некоторый детерминированный процесс, преопределенный историческим наследием прошлого и однозначным видением на основе осмыслиения настоящего ясных перспектив будущего. Для национальной экономики уже в меньшей степени характерен принцип «невидимой руки» в распределении и обмене благами и ресурсами, здесь в большей степени осуществляется концепция «планомерности» развития нации как целого.

Нация способна вырабатывать и ставить перед собой стратегические цели экономического развития, осуществляя перераспределительные процессы во все возрастающих размерах посредством финансовых инструментов и механизмов.

В границах национальной экономики человек уже не может рассматриваться исключительно только как средство производства, как главная производительная сила, но и как цель развития самой нации. Из этого принципа неизбежно следует вывод, что понятия «эффективность», «производительность» наполняются иным, более богатым содержанием. В диалектическом противоречивом единстве — человек есть средство и человек есть высшая

цель и одновременно средство — активная отрицающая роль отводится последнему. Только национальная экономика в состоянии сформировать предпосылки разрешения данного противоречия в пользу человека как высшей ценности и одновременно как собственного средства своего расширенного воспроизводства. В координатах мировой экономики, или той концепции экономического знания, которую Ф. Лист обозначил термином «космополитическая экономия». Как нам представляется, только в координатах национальной экономики как целого может утвердиться и концепция бизнеса в той форме, в которой её сформулировал П. Самуэльсон. «Любовь не в смысле греческого понимания *eros*, а в смысле *agape*, заботы о других человеческих существах, вот что, в конце концов, можно считать хорошим бизнесом и хорошей экономикой».

Предмет национальной экономики можно представить как совокупность специфических для данной нации, государства производственных отношений в их единстве с самими производительными силами нации, как национальное хозяйство или её часть в форме отрасли, видов производства, региональный экономики государства. В этом случае национальная экономика есть национальное хозяйство, как комплекс взаимосвязанных экономических агентов, управляемых из единого центра (при плановой, централизованной экономической системе), либо последний определяет приоритеты и формирует правила поведения всех субъектов на экономическом пространстве государства.

Экономические отношения, которые складываются в государстве, оказывают исключительно важное значение на все стороны общественной жизни общества: политику, идеологию, культуру, сознание и т.д. В этой связи предмет национальной экономики в большей степени обнаруживает некоторые общие признаки с предметом науки «политической экономии».

Экономическими субъектами в границах национальной экономики будут домашние хозяйства, являющиеся собственниками факторов производства и предоставляющие последние бизнесу, сам бизнес в форме комплексов, отраслей, предприятий, организаций различных форм собственности, наконец, лиц, осуществляющих индивидуальную предпринимательскую деятельность.

ность, связанных вместе посредством рынка, государство с его институтами власти и управления, а также социальными институтами, как-то профсоюзами, общественными организациями, политическими партиями. Попытка исключить их из экономического анализа не может сформировать целостный теоретический образ национальной экономики, раскрыть её имманентные сущностные формы саморазвития и функционирования. Следовательно, национальная экономика представляется как органическое целое, а не как некоторая механическая совокупность взаимодействующих экономических агентов разного уровня. Разделение труда и установление кооперативных связей становится объективной предпосылкой структурирования национальной экономики по признакам различных социально-экономических функций, которые выполняют определенные социальные группы людей или экономические агенты.

Каждый вид экономической деятельности выполняет определённую функцию, конечная направленность которой ориентирована на удовлетворение индивидуальных, общественных или всеобще-общественных потребностей нации. В итоге в национальной экономике формируются определенные пропорции и отношения между отраслевыми подразделениями. Эти пропорции можно оценить, например, долей произведенного продукта в ВНП (или ВВП), долей занятых в отрасли, долей потребляемых ресурсов, например, электроэнергии, и т.д.

Общеизвестно из экономической теории, что национальная экономика не может обладать конкурентными преимуществами во всех отраслях. В странах с развитой экономикой международная конкурентоспособность развивалась вокруг отдельных точек роста, или так называемых кластеров.

Эти особые кластеры могут формироваться в промышленных районах, в которых сложились отраслевые комбинации, позволяющие в большей степени использовать комплементарные эффекты производства. С организационно-экономических позиций кластер можно характеризовать как относительно целостную совокупность основных, родственных и поддерживающих отраслей. По М. Портеру, кластеры формируются фирмами и отраслями промышленности, связанными через вертикальную (покупатель-продавец)

или горизонтальные (общие клиенты, технологии и т.п.) отношения с главными агентами, которые расположены в отдельном регионе — государстве. Следовательно, создание кластеров позволяет получать эффект эмерджентности. Кластер представляет собой уже нечто большее, чем сумма его составляющих частей — экономических агентов. В этих условиях каждый получает дополнительные, или комплементарные, эффекты от естественной кооперации производства в условиях вертикальной или горизонтальной интегрированности.

В национальной экономике наряду с отраслевой дифференциацией существует и территориальная дифференциация производства, следовательно, и территориальная дифференциация труда. Это позволяет выделить ряд теоретических проблем регионального развития уже в рамках целостной национальной экономики [12].

Регион (от лат. *regio, regionis* — область, округ, район) представляется территорией, которая по совокупности характерных для него признаков отличается от иных территорий. Следовательно, региональная экономика есть разновидность дивизионной социально-экономической структуры, в которой используется географический принцип построения. Геополитическое и экономико-географическое структурирование национальной экономики приобретает исключительно важное стратегическое значение для России в настоящий период. Главным элементом геополитики есть принятие в теории и практике фундаментального дуализма, который отражается в географическом устройстве планеты и в исторической типологии цивилизации. Данный дуализм выражается в противопоставлении сухопутного могущества (теллурократии) и морского могущества (талассократии). Теллурократия связана с фиксированностью пространства и устойчивостью его фундаментальных признаков. Для сухопутных наций в меньшей степени свойственен индивидуализм, дух предпринимательства, однако в большей степени присущ консерватизм и иерархичность. Талассократия представляет такой тип общественного устройства, которой базируется на противоположных установках. Родоначальником такой системы взглядов был Хэлфорд Дж. Макиндер (1861–1947). Представленная им картина мира приобретает геополитическую специфику, которая

может найти своё отражение в национальной экономике. Так вся территория может быть структурирована на:

- внутренконтинентальное пространство, которое становится «неподвижной платформой» (*hertland*), сохраняющая устойчивую теллурократическую цивилизационную специфику;
- «внутренний или континентальный полумесяц», «береговая зона» (*rimland*), есть пространство интенсивного культурного развития, где скорее осуществляется принципы талассократии, при воздействии и теллурократического воздействия;
- «внешний или островной полумесяц», представляет собой неизвестные земли, с которыми возможны только морские коммуникации.

Х.Дж. Макиндер писал, что для государства самым выгодным положением было бы срединное, центральное положение. С планетарной точки зрения в центре мира лежит Евразийский континент, а в его центре — «сердце мира» или «*herland*»). Тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром, мыслил Макиндер. Именно Макиндер заложил основы современной геополитики США, суть которой можно выразить следующим образом. Любыми способами препятствовать возможности созданию евразийского блока, усилинию стратегического союза России и Германии, геополитическому усилинию «*herland*» и его экспансии.

Поэтому для специфических условий России формулируются некоторые положения, которые позволяют более адекватно изменившимся историческим условиям выразить особенности национальной экономики, особенности в методологических подходах построения макроэкономических моделей вообще и института денег, в частности.

При этом наряду с геополитическим положением следует учитывать и экономико-географическое положение (ЭГП) территориальных образований. Под ЭГП понимают совокупность пространственных отношений социально-экономических объектов к другим объектам пространственных отношений, существующих или прогнозируемых и существенных для рассматриваемого объекта.

В конечном случае ЭГП отражается в доступности ресурсов, их эффективности использования для экономики, что приводит к решению проблем снижения рисков в области экономики, социальной сферы, занятости, обороноспособности и т.д. Эту совокупность ресурсов территориального образования можно классифицировать на природные, финансовые, интеллектуальные, наконец, людские. Их наличие, комбинации на территории в целом, либо на отдельных территориях позволяет выстраивать национальную экономику, которая будет ориентирована на экономический рост на основе факторов, на основе инвестиций либо на основе инноваций. Принятие во внимание данного положения позволяет нам сделать вывод, что современная национальная экономика развивается на основе факторов производства, опираясь на извлечение природных ресурсов и их экспорта с минимальной добавленной стоимостью. Учёт природно-климатических условий позволяет более адекватно выразить конкурентные преимущества национальной экономики и ее территорий, ибо последние могут облегчать или затруднять освоение территорий региона, сокращать или увеличивать затраты ресурсов на выпуск единицы продукции. Значительное пространство России можно отнести к экстремальным и дискомфортным территориям. Это объясняется предельно низкими температурами, заболоченностью территорий, отсутствием современных видов связи, отсутствием социальной сферы, что смогло бы обеспечить безрисковое бытие человека.

Наконец, национальная экономика как наука имеет и свои специфические особенности в методе исследования, что составляет предмет науки методологии. Методология понимается как учение, теория познания методов исследования, приемов, путей, способов достижения истины. Научность методов познания экономических процессов, которые имеют место в политической экономии и национальной экономике достигается применением общенаучных методов и специфических методов национальной экономики, как частной науки. К общенаучным методам следует отнести методы: диалектический, методы формальной логики, метод научных абстракций, анализа и синтеза, единства исторического и логического, методы научной индукции, аналогии, дедуктивный метод, методы «правильного», формально-логического

мышления. Частные методы в исследовании национальной экономики приобретают специфику, особенности, которые предопределены специфическим предметом самой национальной экономики. Это экономико-математические методы, методы экономической статистики, наблюдений, моделирования, методы экономической кибернетики и т.д. В предмете национальной экономики можно выделить одновременно два направления в зависимости от способа получения знаний и их применения — позитивное, или дескриптивное, и нормативное. Позитивная (дескриптивная) национальная экономика преследует цель раскрытия внутренних законов движения, развития национального хозяйства, построение на основе теоретического изучения предмета научных гипотез. Здесь основной ответ должен лежать в раскрытии сущего национального экономического уклада, национального хозяйства. Нормативная национальная экономика отвечает на вопрос должно ли, или формированием суждений о том, каковы должны быть методы воздействия на экономику, чтобы получить необходимые результаты.

В результате научного исследования экономисты получают некоторую модель национальной экономики. Последняя есть предельно упрощённое представление экономической действительности в понятиях, категориях, схемах, графиках, таблицах, формулах, наконец, в тексте. Это упрощение достигается за счёт абстрагирования несущественного, случайного, что имеет место в исследовании. Эти модели всегда содержат не менее двух групп элементов: неизвестные и известные, или заданные. В качестве исходных, отправных положений исследователи выдвигают некоторые постулаты, например, экономические агенты ведут себя рационально, стремятся достичь своих целей — получить максимум прибыли, обладают всей полнотой информации, в состоянии принять единственно правильное рациональное решение на основе анализа полезности продукта, его ранжирование на шкале потребностей и т.д. Это даёт основание данные модели характеризовать как оптимационными, что даёт основания определить, при каких значениях экзогенных переменных целевая функция принимает экстремальное значение. Чтобы получить данный результат вся система национальной экономики должна стре-

миться к состоянию устойчивого равновесия, быть статичной, детерминируемой, прогнозируемой, т.е. рациональной.

Однако данный подход в теории экономических методов начинает все в большей степени давать сбои, в результате чего в науке может сформироваться осознание необходимости нового понимания рациональности, в том числе и применительно к предмету национальной экономики. Проблема метода науки уже в далекие исторические времена была связана с синкетическим, или сакральным, пониманием истины вообще, как некоторого целостного образа идеала. Этот образ истины постигался в неразрывное единство континуума «знание — благо — красота», или в синтезе рационального, этического и эстетического.

Данное направление имеет свои истоки и традиции в России. Вообще античную концепцию познания можно понимать не только как направление «познай самого себя», но и как «заботься о самом себе», что древние греки обозначали как *«eritemelia»*.

Русское православие предлагало такую возможность в опыте христианского исихазма, как некоторого пути, восхождения человека к Божественной истине. Этот путь одновременно можно понимать как соучастие, содействие, или с греческого, синергия. Это соучастие, сотрудничество человека с Богом должна способствовать истинному пониманию человека в мире его собственного бытия.

Такое понимание истины пыталась возродить в свое время русская религиозная философия. В итоге смысл истинности теоретических моделей был обогащен моментами, которые существенно достраивали эту модель до некоторого целостного образа.

Есть основания для суждения о том, что с Аристотеля начинает утверждаться направление в методологии, суть которого можно выразить в претензии на истинность модели, когда она безупречна с точки зрения рациональности, т.е. логична, соответствует нормам и правилам формально-логического мышления. Фраза Аристотеля о том, что «Платон друг, но истина дороже», как нам представляется, подвела некоторый итог этому направлению в методологии науки. Хотя Платон не сводил истину исключительно к рациональ-

ности, его мысль была более глубокая. Для него это есть момент истины, а в своей более законченной, завершённой форме истинная модель включает в себя и этику. В итоге, после Аристотеля проблема метода сводилась в основном к логичности, строгости и безупречности суждений, чтобы они не нарушили обоснованные им три закона в современной формальной логике.

Развитие западной ветви в теории познания в лице древних диалектиков-схоластов, немецкой классической философии привело, в конечном счете, к тому, что все эти добавки к целостному образу истины (этика, эстетика) были отброшены, как несущественные. Все мыслительное пространство было заполнено разумом, рассудком, дающим возможность сформировать логически корректный, эмпирически аргументированный теоретический образ истины. В итоге рациональность в поведении экономических субъектов с необходимостью вела к эффективности. Но всегда ли все, что признавалось эффективным, например, прибыльным, несло в себе признаки блага обществу, его агентам? И всегда ли эффективный проект нёс в себе признаки красоты? Как показывает практика, эффективность моделей присвоения богатства в России в новейшую историю скорее отличает аморальность поведения экономических агентов и государственных деятелей, а «эффективное» освоение лесных ресурсов в России явило утрату красоты природного ландшафта и самой среды жизнеобитания населения. Следовательно, уже метод познания не может довольствоваться только знанием, как осознанным бытием. Необходимо понимать и смысл, смысл смыслов происходящего в национальной экономике обществе в целом. Для этого необходимо не только первоначально познать самого себя, но и заботиться о самом себе. Познание выступает как двусторонний процесс. Человек постигает истину, но одновременно этот процесс предъявляет и свои требования к самому исследователю, действующему агенту, заставляя его меняться и переоценивать свое отношение к объекту, процессу присвоения, наконец, к самому человеку. Из метода исследования следует убрать безапелляционные суждения и утверждения, а также взаимоисключающие суждения. В методе необходимо принять положение, что истина всегда есть «истина данной ситуации», что дает основания осторожно

относиться к тем рекомендациям иностранных экономических экспертов, которые они предлагают в России.

Любой исследователь либо находится вне исследуемой системы, либо внутри неё. В первом случае он абсолютный наблюдатель, его знание, предлагаемые модели не соприкасаются с «особенностями российского грунта». В итоге его рекомендации и модели скорее приводят к ошибкам. Во втором случае, когда исследователь находится внутри системы, впитал «особенности российского грунта», он познает не только экономические процессы, но и соотносит результаты с собой, что дает ему основания к изменению. Это дает основания о необходимости более критического восприятия не только самих теоретических моделей, которые обрушились на российских экономистов, преподавателей, студентов, но и методологических подходов к исследованию. Российская особенность моделирования экономических процессов может и должна освоить исторически более богатое содержание, а не слепо и некритически заимствовать как чужие модели, так и сами методы исследования.

Однако было несправедливо данную особенность методов макроэкономического анализа переносить на все западную экономическую школу. В отдельных работах совершенно обосновано подчеркивается мысль о необходимости понять «и обосновать основополагающее различие между горизонтом мышления обладающей реальной властью экономики, с одной стороны, и этико-практическими резонами с другой. ... «Чистой» экономической науке... не достает безусловных этико-философских категорий, в силу её парадигмальной ограниченности... категориями экономической рациональности» [12, с. 11].

В итоге начинает развиваться концепция интегративной хозяйственной этики. Методологическая генеральная особенность данной новой концепции интегративной хозяйственной этики сводится в соответствии с современными требованиями переосмысления нормативной основы экономической теории требованию этически осознанной ориентации в политэкономическом мышлении. Это дало бы основания не игнорировать бы нормативы, которые имплицитно присутствуют в реальных экономических условиях. В результате интегративная хозяйственная этика стремится облегчить непредвзятую, свобод-

ную от идеологии, разумную ориентацию в хозяйственно-этическом мышлении, делая попытки преодолеть примитивный мейнстримовский экономизм. Суть последнего видится в безусловной вере в экономическую рациональность только на основании того, что этот принцип принимается в качестве безусловной истины в последней инстанции. Как пишет по этому поводу П. Ульрих, речь идёт о феномене, который имеет богатую доктринальную историю, хотя и принимает самые различные исторические формы. Однако три основные формы проявления экономизма образуют самообособление экономической рациональности, абсолютизация типа мышления, выдвигающей на первое место приоритеты цены, пользы, и нормативное преувеличение способности и логики самого рынка.

Самообособление экономической рациональности от этико-практической точки зрения ведет к абстрагированию экономической проблематики от проблемы разумного поведения человека вообще. Воплощение этой идеи «чистой» экономической рациональности обостряет противоречия между ограниченностью привлекаемых ресурсов и совокупностью всех актуальных задач, решение которых нуждается в привлечении данных ресурсов. Этическая нейтрализация чисто экономической постановки проблемы несостоятельна уже потому, что эта концепция исходит из того, что потребленные ресурсы, природные, капитал, человеческий труд, не имеют собственной непосредственно оцениваемой ценности. Ценность этих важнейших ресурсов оценивается потребностями, которые обнаруживаются в обмене.

Господствующий тип мышления предопределен приоритетами пользы, цены, прибыльности. Разумность экономического поведения сведена к этой мнимой рациональности, оптимальности, наконец, получает свое конечное выражение в эффективности, прибыльности хозяйствования. Все, что не вписывается в общую концепцию этого мышления, данного экономического мировоззрения, скорее может быть отнесена к неразумным методам хозяйствования, к экономически необоснованным действиям, поведению и самому мышлению. Подобное состояние авторы характеризуют как «экономический рационализм».

Преувеличение роли рынка и возведение его законов в разряд непогрешимых конечных истин, составляет содержание нормативного преувеличения роли логики рынка, абсолютизация его возможностей и способностей получить наиболее эффективное и быстрое решение всех социально-экономических проблем. «Вместо того чтобы адаптировать рынок к социальным отношениям, сами эти отношения радикальным образом подгоняются под требования рынка. Игнорирование инструментального характера хозяйства превращает хозяйствующего человека в «человека экономического» (*Homo oeconomicus*), сводит отношения между людьми к отношениям обмена и ведет к перераспределению идеи эффективности рыночной экономики в идеологию тотального рыночного общества [12, с. 21].

Беззастенчивое преследование коммерческих интересов, неограниченная личная ориентация на успех становится естественным поведением людей в концепции экономического рационализма. Более того, именно такое поведение признается в качестве рационального и разумного. Это поведение становится образцом для подражания, становится идеальным образом жизни. Расчетливо реализуемая данная форма рациональности жизненной стратегии планомерно и взвешенно нацелено на достижение экономического успеха. Все решает одно: чтобы величина капитала в деньгах возрастила. Крайним следствием этого стремления к наживе, мышления стало сколачивание капитала благодаря бережливости, направленной на ограничение естественных жизненных потребностей. Деньги современные, представленные в форме симулякра, деформировали суть сакрального отношения к богатству у народов, в том числе и у россиян. Хотя россияне, как наследники религиозного исихазма, были наиболее близки в пониманию истинной сущности денег, богатства и человеческой ценности.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕНЕЖНЫХ АКТИВОВ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИКАХ

Поскольку выражение богатства, оценка капитала, эффективность хозяйствования прибегает к опосредованию этих результатов деньгами, то про-

блема раскрытия сущности денег становится предельно актуальной теоретической задачей. Однако попытка раскрыть сущность денег, находясь в координатах экономического рационализма, представляется, если не возможной, то, по крайней мере, весьма затруднительной.

В итоге современная теория денег обнаруживает массу попыток раскрыть сущность денег и дать им наиболее адекватное определение. Эти определения, как выражение концепта, лежат в области экономики, социологии, информатики, права, институциализма и т.д.

Например, деньги — это не вещь, а соглашение внутри общества использовать что-то в качестве средства оплаты [2, с. 44]. Новый оксфордский толковый словарь (тезаурус) предлагает некоторые обобщения относительно различных смысловых концептов и оттенков, которые соотносятся с термином «деньги». Например, *money affluence, arrears, assets, bank-notes, inf. bread, capital, cash, chegue, coin, copper, credit card, credit transfer, currency, damages, debt, dividend, inf. dough, dowry, earnings, endowment, estate, expenditure, finance, fortune, fund, grant, income, interest, investment, legal tender, loan, inf. lolly, old use lucre, mortgage, inf. nest-egg, notes, outgoings, patrimony, pay, penny, pension, pocket-money, proceeds, profit, inf. the ready, remittance, resources, revenue, riches, salary, savings, silver, sterling, takings, tax, traveler's chegue, wage, wealth, inf. the wherewithal, winnings*.

В русском современном языке даже тяжело найти соответствующие термины, ибо последние могут только примерно, с большой натяжкой передать всё то богатство смысловых оттенков с учётом исторических реалий. *Деньги* (сущ.) можно соотносить с достатком, задолженностью, активами, банкнотами, куском хлеба как средства к существованию (разг.), капиталом, наличными, сдачей (мелкими деньгами), чеком, монетой, кредитной картой, кредитным переводом (трансфертом, жиро), валютой, компенсацией за убытки, долгом, дивидендом, «тесто» (разг. сленг), приданым, заработком, пожертвованием, имуществом, издержками (расходы), финансами, состоянием, запасом, грантом (субсидия), доходом, процентами, вкладом, законным платежным средством, займом (ссудой), барышом (устар.), закладом, суммой (разг.), суммой, отложенной на «черный день», векселем (долговой распис-

кой), тратой, наследством, оплатой, пеней (деньгами), пенсией, карманными деньгами, поступлениями, прибылью, наличными (готовыми к оплате) деньгами, денежными переводами, средствами, доходами от богатства, жалованьем, сбережениями, серебром (деньги), стерлингами, выручкой, налогами, туристским чеком, окладом, богатством (разг.), необходимыми средствами, выигрышем и т.д.

Однако за этим обилием различных оттенков сущностного концепта понятия «деньги» следует видеть всю тотальность отношений в обществе, которые тем или иным образом опосредуют рыночные формы обмена результатами человеческой деятельности в процессе удовлетворения жизненных потребностей индивидов. Деньги рефлексируют себя в сферах юриспруденции, социологии, политики, права, психологии, семантики и иные области. Рассмотреть всю совокупность этих отношений и их проявлений в человеческой деятельности не представляется возможным. Однако становится ясным и то положение, что ограничиваться исключительно экономической сферой будет означать построение и моделирование очередных абстракций. Но так как нас интересует, в первую очередь, деньги как экономический феномен, то мы будем рассматривать экономические отношения, максимально учитывая в качестве экстернариев факторы из области политики, семантики, социологии, психологии, права.

В работах французского философа Ж. Делёза одни и те же деньги с позиций материально-вещественного их выражения, точнее, денежные потоки способны обслуживать принципиально различных субъектов рыночной экономики. «Не одни и те же деньги поступают в карман наёмного работника и записываются на баланс предприятия. В одном случае — это бессильные денежные знаки меновой стоимости, поток платёжных средств, относящихся к продуктам потребления и к потребительским стоимостям, дву-однозначное отношение между деньгами и навязанным веером продуктов («на что я имею право, что мне причитается, следовательно, это для меня...»; в другом случае — это знаки могущества капитала, потоки финансирования, система дифференциальных коэффициентов производства, которая свидетельствует о перспективной силе или о долгосрочной оценке, нереализуемой *hic et nunc* (здесь

и сейчас — лат.), функционирующей в качестве аксиоматики абстрактных количеств.

В одном случае деньги представляют возможный срез-выборку на потоке потребления; в другом случае — возможность среза-выборки и повторной артикуляции экономических цепочек в том направлении, в каком потоки производства присваиваются в дизъюнкциях капитала. Банковский кредит выполняет демонетизацию или же дематериализацию денег, он покоится на обороте векселей, а не на обороте денег. Можно говорить о глубоком скрытии дуальности двух форм денег — платежа и финансирования [17, с. 361, 362].

И хотя термин «дематериализация» в данном контексте мы считаем не совсем удачным, суть, тем не менее, выражена вполне определённо. Речь идёт о тенденции вытеснения наличных денег (в форме монеты и бумажных) из денежного обращения. Некоторые авторы вводят термин «дестафация» (*destaufation* —англ.) как процесс замещения вещественных средств платежа электронными деньгами. Фактически мы обнаруживаем феномен дальнейшей потери деньгами связи с вещественными носителями или с вещественным субстратом. Ранее деньги утратили связь с золотом и серебром, вытеснив драгоценные металлы из денежного обращения. Этот процесс известен как демонетизация золота. В дальнейшем возможности современных технологий в передаче информации уже вытеснят биллонную монету и бумагу, которые представляли возможность непосредственно, используя органы чувств воспринимать знаки и придавать им функции денег.

Важнейший признак денег — это обладание ими качества обмениваться на любые иные товары, т.е. они должны обладать покупательной способностью. Это понятие уже не может быть объяснено исключительно в системе отношений деньги — товар. Как отмечает Л. Мизес, «покупательная способность денег определяется спросом и предложением, как и цены на любые товары и услуги. Ни покупатель, ни продавец не могут определить ценность денежной единицы, если не располагают информацией о меновой ценности — её покупательной способности — в ближайшем прошлом. Однако не раскрыв природу этого связи прошлого и настоящего, а также будущего, мы не можем

продвинуться дальше. Простая констатация этого факта Л. Мизесом не может удовлетворить, ибо не раскрыта причина этого соотношения. Прошлое раскрывается в тех усилиях, затратах труда, капитала, утрате человеческих качеств, которые сопутствовали приобретению денег. Эти деньги могли стать продуктом справедливого обмена равноправных свободных товаропроизводителей, но одновременно на них могла лежать и печать потери человеческого лица тем, кто заполучил последние. Если два индивида, которые при прочих равных условиях обнаруживают равную потребность в одном и том же товаре и видят один и тот же ценник, то тем не менее для каждого из них цена будет различная. В результате один приобретёт этот товар, а другой пройдет мимо. В этом мы обнаруживаем связь прошлого и настоящего. Таким же образом мы можем обнаружить связь настоящего и будущего, когда индивиды сопоставляют свои потребности и возможности сегодня с теми тяготами, возможностями и трудностями, которые их могут ожидать завтра при погашении, например сегодняшнего долга в будущем.

Величину покупательной способности определяет отношение между спросом и предложением денег, которое может быть названо денежным отношением. Сегодняшнее денежное отношение, сложившееся на основе вчерашней покупательной способности, определяет сегодняшнюю покупательную способность. Тот, кто желает увеличить остатки наличности, ограничивает покупки и расширяет продажи и тем самым создаёт тенденцию понижения цен.

Причиной изменения денежного отношения может быть не только выпуск в обращение дополнительных денег государством. Эффект инфляции даёт увеличение производства драгоценных металлов, используемых в качестве денег, в результате уменьшения остатков наличности, де-тезаврации» (45, с. 387].

Этот момент даёт нам основание утверждать о дуальности денег. Проблема понимания экономической природы денег следует рассматривать в единстве как денежного отношения, так и отношения товарного. Эти два основания, рассматриваемые в противоречивом единстве, позволяют преодолевать абстрактные крайности, в которых не может лежать истина. Так, и у Ж.

Делёза проблема представления денег усматривается в дуальности денег, что проявляется в двух регистрах, что сводится к двум записям, из которых одна — на счету оплачиваемого работника, а другая — на балансе предприятия. Измерять два порядка величин одной и той же аналитической единицей — это чистая фикция, вселенское надувательство, подобно тому, как если бы измеряли метрами или сантиметрами межгалактические и внутриатомные расстояния. Нет никакой общей меры стоимости предприятий и стоимости рабочей силы наёмных работников [17, с. 363].

Это даёт основания утверждать, что потоки современных денег есть в высшей степени шизофренические реальности, но они существуют в аксиоматической реальности, которая отводит и отталкивает эту реальность, наконец, деньги есть абстрактное количество, безразличное к качественной природе потоков [17, с. 389, 392]. Как нам представляется, Ж. Делёз весьма точно уловил дуальную природу денег, одновременно противопоставив их иному товарному богатству как со стороны качества, так и со стороны количества.

В итоге, как нам представляется, существует только один способ оценить экономическую природу денег — оценить деньги с точки зрения не только их функций, но понять их как противоречивую субстанцию. Но именно в этом области и обнаруживается наибольшее несогласование во взглядах среди исследователей относительно ответа на вопрос, что собственно есть то, что называют термином «деньги».

Предпринимая очередную попытку уточнить сущность современных денег, следует опять же вернуться к методологическим принципам научного исследования. Не прояснив своё отношение к выбранному методу исследования, не раскрыв саму логику продвижения к истине, результат «зависнет» в недоказанности, предложив читателю принимать результаты в лучшем случае на вере. Сущность есть наиболее глубокая абстракция, которая «схватывает» в мышлении наиболее значимые, имеющие признаки повторяемости, закона, наконец. Следовательно, сущность есть однопорядковая характеристика наравне с законом, или существенным явлением. Другими словами, сущность является как закон, как мера. Но, оставаясь в ряду сущности, она остается исключительно бедным определением. Более того, сущность не может проявить

себя все своего явления. Сущность является, а явление существенно, писал по этому методологическому походу Г.В.Ф. Гегель. Сущностное видение (*das Wesenschau* — нем.) есть скорее надуманная исследователями способность схватывать сущность вне своего внешнего проявления. Однако при всей ясности и очевидности положения, мы всё же зададим себе вопрос относительно того, чем все же видит человек? Если ответ заключается в том, что человек видит глазами, то мы всё же выразим сомнение. Возможно, глаза есть не более как сенсорный орган, способный как улавливать информацию, но само видение этих вещей мы обнаруживаем в нашем сознании. Нет видения глазами без переработки всей информации мышлением человека. Но тогда между чувственными зрительными образами и теоретическими образами разграничительная линия лежит в иной плоскости. И если уже наука преодолела теорию врожденных идей Р. Декарта, то и первые образы, сформированные на основе сенсорных восприятий и теоретические образы, имеют в своём основании первичные чувственные ощущения. Нет ничего в мышлении, чего ранее не было бы в чувствах. Разница скорее всего в том, что вторые оторвались от чувственного сенсорного восприятия, преодолели его ограниченность и дали возможность осознавать то, что не могло быть непосредственно представлено. Этот процесс можно назвать процессом абстрагирования. Однако само абстрагирование может пониматься как преодоление связи с непосредственно чувственным, так и как отвлечение от наведённых самим мышлением креативных форм, моделей этого процесса мышления.

В результате встает задача ограничения сущностного явления денег от явления случайного, второстепенного явления. Совсем недостаточно довольствоваться простой абстракцией денег, отвлекаясь от их различных внешних форм. Функции денег должны отражать те и только те, которые должны принадлежать только деньгам. Если они принадлежат и иным экономическим объектам, то они, по меньшей мере, случайные, не закономерные, т.е. не существенные. Только этим обстоятельством можно объяснить то положение, что некоторые исследователи наделяют некоторые предметы атрибутами денег, хотя последние следует скорее отнести к экономическим модусам. Например, функции денег усматривается в их способности быть единицей счета,

информационной единицей и т.д. Следовательно, теоретическая модель сущности денег должна с необходимостью включать как саму суть, т.е. сущность, денег, как и ее существенное явление. Но последнее может быть представлено уже как действительность денег, или как диалектическое единство сущности и его существования в вещи, процессе.

Задача, таким образом, не сводится поиску абстрактных истин, которые в силу этого дают безбрежное поле для теоретических спекуляций в науке. Выводы исследователей, которые увлекаются подобными теоретическими ухищрениями, скорее напоминают «замок царя Гундорафа» на небесах, чем модели, которые могли бы претендовать на истинность и адекватность действительности.

Различие во взглядах на экономическую природу денег кейнсианцев и монетаристов не покрывает все теоретическое поле дискуссий относительно природы современных денег. Эти два важнейших направлений теоретической мысли далеко не исчерпывают всего многообразия взглядов и течений. Более того, теория денег зародилась задолго до того, как были написаны фундаментальные труды сторонниками кейнсианства и монетаризма. Теоретические проблемы денег были поставлены в своей время в работах А. Смита, Д. Рикардо, Дж. С. Милля, У. Джевонса, Л. Вальраса, А. Маршалла, Ф. Мишкина, Дж. Хикса, П. Самуэльсона, Дж. Тобина, Д. Патинкина, Ф. Модильяни, Д. Фридмена, М. Фридмена, Дж. Харриса, Э. Хансена и многих других. В трудах современных авторов всё более проявляются попытки уйти от жёсткого противостояния кейнсианцев и монетаристов, в результате чего реализуется направление неоклассического синтеза, пытающего преодолеть дихотомию денег в концепции «кейнсианство-монетаризм». Однако нельзя не отметить и то обстоятельство, что скорее несущественные положительные итоги этого синтеза привели к развитию направления, в котором проблемы глубокой теории, в которой раскрывается сущность денег, начинает уходить на задний план. Научный интерес начинает смещаться в направлении количественной теории денег. Акценты переносятся на проблемы платёжеспособного спроса, моделей предложения денег, ликвидности денежной массы и т.д. Обнаруживается тенденция отступления от концептуальных моментов теории денег. Это дохо-

дит уже до такого состояния теории, когда в учебниках заявляется, что концептуальные моменты теории денег не имеют важного теоретического и практического вывода. Уже не может представлять теоретического интереса поиск ответа на вопрос, что такое деньги. Важное значение приобретает понимание той роли, которую они способны оказывать на экономическую жизнь в национальных экономиках, на производство, занятость, на эффективность антициклической политики. На первый план выходят проблемы конструирования денежных агрегатов, оптимизации величины национальной ликвидности. Наконец, М. Фридмен, для которого было наиболее характерно проявления в методе исследования позитивистских направлений, замечает, что деньги следует характеризовать не по признакам, что они есть в своей сути, а рассматривать их как некоторую «экспериментальную теоретическую конструкцию». Поэтому и определять деньги следует не на основе какого-то принципа, а исходя из соображений пользы, целесообразности в организации хозяйственных связей. «Деньги» — это то, чему мы придаём численную величину с помощью обусловленной процедуры; это не то, что уже существует в природе и должно быть открыто». В результате М. Фридмен и А. Шварц приходят к тавтологическому и бессодержательному определению денег как «временного вместилища покупательной способности, позволяющее отделить акт покупки от акта продажи». Это позволяет конструировать различные денежные агрегаты на основе произвольно выбранных критериев [59, с. 16, 17].

Здесь следует согласиться с Дж. Тобиным, когда последний, подвергая критическому анализу данное определение денег, замечает следующее. «Я не могу с уверенностью сказать, что это означает. Казалось бы, такое определение позволяет квалифицировать в качестве денег все формы богатства, все вместилища стоимости. Нет сомнения в том, что временным вместилищем покупательной силы, отличным от наличных денег в коммерческих банках, могут служить, например, депозиты в других финансовых институтах. ... Коль скоро критерии определения средства платежа теряются, проведение разграничительных линий, выделяющих понятие деньги, является вопросом целесообразности» [51, с. 238].

Как отмечает американский экономист Р. Клауэр, существующие стандартные учебники по теории денег и банковскому делу производят ложное впечатление авторитетности законченной доктрины. В действительности теория денег в настоящее время относится к числу наименее согласованных областей экономического анализа. Серьёзные исследователи не могут игнорировать этого факта или не понимать его причин [59, с. 9].

Проблемы методологии исследования денег стали причиной констатации отмеченного Р. Клауэром состояния денежной теории. О напряжённости и неопределенности состояния проблемы теории денег можно судить по следующему выражению известного американского экономиста П. Дэвидсона в своей работе «Деньги и реальный мир». Отмечалась неясность по поводу понятия и природы денег. Эти проблемы продолжают оставаться бичом экономической науки. Можно привести и иные известные специалистам в области экономической теории выражения, например, известного экономиста неоклассической школы У. Джевонса о том, что «деньги для экономической науки — это то же, что квадратура круга в геометрии». Ещё более определенно это состояние выразил экономист Эндрюс. «Хотя деньги были в числе первых хозяйственных явлений, привлекших к себе внимание человека, и с тех пор постоянно находятся в центре экономических исследований, не существует даже относительного согласия по вопросу о том, что следует обозначать этим словом» [Цит. по: 59, с.14, 15].

Одновременно следует принять в качестве исходной предпосылки то, что деньги следует рассматривать в процессе их эволюции и становления. Современные деньги и деньги древних цивилизаций есть принципиально иные деньги уже потому, что они не только утратили свой первоначальный, первобытный вид и форму, но и потому, что они стали осуществлять иные функции.

Мы склонны полагать, что наиболее обоснованной будет разработка методологии на основе концептуального подхода. Его суть раскрывается в том, что следует первоначально раскрыть природу на основе теоретического анализа функций денег. И хотя эти определения ведут к тавтологиям, следует принимать во внимание, что любое определение по своей природе есть тавто-

логия, вне зависимости от того, прибегал ли исследователь в методу реальных или номинальных определений. Следовательно, функции денег могут раскрывать внутреннюю природу денег. Как отмечают У. Джонсон и У. Робертс, деньги могут иметь только функциональное определение, иначе говоря, их можно определить только с помощью способов их использования. Трудно ответить на вопрос, «что такое деньги?», но и более легкий вопрос «как используются деньги?» не имеет однозначного ответа [59, с. 17].

В этой связи видный теоретик и специалист в области теории денег Л. Харрис, дает им дефиницию, тем самым, раскрывая содержания концепта понятия «деньги». В главе «Подходы к теории денег» на им же поставленный вопрос «Что такое деньги?», даёт ответ, ссылаясь на традиционный ответ в учебниках по экономической теории. «Деньги определяются как любой товар, который функционирует в качестве средства обращения, счётной единицы и средства сохранения стоимости» [59, с. 75].

Метод К.Маркса проявляется в анализе его взглядов на природу денег. Вряд ли имеются основания для возражений в его утверждении, что не следует выводить природу денег, отталкиваясь от тех трудностей, которые неизбежно появляются при этом. Далее К. Макс отмечает, что деньги это не вещь, не простой инструмент для осуществления и облегчения процедур обмена товарами. Деньги не материальное орудие, как, например, корабль или паровая машина. Деньги есть выражение определенного общественного (экономического) отношения, которое он относит к разряду производственных отношений. Мы можем только заметить предельную абстрактность и бесплодность данного метода. Эта форма может быть сведена только к следующему. Деньги в своей сути не могут ассоциироваться с вещами, внешними феноменами. Сущность вещи и сам феномен вещи — это разноуровневые смысловые образования. Метод, когда определение остается в сфере умозрительного, довольствующего сущностным видением (*das Wesenschau* —нем.), не может считаться достаточным и удовлетворяющим науку. Здесь, как нам представляется, лежат многие беды методологии марксизма.

И хотя деньги потеряли свои прежние внешние формы, утратили свои первоначальные первобытные лики, они выполняли одни и те же функции

вне зависимости от того, был ли это скот или ракушки. Существенным являлось то, что товарные деньги включали в себя стоимость и потребительную стоимость. В эпоху появления знаков стоимости они уже утрачивают некоторые прежние функции. Точнее будет выразить таким образом, что они утратили часть функций, которые осуществляли первобытные деньги. Хотя это совсем не значит, что современные деньги не обладают признаками некоторыхrudimentов прежних товарных денег.

В настоящее время никому не придет в голову считать, что рогатый скот, лошади, различного рода ракушки, следует отнести к разряду денег. Внешне эти экономические предметы не изменились. Но они утратили свои функции денег, поэтому и давно перестали быть ими.

Как отмечает Дж. Тобин, в теории денег мы легко можем обнаружить корни заблуждений, которые лежат в мистификации денег. Однако при всей методологической правильности постановки этой проблемы Дж. Тобин не предполагает чёткого различия между тем, что есть деньги, и тем, что не есть деньги. Проблема мистификации денег у Дж. Тобина «в традиции чёткого различия между теми активами, которые являются «деньгами», и теми активами, которые «деньгами» не являются. Соответственно, проводится четкое различие между теми институтами, которые эмитируют «деньги», и теми, чьи обязательства не являются «деньгами». Знаменательно, что эта устойчивая традиция порождает неопределенность и противоречивость в вопросе о том, где следует провести разделительную линию между деньгами и другими активами».

Как нам представляется, именно традиция, против которой так выступил Дж. Тобин, скорее является спасительной соломиной в методологии денег. Более того, есть больше оснований отнести выше написанное к *lapsus sallami*, и это в лучшем случае.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ДЕНЕГ

Деньги, как и другие элементы цивилизации, гораздо более древний институт, чем нас учили считать. Их происхождение затерялось в тумане дале-

ких времен, когда таял лед, и продолжалось в некоторые интервалы ледникового периода, отмечал в своё время Дж. Мейнард Кейнс. Следовательно, расхожее утверждение, что деньги возникли в период разложения первобытно-общинного строя, тем самым, завершив определённый этап процесса углубляющегося разделения труда в первобытном обществе, развития форм внутристородовой, а затем и межродовой кооперации труда и производства, нуждается в серьёзном уточнении.

Продукт на продажу, для обмена начинает приобретать форму товара, т.е. производится для других экономических субъектов для обмена его на рынке. В итоге формируется и стоимость товара. Но чтобы измерять стоимость произведенного товара, необходим посредник, некоторое мерило стоимости. В основе стоимости в соответствии с теорией трудовой стоимости лежали затраты общественно необходимого труда, как живого, так и овеществленного. Этот посредник в измерение стоимости товарной массы, а также посредник в реальном обмене товаров первоначально оставался как наиболее важный предмет потребления. У многих народов роль денег играл скот. Латинское название денег — *pecunia* — происходит от *pecus* — скот, как и русское слово, товар от тюркского слова, означающего «скот».

Как свидетельствуют некоторые литературные источники в границах останков прежней Римской империи на территории современной Германии в I тыс. до Р.Х. ходили так называемые «коровьи деньги». У северных народов денежной единицей служил олень. У других народностей деньгами являлись сахар, слоновая кость, меха, опиум, какао и т.д. Особенно известны в качестве денег раковины каури (*cowry*) или *cowry moneta* (змеиная головка) — беловатая раковинка 2–3 см. длиной, добываемая в Индийском океане, вывозимая в Индию, Цейлон, Африку. Её находили в скифских и русских погребальных курганах, в погребальных урнах северной Германии, в Англии, Швеции, в других местах. У североамериканских индейцев из раковин вырезали цилиндрики, нанизываемые на нитку, и называлось это «вампум». Пояса с многочисленными нитками с нанизанными на них разноцветными цилиндриками так, что получались изображения птиц, зверей, составляли сокровища. Другие народы (в основном северные) в качестве денег использовали

ценные шкурки (Северная Америка, Аляска, Сибирь). Долгое время на Руси шкурка белки составляла копейку, сто шкурок — рубль.

Можно сделать вывод, что закрепление функций денег за тем или иным товаром произошло в результате накапливаемых исторических традиций в обмене, который первоначально был простым обменом одного товара на другой, или бартером. Этот этап А. Смит назвал эпохой «товарообмена или меновой торговли». Несмотря на свой почтенный возраст бартер, егоrudименты сохранились и по настоящее время. Это недостатки можно оценить как издержки транзакций. Его причины можно увидеть в том, что покупатель не имеет достаточного количества ликвидного актива, т.е. денег. В этом случае чтобы состоялся обмен необходимо обеспечить «двойное совпадение желаний». Каждый участник товарной сделки должен иметь именно, то, что желает иная сторона и наоборот.

Большая проблема бартерной торговли заключается в том, что противоречие в отношениях товаровладельцев должно разрешиться как на стороне качества, т.е. потребительной стоимости, так и на стороне количества, т.е. на моменте передачи за товар стоимости в форме денег, воплощенной в металле, скоте, раковинках и т.д. История обнаруживает самые неожиданные для современного понимания процедуры товарного обмена, когда роль посредника в обмене отводилась товарным деньгам. Например племена Африки и племена, ранее располагавшиеся на территории современной Канады использовали бусы, в современной Анголе этим предметом было пиво, на островах Новые Гебриды — свиньи, в Норвегии — масло, сигареты — в лагерях военнопленных, а также в послевоенной Европе, какао — в Мексике, ракушки (*cowry moneta* (змеиная головка) — по всему океанскому побережью, рыболовные крючки — на островах Гилберта, мех летучей лисицы — в Новой Кaledонии, зерно — в Индии, мотыги и метательные ножи — в Конго, железные бруски — во Франции, ножи — в Китае, съедобные крысы — на острове Пасхи, соль — в Нигерии, шкуры — на Аляске, в Канаде, в Монголии, России, Скандинавии, определённые камни — на островах Южного моря, табак — в США, китовый ус — на островах Фиджи [54, с. 26]. Представляет интерес то обстоятельство, что ракушки как средство расчёта использовались до

середины XX-го века коренным населением в Новой Гвинея наряду со свиньими.

То, что товаром были рабы, есть общеизвестный факт, но у древних славян на территории современной России и некоторых племенах Африки функцию денег выполняли рабы. В них исчислялось богатство, они шли в качестве актива при погашении долга. О том, что рабы, жены наряду со скотом, одеждой, церковной утварью, украшениями и миниатюрными инструментами и иными товарами служили средством расчета, т.е. выполняли функции денег, свидетельствуют и иные источники [54, с. 27].

Считается, что первые металлические деньги появились в торговых странах Средиземноморья. И хотя последние представляли собой слитки серебра, золота, меди, они представляли большую ценность в силу их повсеместной применимости. Однако первые металлические деньги в форме монет уже впервые использовали ассирийцы из Кападокии. Первые чеканные слитки датированы примерно 2100 годом до Р.Х. Более того, ассирийцы обнаруживали признаки примитивных банковских операций и их инструментов, например, те инструменты, которые в современном языке могут быть соотнесены с терминами «процентная ставка», оплата займов и погашение долгов.

С XI века до Р.Х. в торговле появляется метал электрум, или серебристое золото. Последний представлял собой природный сплав серебра и золота. Однако небольшие окатыши электрума не были монетами. Они были разного веса, и содержание золота и серебра также не регламентировалось. Уже примерно в 7 столетии до Р.Х. эти кусочки драгоценных металлов начинают маркироваться. Это впервые происходит в древней Лидии (Малая Азия), жители которой наносили на кусочки электрума изображение головы льва с одной стороны, и следы его когтей — с другой. Однако Александру Македонскому принадлежит право быть первым, кто отчеканил свой лик на монетах своей империи. С этого момента маркированные кусочки драгоценного электрума начинают распространяться на Афины, Эгейю, Коринф, Персию, Македонию. Известно, что Китай, Япония, Индия в это же самое время также освоили монетную систему [54, с. 28, 29]. Как пишет поэту Дж. Хикс: «Деньгами на протяжении большей части писанной истории называ-

лись монеты — «кусочки металла» с изображением и именем того или иного правителя. Таким образом, деньги предстают перед нами как творение государства и, несомненно, остаётся фактом, что все это долгое время связь между государственной и денежной системами была очень тесной. Тем не менее, совершенно очевидно, что своим рождением деньги обязаны вовсе не государству. Последние существовали еще до чеканки монет. Появление денег обязано торговой экономике, хотя они и были первым из ее творений, которое быстро восприняли государства (даже совсем неторговые государства).

Вполне естественно увязать появление денег с эволюцией рынка. Однако существует и такой вид товара, на котором он (т.е. посредник в обмене товарами — В.О.) не специализируется, но который продается так широко, что его можно сбыть почти любому покупателю. Тогда наш посредник постараётся воспользоваться этим и пополнит запасы своего специального товара. Со временем торговцы различной специализации, конечно, приходят к использованию одного универсального товара, наиболее пригодного для данной цели. Это должен быть товар, который легко хранить и прятать, и который не подвержен порче. Так в результате естественного действия рыночных сил все другие товары, которые могли претендовать на роль «всебобщего эквивалента», вытесняются золотом и серебром» [61, с. 89, 90].

Но констатация только этого подхода сделала бы общую модель весьма неполной. Ранние человеческие сообщества всегда находили ту или иную форму присвоения прибавочного продукта. Господствующие классы, начиная с некоторого исторического момента, постепенно утрачивают ресурс, в основе которого его происхождение, что давал им основания на присвоение прибавочного продукта. В дальнейшем эта форма ресурса, запаса происхождения трансформируется в форму долга. Как пишет по этому поводу Ж. Делёз, долг союза становится бесконечным отношением с другим союзом. Само становление государства начинает опираться на два фундаментальных акта, а именно, на укрепление территориальности, обеспечиваемое фиксацией местожительства, и отменой мелких родовых, общинных долгов. В тех случаях, когда осуществляется это перераспределение, цикл задолженностей поддерживается в новой форме, установленной государством, — то есть в форме денег.

Деньги не начинаются с обслуживания торговли, они имеют не только рыночную модель. Роль денег в торговле связана не только с самой торговлей, сколько с её контролем со стороны государства. Отношение денег к торговле является синтетическим, а не аналитическим. На фундаментальном уровне деньги не отделимы не от торговли, а от налога как поддержания государственного аппарата. Деспотическая связь денег с налогом остаётся всегда очевидной. Исторические исследования свидетельствуют, что в некоторых греческих тиариях налог на аристократов и распределение денег среди бедняков оказываются средством направить деньги к богатым, удивительным образом расширить режим долгов, сделать его ещё более сильным [17, с. 310, 311]. Деньги и денежный оборот делают долг бесконечным.

Со временем, когда развитие металлургии и технологии штамповки достигли определенного уровня качества, стала возможным стандартизация этих кусочков металла как по чистоте самого золотого или серебренного металла, так и по его количеству. Эти стандартные отчеканенные кусочки металла должны получить вотум, знак доверия к ним. Эту функцию стал выполнять монетный двор при государстве. Его мотивы лежат на поверхности. Государство стало рассматривать операцию по чеканке монеты как весьма выгодную оплачиваемую услугу.

Именно государство как институт увидело свою собственную выгоду, оказывая общественную услугу, оно стало стандартизировать денежные инструменты. «Подсказкой» здесь может служить то, что имеет место в случае другой, более развитой и изощренной формы денег — торгового векселя. Купец гарантирует его своей подписью, без которой вексель никто не примет. Когда ликийский царь Крез начал чеканить монеты, не делал ли он тоже самое? Он давал монетам свою гарантию, которая делала их более приемлемыми. Это обеспечивало ему определенные выгоды, позволяя с большей легкостью получать нужные товары от своих соседей-купцов. Вполне вероятно, что подобной гарантии на первых порах потребовали именно купцы» [61, с. 91].

Если ценность и стоимость товара, используемого в качестве денег, определяется на основе неденежной пользы, то не возникает никаких дополнительных проблем.

тельных проблем. Задача теории денег будет заключаться только в том, чтобы исследовать ту часть ценности денег, которая обусловлена их функцией в качестве средства обмена.

Не играет никакой роли, что закон приписывает статус законного платежного средства только золотым монетам, отчеканенным государством. Имеет значение только то, что монеты реально содержат установленное количество золота и любое количество слитков может быть превращено в монеты. В условиях золотого стандарта доллар и фунт стерлингов были просто обозначениями определенных количеств золота или серебра, границы изменений которых были точно определены законами. Такая разновидность денег — товарные деньги [55, с. 400].

Уже независимо оттого, что в дальнейшем процесс чеканки монет перешёл в ведение правителя, он, тем не менее, в своей основе был результатом порождения рыночных сил. Процесс чеканки оказался для правителя исключительно выгодным, ибо позволял из чеканки извлекать прибыль. Эта прибыль ещё более стала возрастать, когда в ход пошли неполноценные, или «символические» монеты.

В этой цепи следует отметить, по крайней мере, одно исключение. Так, денежная система Китая, хотя и развивалась исторически в одно и тоже время, тем не менее, отличалась от других весьма существенно. Это даже дает основания считать, что она развивалась вне всякой связи с другими денежными системами. Отмечается, что китайская денежная система с самого начала была ориентирована на использование неблагородных металлов в качестве монет. Следовательно, с самого начала эти деньги не были способны выполнять функцию «сохранения стоимости». Китайские монеты изначально стали выполнять функцию средства платежа. Это дает основания высказать суждение, что китайская денежная система была в большей степени подготовлена к переходу на систему бумажных денег. Следовательно, вряд ли правомерно утверждение, что более раннее появление бумажных денег в Китае по сравнению с европейцами было обусловлено причинами и возможностями бумажного производства.

Однако римляне были далеко не первыми, кто стали вводить деньги, стоимость которых не соответствовала их весовому содержанию. Этот известный исторический факт отражает действия императора Нерона, который, желая решить финансовые проблемы в своей империи, впервые понизил весовое содержание металла в монете. Тем самым впервые в истории на европейском континенте было подорвано доверие к денежной системе Римской империи. Денежная инфляция в виде уменьшения содержания металла в денежной единице имела место даже в период обращения металлических денег.

ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Как свидетельствуют литературные источники, на Руси на определённом этапе экономического развития роль денег укрепилась за скотом. Отсюда ведет свое начало и термин «скотник» — лицо, которое ведало скотницей, или казнью. Скот принимался в качестве уплаты штрафа, им погашали свои обязательства перед правителем. В несколько иное время роль денег выполнял мех куницы, других пород пушных зверей. Поэтому в «Русской Правде» встречаются такие термины, которые обозначали меховые деньги, как например, «куны», «резаны», «векши», «бели». В дальнейшем эти названия уже переходят к металлическим деньгам. К этому суждению подводит нас сохранившаяся запись, например, «гривна серебра» и «гривна кун».

В дальнейшем на Руси появляется термин «златник» (золотник), который можно считать первой монетой на Руси. По весу он приравнивался византийскому солиду (золотник) и был примерно равен 4,2 г золотом. Эта древнерусская монета со славянской надписью, портретом князя Владимира Святославовича и родовым гербом Рюриковичей особой роли в торговле не играла, а скорее, служила символом силы государства. Чеканился как и сребреник в X–XI веках.

Сребреник (серебряник) первая серебряная монета Руси, Для чеканки использовалось серебро арабских монет. Монета чеканилась в Киеве и в Новгороде — Ярославом Мудрым. Встречались и монеты тмутараканского князя Олега-Михайлы, которые чеканились в 11 веке.

Известно далее, что в денежном обращении Древней Руси слитки играли более значительную роль, чем на Западе, где обращение слитков встречало противодействие со стороны феодалов, которые располагали правом чеканки монеты и рассматривали всякий слиток как материал для чеканки. На Руси власти, наоборот, содействовали обращению слитков, которые называют гривнами. Как и в других странах, названия денежных единиц вначале совпадали с весовыми. Гривна была как денежной, так и весовой единицей.

В дальнейшем основой денежной системы Древней Руси стала гривна, весовая единица, служащая для весового измерения золота и серебра. В некоторых источниках гривну соотносят с «русским фунтом», проводя параллель с древним месопотамским фунтом. Последний был заимствован славянскими племенами и сохранился в России до введения метрической системы. Но в кладах обнаруживают слитки разного веса. Это дало основания исследователям прийти к выводу о том, что вес гривны изменялся в зависимости от того, какая страна имела наибольшие торговые связи с данной местностью.

Смена влияния Востока, Византии и Запада последовательно влияла на вес гривны (арабская унция, византийская литра, западная марка). Первой русской гривной принято считать киевскую шестиугольную гривну, вес которой колеблется от 34 до 39 золотников.

Сравнительный анализ дает основания утверждать, что монета киевского периода, особенно золотая, была технически лучше выполнена по сравнению с западноевропейской средневековой монетой. Причём необходимо отметить, что чеканка золота началась даже раньше, чем во Франции. Однако монета чеканилась в ограниченном количестве, и доля гривен и иноземной монеты в обращении была больше. Среди иноземных монет можно выделить «ногату», «резану», «шеляг», «веверица».

XII по XIV века вошли в историю России как «безмонетные». Однако в это время на северо-востоке Руси появляются татарские монеты. С XIV века в юго-западных землях появляются: пражский грош, денарий, квартник, полу-грош, шеляг и ряд других монет сопредельных государств. Но уже с укреплением Московского царства на северо-востоке Руси началась чеканка русских монет.

Деньга или денга как монета появилась на Руси в конце XIV века в Москве, затем и в других русских княжествах. Из гривны серебра (204 г) чеканили 200 денег, составляющих московский счетный рубль. Кроме денги чеканились полуденьги (полушки), в Новгороде и Пскове — четвертица. т.е. 1/4 деньги. В 1534 году Елена Глинская, регентша при малолетнем Иване IV, осуществила унификацию русской монеты. С той поры начинает чеканиться единая серебряная монета, вдвое тяжелее деньги - новгородка, впоследствии получившая название «копейка». Денга московская или московка, или просто деньга, называли «сабельной» или «мечевой» по изображеному на ней всаднику с саблей. Чеканилась о монета в половину деньги, или полушка (половинка). Из гривны серебра чеканились 300 новгородок весом 0,68г, и 600 денег. В итоге с 1534 года 100 новгородок приравнялись 1 рублю.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ФУНКЦИЯХ ДЕНЕГ

Как было отмечено несколько ранее, под товарными деньгами выступали наиболее употребляемые товары, которые с большей вероятностью могли быть приняты продавцом за продаваемый товар. В отличие от бартера трансакции с использованием товарных денег продавец приобретал в обмен на продаваемый товар особый товар, потребительная стоимость которого его не интересовала. Он приобретал этот товар-денеги лишь только постольку, поскольку предполагал, что через некоторое время он приобретёт нужный ему товар, отчуждая ранее полученную стоимость в единстве с потребительной стоимостью. Фактически товар-денеги выполнил функцию товара-эквивалента продаваемого товара. Существенным в этом отношении было присутствие у товара-денег характеристики ликвидности, т.е. способности быстро и без потерь стоимости обмениваться на иные виды товаров. Уже с этого момента развития товарных отношений весь товарный мир начинает делиться на выбранный обществом товар-денеги и остальную товарную массу, которую призван обслуживать этот выбранный человеческим сообществом товар-денеги.

Если находится в координатах трудовой теории стоимости Риккардо, К.Маркса и других сторонников, то можно заметить, что обмен мог состояться только потому, что эти товары были принципиально различны. Они удовлетворяли различные человеческие потребности. В тоже время именно факт обмена обнаружил в этих разных товарах общую субстанцию — стоимость. Под последней понималось количество воплощенного в товаре живого и овеществленного труда, затраченного на его производство в общественно необходимой мере. Если доказательство вести в координатах теории предельной полезности, то мы также сможем прийти к аналогичным результатам. Но остается неизменным принципиальное положение. Товар-деньги выполнил функцию товара эквивалента. Продажа-покупка выявила факт в условиях экономической свободы равенство ценностей или стоимостей. И хотя эта процедура купли-продажи протекала реально, соизмерение стоимостей происходило в головах продавца и покупателя идеально, когда каждый из них мысленно приравнивал отчуждаемый и приобретаемый товар с позиций равенства затрат на производство и приобретения стоимости блага в будущем. Эта функция может быть названа функцией меры стоимости.

Вторая основная функция действительных денег — быть средством меры стоимости. Данная функция раскрывалась в способности действительных денег измерять в абстрактной форме стоимости всей остальной товарной массы. Для этой функции деньги обладали определённой материальной субстанцией — воплощенных в самих деньгах затратах живого и овеществленного труда. Это положение придавало им уже со стороны общества в лице отдельных индивидов ценность, которую невозможно оторвать от самого индивида с его шкалой ценности, которая одновременно могла выполнять функции сопротивления и соизмерения этой субъективной ценности. Поэтому вполне логичен вывод Ж. Делёза, что ценность денег, как и всего прочего из благородных товаров, так и «товарной черни» обладает противоречивой природой. Ценности не могут быть объективно общими, ибо «ценность-в-себе» столь же противоречива, сколь и «значение-в-себе», так как ценность всего значимого сопротивляется оценке. Во-вторых, ценности не могут быть и субъективно общими, ибо ценность как таковая исключает уже какой-либо консенсус между

сознаниями отдельных индивидов. В этом отношении мы не обнаруживаем противоречия с теорией стоимости К. Маркса. У последнего стоимость, в основе которой лежат затраты живого и овеществленного труда и общественно необходимой мере, так же не может быть ни приведена к какому-то единому материальному знаменателю. Между этими материальными затратами общественно необходимого труда и величиной металла лежит если не пропасть, то по крайней мере разные уровни понимания и представления. Они не имеют единого знаменателя единой материальной природы. Здесь сам металл есть воплощение и одновременно олицетворение этой массы труда. Само монетарное золото есть знак этого общественно-необходимого труда. Однако этот знак монетарного золота еще не есть симулякр, т.е. знак ложного подобия. Он еще сохраняет свою имманентную общность с самим содержанием, т.е. массой монетарного золота.

Вторая особенность подкрепляется известным суждением Д. Юма о том, что человек не столько эгоистичен, сколько пристрастен. В нашем контексте это означать, что человек всегда ориентирован на какую-то свою шкалу ценностей, и любая внешне полагаемая ценность всегда будут иметь различную субъективную оценку у различных индивидов. Более того одна и та же вещь, которая обладает некоторой ценностью для одного и того же индивидуума не может иметь одну и ту же ценность в различные периоды времени и в различных ситуациях внешнего окружения и внутреннего духовного переживания индивида. Это одновременно дает и основания для утверждения, что нет глубоких оснований видеть принципиальные противоречия между теорией трудовой стоимости Д. Рикардо – К. Маркса и теорией субъективной полезности У.С. Джевонса, Л. фон Мизеса и других. Это две великие теории, которые с предельных подходов моделируют один и тот же процесс создания стоимости и ее оценку со стороны общества и отдельных индивидов.

То обстоятельство, что государство, используя внеэкономическое по-нуждение, придает золоту статус законного платежного средства, когда из стихийно найденного общественного института денег извлекается всеобщий интерес, скорее направлено и нацелено на презентацию этого общего интереса. В этом принципиальном положении мы видим недооценку возможностей

и потребностей государства со стороны Д. Юма. Но одновременно мы вполне находим основания согласиться с ним, что этим актом государство превращает возможности денег и связанного с ним общего интереса в объект веры, сообщая при этом общему интересу посредством, прежде всего механизма санкций ту живость, какой естественным образом обладают частные интересы.

Измерять стоимость они могли только потому, что сами не только были знаком этого абстрактного труда, но и материально включали его в самих себе. Это соотнесение в форме меры стоимостей товара и самих денег могло быть осуществлено исключительно в головах участников обмена, купли-продажи. Деньги для этого должны быть сами созданы человеческим трудом, соединившим воедино природный субстрат в форме рудного, например, золота, существующие технологии, технику, капитал и сам труд. Это мысленное приравнивание стоимости покупаемого товара осуществлялось на основе со-поставление с весом золота или серебра. Поэтому далеко не случайно, что исторически все названия полноценных действительных денег были связаны с весовыми единицами у различных народов.

В результате стоимость как выражение глубинной сущности общественных отношений получила форму своего выхождения вовне, во внешность. Она получила свои внешние формы бытия, а, следовательно, появился момент многообразного, случайного в этих внешних формах. Эти внешние формы отражения стоимости есть цена.

В результате цены были в определенной мере привязаны как к стоимости самого товара, так и к стоимости самого золотого металла. Рост стоимости товаров есть одновременно и рост затрат живого и овеществленного человеческого труда на его производство в общественно-необходимой мере, а следовательно, является фактором роста цены этого товара. Если же в экономику начинает поступать монетарное золото и серебро, получение которого в силу каких-то условий стало обходиться обществу с меньшей стоимостью, то исторически наблюдалось рост цен всей товарной массы. Это было отмечено в начале 17 века, когда в Европу хлынуло дешевое серебро и золото из открытой Колумбом южной Америки. Произошла своего рода «революция

цен». Эта функция измерять стоимость товаров и одновременно быть привязанной к стоимости самого металла, становится источником постоянного нарушения пропорций, сопоставления ранее закрепленного весового количества в той или иной единице с его настоящим содержанием. Это реализуется тем образом, что устанавливается определенный масштаб цен, который постоянно меняется, отражая тем самым уже положение на рынке денег.

В этой связи Ж. Делёз отмечает, что товар и деньги выполняют раскодирование потоков посредством абстракций. Сначала простой обмен записывает рыночные продукты как отдельные кванты, измеримых в единицах абстрактного труда. Именно абстрактный труд, заданный в отношении обмена, образует дизъюнктивный синтез мнимого движения товаров, поскольку он разделяется в качественных квотах. Но только тогда, когда всеобщий эквивалент определяется как деньги, обнаруживается доступ в царство *quantitas*, т.е. количества, которое может обладать всевозможными частными стоимостями или же стоить всевозможных квантов. Это абстрактное количество, тем не менее, должно обладать какой-то определенной стоимостью, так что оно пока определяется только как отношение величины между квантами. Именно в этом смысле отношение обмена формально объединяет частичные объекты, произведённые и даже записанные независимо от него. Коммерсант постоянно играет сохраненными территориальностями, чтобы покупать там, где дешево, и продавать там, где дорого.

Капиталистическая машина начинает работать тогда, когда капитал перестает быть капиталом союза и становится капиталом происхождения. Капитал становится капиталом происхождения, когда деньги порождают деньги, стоимость — прибавочную стоимость, «прогрессивную стоимость, деньги, все равно растущие и дающие дополнительные побеги, деньги как капитал.... Стоимость представляется внезапно как субстанция, двигающая саму себя, субстанция, для которой товар и деньги являются лишь чистыми формами [54, с. 358, 359].

Товар- деньги, он же товар-эквивалент стал инструментом, мерилом стоимости продаваемого товара. Одновременно он стал и формой выражения цены проданного товара. Стоимость продаваемого товара получила форму

свого выходления во вне, т.е. стоимость как сущность получила свое существование в форме цены товара. Последнее могло стать действительностью только постольку, поскольку товар-эквивалент, или товар-деньги, не просто отражал, не только одновременно был знаком, а реально содержал в себе эту стоимость, как воплощённые издержки производства в общественно необходимой мере.

Третья функция товара-денег — это функция средства обращения.

Деньги как средства обращения реализуются уже реально в процессе купли-продажи товаров. Здесь деньги реально выступают в качестве посредника в обмене товарной массы. При этом сам процесс обмена уже начинает расщепляться на акт продажи и акт покупки. И если при элементарном бартере эти акты совпадали в одном и том же моменте времени, то в этом случае продажа и покупка уже может не совпадать по времени. Вполне возможно поведение продавца уже как накопителя, или сберегателя. В результате деньги выходят из обращения, создавая тем самым возможности затоваривания товарной массы рынка, т.е. возможность кризисов перепроизводства. Данную функцию денег как средства обращения они выполняют реально и мимолётно.

Чтобы облегчить обмен двух товаров, необходим товар-посредник. Именно благодаря ему, предварительно выполнив функцию меры стоимости стал возможен обмен товарами не непосредственно, т.е. в форме товарного бартера, а опосредованного товаром-эквивалентом или товаром-деньгами.

С одной стороны обмен как бы усложнился. Вместо того чтобы обменивать требуемые товары между собой непосредственно, прибегают к окольному обмену, обменяя его предварительно на товар-посредник, т.е. на товар-деньги. Но практика свидетельствует об обратном. Окльное обращение с использованием товара-денег существенно снижает транзакционные издержки.

Четвёртая функция товара-денег как средства платежа.

Здесь деньги противостоят уже не товарной массе, а долгу. Эта ситуация обнаруживается всякий раз, когда сам процесс обмена товаров расщепляется на собственно процесс обращения, т.е. перехода товара из одних рук в другие, и процесс платежа. В этом случае функций денег как средства обра-

щения выполняли различного рода долговые расписки, обязательства, векселя на товарополучателя, векселя на банкира, т.е. банкноты. При получении векселя его владелец, отчуждая товар, приобретал право требования платежа, т.е. стоимостного эквивалента в форме действительных денег. Когда же вексель как абстрактное безусловное обязательство векселедателя погасить свой долг погашался, то эквивалентность восстановливалась. Обмен завершался не только различных потребительных стоимостей, но и в соответствии со своим количеством стоимости. Эту функцию восстановления справедливости обмена могли выполнять, следовательно, только действительные, полноценные деньги. Например, когда держатель банковского векселя, т.е. банкноты, предъявлял банкноту банку, то последний выдавал ему искомую массу золотого металла в монетах.

Эта функция проявляется тогда, когда у одного из контрагентов возникают требования денег, а у второй соответственно обязательства погасить свои долги. Если в первом случае мы имели эквивалентность в обмене, то появление требований денег и обязанностей погасить долг только подтверждает факт нарушения равенства на этапах обмена. Если товар- деньги в функции средства обращения противостоят товару, то здесь товар- деньги противостоит уже обязательству уплатить долг. В конечном счёте, факт погашения задолженности за ранее полученный товар или услугу, или иное обязательство завершает процесс обмена. Следовательно, выполнить функцию платежа может осуществить только товар- деньги, который согласен принять лицо, на руках у которого требование платежа, а также, если товар- деньги обладает достаточной стоимостью.

Деньги как средство образования сокровищ, накоплений и сбережений. Деньги выполняют функцию быть средством обращения исключительно в момент купли-продажи. В остальное же время они находятся вне сферы обращения. Тем не менее, действительные деньги, будучи изготовленными из драгоценных металлов, воплощают в себе богатство их обладателей. Накапливая и сберегая деньги, люди тем самым накапливают и сберегают богатство в форме золотых или серебреных монет. В зависимости от потребностей товарного обращения действительные деньги, будучи размещенными в форме

накопленного имущества, одновременно выполняют функцию инструмента стихийного регулятора количества денег в обращении. Благодаря этой функции закон денежного обращения осуществляется автоматически.

Ранее было отмечено, что выделение на ранних этапах товара-денег, или просто денег из товарного мира было обусловлено наличием специфических признаков. Этот товар-деньги должен быть относительно долговечен, он не может терять свою стоимость, по крайней мере, в течение короткого промежутка времени. Но если продаваемый товар имеет короткие сроки хранения, то сохранить потребительские качества продаваемого товара, можно только продав его, т.е. обменяв его на другой товар, который способен сохранить стоимость, или ценность. Товар-деньги стал выделяться как таковой из товарного мира в силу этих, в том числе, качеств. Поэтому продажа подвергающегося порче от хранения товара есть способ сохранить его стоимость. Однако это может быть отнесено только к тому, кто товар продал. Данная проблема сохранения стоимости (ценности) теперь обнаруживается уже для покупателя. И сколько бы не продавали товар, сам факт обмена, перехода его из одних рук и другие проблему сохранения стоимости не решает. Ценность блага, которая обнаруживала себя потенциально реализуется в пользовании, в конечном потреблении его людьми, либо в производстве, которое можно определить как производственное потребление. Продукт исчезает в потреблении. Его стоимость реализует себя как ценность для производителя, либо для конечного потребителя в форме произведённого блага.

Товар-деньги как мировые деньги. Если торговля выходит за национальные границы, то вполне возможна ситуация, что иные народы не признают товар-деньги в качестве денег на своей территории. Там могут быть иные посредники в обмене. Следовательно, товар-деньги в форме конкретных товаров не может выполнить функцию денег за пределами национальных границ. Чтобы вести торговлю за пределами национальных границ, следует принимать те условия, которые сложились в иных сообществах. Поэтому чтобы купить что-то вне национальных территорий, следует первоначально продать товар как рядовой на чужом рынке, тем самым приобрести иной товар-деньги, и только после этого приобрести необходимый для негоцианта

товар. В этом проявляется ограниченность товарных денег в условиях мировой торговли.

В мировой торговле действительные деньги сбрасывают «свои национальные мундиры» (К. Маркс) и разворачивают свою форму стоимость универсально. Эволюция и становление функции мировых денег повторяет с временным лагом развитие функций национальных денег с некоторыми специфическими особенностями. Они принимают формы всеобщего платёжного средства, всеобщего покупательского средства и общественного материализации богатства.

Дальнейшее становление и развитие форм стоимости приводит цивилизации к появлению денег в собственном смысле слова. Деньги представлены звонкой золотой и серебреной монетой. С этого момента товарный мир уже однозначно и бесповоротно разделился на деньги и «товарную чернь», по—К. Марксу. Стоимость приобрела свою форму абстрактного бытия в форме денег. Противостоя всему товарному миру, деньги продолжали выполнять все отмеченные ранее четыре функции и плюс функцию мировых денег. Развитие товарного мира, банковского, кредитного и сберегательного дела привело с неизбежностью к тому, что золото, серебро повсеместно стало выполнять функции денег. Перефразируя известную поговорку, можно эту ситуацию выразить следующей фразой: «Золото как деньги и в Африке — деньги».

ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ДЕНЕГ

*Как можно писать иначе, как не о том,
чего не знаешь или плохо знаешь?*

Ж. Делёз

Современные деньги в процессе длительной эволюции сохранили в основном имена номиналов денежных систем, например, рубль, доллар, фунт стерлингов и т.д. Однако в последние годы появились деньги объединенных экономических союзов, например, «евро». Эти современные деньги принято квалифицировать как бумажные деньги, несмотря на то, что они представле-

ны в форме монеты, банкноты, казначейских билетов, или в форме записей на счетах в банках. При этом существуют записи о том, что лицо располагает деньгами в банке, это может опосредованно отражаться в иных финансовых инструментах, например, в пластиковых карточках, депозитных сертификатах, чеках. Для всех этих форм характерным будет одно обстоятельство — они сохранили свое название денег, хотя они уже не есть прежние действительные деньги, изготовленные из драгоценных металлов. Современные деньги есть знаки стоимости, они призваны прежнее действительное золото и серебро в монете представлять как знак их. Стоимость, обозначенная на банкноте, уже ни имеет ничего общего с той стоимостью богатства, которое реально воплощено в банкноте. Так, по некоторым данным стодолларовая банкнота имеет внутреннюю стоимость всего 4 цента. Однако даже в этом случает присвоить стодолларовой банкноте стоимость в четыре доллара следует с серьезными уточнениями в терминологии. Здесь скорее речь идет об издержках производства стодолларовой банкноты. Стоимость и издержки понятия контратные, это не два термина одного и того же концепта, т.е. не синонимы.

Этот процесс замены действительных денег их знаками, которые имеют бумажный носитель, или носитель из биллонного дешевого металла в форме биллонной монеты, либо вообще имеет форму записи на счетах в коммерческих банках, одновременно обеспечил всему мировому сообществу в настоящее время огромную экономию монетарного золота и монетарного серебра. Общество было избавлено от необходимости чеканить монеты из драгоценных металлов, производство и добыча которых была связана с существенными затратами живого и овеществленного труда. Высвободившись от выполнения функций денег монетарное золото и серебро, совершило обратную историческую метаморфозу, превратившись в товар, хотя и более высокой степени ликвидности по сравнению, например, с остальными рядовыми товарами из разряда «товарной черни».

Тем не менее ответ на вопрос о функциях действительных денег уже не вызывает таких теоретических споров по сравнению с функциями современ-

ных денег. Однако, не уточнив наше понимание функций действительных денег, мы скорее приобретем трудности в области терминологии.

Следует уточнить и наше понимание функции вообще. Это позволит нам раскрыть существенные признаки денег, не замусоривая эти моменты элементами случайными, или модусами. Функция (от латинского *function* — обозначает исполнение, осуществление) в нашем понимании обозначает деятельность, обязанность, работу, как внешнее проявление свойств какого-либо предмета, вещи в данной системе отношений. Поэтому одна и та же вещь в различные периоды времени могли быть деньгами, а в иные времена их уже нельзя было называть деньгами. Существенным является тот момент, выполняли ли эти вещи функции денег. Следовательно, деньги по своей сути не могут быть сведены к вещам, монетам, бумажным знакам, скоту, ракушкам, к техническим инструментам и т.д. Деньги следует соотносить с сущностными феноменами, например, с особой самостоятельной формой бытия меновой стоимости, будь она даже представлена непосредственно в драгоценным металлах, в ликвидном товаре. Либо эта стоимость может уже быть представлена в форме своего знака стоимости, или ценности. Существенно то обстоятельство, выполняют ли эти вещи, знаки функции денег. Следовательно, одно из определений денег, против которого невозможно что-то возразить кроме примитивной тавтологии, *деньги есть то, что выполняет функции денег*. От того, что некоторые авторы начинают перечислять конкретные функции, которые должны выполнять эти вещи, знаки, конкретизируя эту тавтологию, положение не спасает. Более того, именно здесь начинают возникать серьёзные теоретические проблемы относительно раскрытия сущности денег.

Любое определение вещи вписывается в схему: субъект есть предикат. Следовательно, деньги в своих функциях раскрываются навстречу своим предикатам-функциям. Однако допуская методологическую ошибку, исследователи начинают ограничиваться признаками необходимыми. Но так как эти связи обнаруживают свою бесконечную всеобщность, то и функции начинают плодиться соответствующим бесконечным образом. В результате деньги утрачивают свою самотождественность, свою самость, а на смену существен-

ных признаков приходят бесконечные связи-процессы. Забывается известное правило Оккама, не плодить сущности без необходимости.

Приписывая несущественные признаки, которыми наделяют деньги, тем самым расширяют объём понятия «деньги». Однако тем самым впадают в иную крайность, лишая определение содержательности. Это следует из правил формально-логического мышления. Чем шире объём понятия, тем меньше возможности вычленить содержание понятия, т.е. его концепт. Представляется, что игнорирование элементарных правил и положений формальной логики становится одной из причин теоретических заблуждений исследователей. Другими словами, если исследователь стремится вычленить сущность того или иного экономического феномена, то он должен акцентировать свое внимание на существенных признаках, а не растворять его в бесконечном многообразии случайного, признаках, которые принадлежат, которыми обладают и иные вещи, феномены.

Представляется именно в этой философской проблеме методологии вообще лежит и некоторый ответ на раскрытие природы денег. Следовательно, можно ещё раз подчеркнуть важную для нас мысль, что проблемы теории денег лежат именно в проблеме методологии. Отсюда становится более понятной мысль, что проблемы теории денег остаются наиболее запутанными и даже мистифицированными проблемами в современной экономической науки. Эти проблемы теории денег усугубляются тем, что сам исследователь не может дистанцироваться от своего изначального ценностного отношения к теории денег. А его заклинания о научной беспристрастности могут быть расценены на наивных простаков. Его волевое отношение к самому предмету уже предопределяет изначально желаемость получаемого результата. Исследователь, как правило, получает в результате исследований то, к чему он стремится и что он интуитивно возжелает. (Смотри, например, результаты исследования по данной проблеме в источнике [39]).

Как подмечает А.А. Зиновьев, всегда следует различать материально-вещественным момент экономической деятельности, или содержательный, и её формальный или денежный аспект [25, с. 299, 300]. Первый находит свое воплощение в процессе материального, духовного воспроизведения самой че-

ловеческой жизни, т.е. в воспроизведстве орудий и предметов труда, в воспроизведстве идей, культурных ценностей, наконец, в воспроизведстве знания и других форм развития духа. Формальный, или денежный аспект, экономики выполняет функцию, в основном, средства, формы. Любой продукт, если он произведен для обмена, приобретает форму уже товара. Это главная особенность заключается в том, что он должен удовлетворить потребности не производителя, а его возможного приобретателя, или покупателя. Эта способность удовлетворить потребность иного, т.е. того, для кого он потенциально предназначен, раскрывается в функциях полезности, т.е. в его потребительной стоимости. Но будучи произведенным в форме соотнесения затраченных факторов, их стоимости, или ценности, он требует количественного соотнесения с эквивалентом. Этот товар-эквивалент выступает, таким образом, уже в форме меры стоимости ценности первого. Следовательно, процесс воспроизведения условий человеческой жизни в экономиках, стоящих на принципах свободного обмена экономически независимыми производителями, имеет две стороны. И каждая из них является существенной и важной. Первый аспект есть процесс материального воспроизведения требуемых материальных и духовных ценностей, или содержательный, а второй есть процесс формирования общественных отношений, соответствующих рыночных институтов, т.е. формирование и осуществление той самой стоимостной, или ценностной, формы. Обмен могут происходить как непосредственно (бартер), так и быть опосредованным третьим товаром, товаром, который стихийно выделился в силу своих природных качеств из товарного мира. Эта форма существенная, а во внешности выступает в своих различных случайных внешних формах, например, монетах, бумажных знаках, знаках долга и т.д.

Поэтому следует одновременно различать:

- определение денег, т.е. наделение понятия «деньги» соответствующим термином, или придавать имена этим понятиям, которые есть не более как знаки, например, произносимые, написанные, нарисованные;
- выделять объём понятия «деньги», или денотат, т.е. всю совокупность предметов, которая может быть соотнесена в соответствии с содержанием

ем мысли о понятии «деньги» и самим знаком того, что мы разумеем под этим знаком;

- концепт, или содержание нашего мышления о смысловых характеристиках, моментах понятия «деньги».

В результате далеко не всё, что мы знаем о деньгах, следует называть деньгами, включать в объём понятия «деньги» и наделять случайные признаки атрибутами признаков существенными. Например, существует громадное несовпадение того, что по определению, по закону государства, или *de jure*, следовало бы относить к деньгам, однако *de facto* это никто не делает. И то, что населению предлагают называть деньгами, называют совершенно иными словами, т.е. придают им иные смысловые характеристики, ибо эти «деньги» функции денег не выполняют.

Речь идёт, например, об эмитируемых центральными банками многих стран юбилейных, памятных монет из драгоценных металлов. Будучи изготовленными из драгоценных металлов, рыночная стоимость которого составляет, например, несколько тысяч рублей, их номинал составляет три, пять рублей. При этом Центральный банк России объявляет их в соответствии с соответствующим юридическим актом законным платёжным актом, предписывает всем принимать их в качестве законного платёжного средства, но по нарицательной стоимости, или номиналу. Однако ни один из адекватно воспринимающих и оценивающих действительность не будет приобретать у банка за тысячи рублей монету по её рыночной стоимости, чтобы затем также в условиях рынка расстаться с ней по номиналу в несколько рублей. Функции денег такие «деньги» не выполняют, они не становятся средством, точнее посредником обмена. Следовательно, они могут носить какие угодно имена, термины, но только не термин «деньги». Ими могут быть только те вещи, знаки, которым присущи такие и только такие признаки, посредством которых их можно отличить как деньги из всей совокупности иных вещей и знаков, даже близко соотносящихся с определением денег.

Одновременно число этих признаков должно быть достаточным для того, чтобы они были выделены из остальной массы оставшейся «товарной черни». Но одновременно эта выделившаяся элитная посредническая масса не

утрачивает свои главные признаки. Деньги продолжают оставаться товаром. Они сами обмениваются на иные товары, в том числе и на иную валюту, что есть по своей сути чистый валютный бартер, отчуждаются, закладываются, служат средством обеспечения долга, являются накопленным имуществом, страховым резервом, капиталом и т.д.

Однако вопрос о сущности денег действительных, и их знаков стоимости (ценности) не разрешается. Деньги действительные уже стали историей экономики и экономической мысли. Но если они ушли в историю в силу каких-то социально-экономических условий, то только по одной причине. Прежние действительные деньги оказались весьма «дорогим удовольствием» для общества. Были найдены иные стоимостные формы, которые оказались способными выполнять не все прежние функции денег, но по крайней мере одну основную, быть посредником в обмене результатами труда. Чтобы понять эту метаморфозу следует рассмотреть функции действительных денег, которые были отмечены ранее, отбросив при этом налёты случайного и второстепенного.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СОВРЕМЕННЫХ ДЕНЕГ

Современные деньги существенно изменили свой внешний облик по сравнению с товарными деньгами и деньгами действительными. Если действительные деньги стихийно выделились из товарного мира в процессе своей эволюции, то современные деньги уже являются продуктом осознанной человеческой деятельности, в том числе продуктом международных соглашений, если речь идет о мировых платёжных системах, когда правительства стран решают свои проблемы в области международной кредитно-денежной политики. Таким образом, государства получили возможность почти бесплатно получить общественную потребительную стоимость финансового актива в форме денег, отказавшись от монетарного золота и серебра. Последние вышли из денежного обращения и превратились в весьма сомнительный резерв в структуре национального богатства.

Первые упоминания о хождении кредитных денег можно найти в форме каменных расписок, которые выдавались на хранение ценностей и древнем Вавилоне в 3 тысячелетии до РХ. Сохранилась запись о том, что золото и ценности хранили на полках в кладовых банкира или в замурованной нише в стене. Это можно считать прообразом современных сейфовых депозитов. За данную услугу вавилонские банки брали со всех клиентов 1/60 долю стоимости принимаемых на хранение ценностей. Сама эта акция фиксировалась каменной распиской. Предполагалось, что получить эти ценности мог уже любой по предъявлению этой каменной расписки с одновременным подтверждением своего права на владение распиской. Эту функцию выполняла подпись или печать того, кто внес деньги на хранение, и на чье имя расписка была выписана первоначально. (См.: 13, с. 90; 38, с. 108)

Первые признаки появления бумажных денег можно обнаружить еще в средневековом Китае. В 10 веке китайские купцы использовали тяжелые железные монеты с весьма низкой покупательной способностью. Эти неудобные в применении монеты стали заменяться на бумажные расписки, своего рода знаки на прием товара на хранение. Одновременно эти расписки принимали форму свидетельства об уплате обязательных налоговых платежей. Последние получили хождение и принимались в качестве расчетного и платежного средства иными участниками товарно-денежного оборота.

Уже в 14 веке в Европе отмечены факты использования особого рода долговых расписок, или векселей. В дальнейшем коммерческие векселя дополняются банковскими векселями, а в дальнейшем банковские векселя трансформировались в кредитные билеты, или банкноты. В отличие от банковских и коммерческих векселей банкноты были бессрочными. Банкноты признавались в качестве законного платежного средства, принимались в уплату налогов. А в самый начальный период эмитент гарантировал их обмен на золото по твердому курсу.

Деньги, которые были лишены внутренней стоимости, принято квалифицировать как бумажные деньги. Однако для того, чтобы понудить население принимать эти знаки за действительные деньги, необходимо прибегать к навязыванию воли. Следовательно, они одновременно становятся декретиро-

ванными, или декретными (англ. название — *fiat money*, где *fiat* — декрет, указ). Для того чтобы усилить понуждение населения принимать эти знаки за действительные деньги, эмитент устанавливал и меру ответственности за отказ принимать эти бумажные деньги. Известен курьёзный факт, когда батько Махно на эмитированных им бумажных деньгах делал надпись: «Принимать обязательно, не то семь шкур спущу». Далее следовала подпись «Батько Махно» [Цит. по: 32, с. 34].

Можно сделать вывод о том, что долговые частные расписки эволюционировали в новую форму денег, придав им кредитный характер. По своей форме они представляли банковские обязательства выдать определённое количество монеты.

Представляет интерес то обстоятельство, что уже в период господства золотого или серебренного металлического обращения в условиях нарастающего дефицита монетарного металла промышленный и торговый капитал, а также правительства пытались замещать этот недостаток металла бумажными активами, которые выполняли функции денег.

Неразменные деньги представляют собой просто знаки, которые не могут ни использоваться в производственных целях, ни выражать право требования к кому-либо. Образчиками кредитных и неразменных денег являются металлические деньги. Эти деньги печатаются на серебре, никеле или меди. Если демонетизировать часть этих денег, то они сохранят меновую ценность как металл. Но компенсация будет чрезвычайно мала. Она не имеет никакого практического значения [45, с. 401].

Исторически наиболее приемлемой формой кредитных денег явился вексель (*das Wechsler* — нем. вексель). Последний стал инструментом коммерческого кредитования, который замещал деньги в выполнении ими функций средства обращения. Став безусловным обязательством выплатить сумму долга, вексель в дальнейшем получил правовое подкрепление со стороны государства. Не уплативший вовремя долг объявлялся банкротом и отправлялся в долговую тюрьму в предельно упрощённой форме.

Таким образом кредитные деньги стали одной из разновидности денег вообще. Они появляются вследствие использования заменителей денег.

Л. фон Мизес отмечает, что пока эти требования представляли собой требования к должнику, обладавшему неоспоримой платёжеспособностью, и могли быть инкасированы без уведомления о дополнительных расходах, их меновая ценность была равна номинальной стоимости. Именно эта совершенная равноценность придавала им характер заменителей денег. Поскольку выкуп приостановлен и срок платежа отложен на неопределенное время, то возникли сомнения относительно платёжеспособности должника или, по крайней мере, его готовности платить, то они теряют часть ценности, приписываемой прежде. Теперь они стали правом требования к сомнительному должнику не приносящим процентов. Но так как они использовались в качестве средства обмена, их меновая стоимость не упала до уровня, до которого она бы могла упасть, если бы они просто были правом требования [45, с. 401].

История отмечает то положение, что и российские предприниматели весьма осторожно обязывались по векселю, хотя первый вексельный устав в России был принят в 1729 году.

Золотая и серебряная монета даже в «золотом» 19 веке начинает вытесняться из торгового оборота. Известно, что в 856 году в одной из крупных торговых фирм Лондона поступление золота составляло 2,8 % от общих денежных потоков, а выдача всего 0,9 % об общего оттока денег. Однако срочные векселя банкиров и купцов составляли по приходу 53,3%, а выданные векселя — 30,2%. [32, с. 32].

Обязательства коммерческих банков также принимают вексельную форму. Однако в отличие от коммерческих векселей, оформляющих отношения коммерческого кредита, последние не имели материально-товарного обеспечения и не были обеспечены и достаточным денежным капиталом банка. Это способствовало росту риска банковского кредитования и снижало финансовую устойчивость всей банковской системы. Кроме того, банковские векселя, будучи срочными обязательствами, замещали деньги в выполнении функции средства обращения, но не платежа. Для своего погашения они сами требовали уже монеты, которые уже не были обязательством, а воплощали в себе саму стоимость и ценность.

В дальнейшем прерогатива выпусков этих обязательств, становится прерогативой государственных (центральных) банков или казначейств. Эти кредитные билеты, или банкноты государственных банков, казначайские билеты в отличии от векселей коммерческих банков были уже бессрочными обязательствами государства. В результате происходит вытеснение предельно неудобных медных денег этими ассигнациями и погашение ими банковских векселей.

Использование бумажного материального носителя для эмиссий банковских векселей сформировало предпосылки для кредитования государством своих расходов, которые не были обеспечены в полной мере действительными деньгами или товарно-материалными ценностями. Потребности Русско-турецкой войны (1768–1774) стали причиной впервые в России приступить в 1769 году к выпуску первых бумажных денег в форме ассигнаций. По мнению некоторых исследователей, эти ассигнации мало походили на деньги в их современном представлении. Скорее всего, эти ассигнации представляли собой обязательства — расписки на получение «ходячей» монеты [13, с. 109].

Результатом безудержной эмиссии банковских расписок, т.е. банкнот, был крах самих банков, если же речь шла о казначайских необеспеченных билетах или ассигнациях, то это приводило к инфляции. Государство не могло объявить себя банкротом. Оно всегда обесценивало эти денежные знаки, низводя их стоимость до стоимости самой бумаги. Когда количественная масса, обозначенная в ассигнациях, превысила запасы монет в связи с их чрезмерным выпуском в период Русско-турецкой войны, их курс по отношению к монете стал падать. В последний год царствования Екатерины Великой за один ассигнационный рубль давали 68,5 копейки медной монетой [13, с. 107, 108, 119].

В дальнейшем объём эмиссии банкнот стал привязываться к золотому запасу банков-эмитентов. Это в определённой мере ёсоздавало предпосылки частичного размена банкнот на золото, которое еще продолжало выполнять функции действительных денег. Однако в периоды национальных потрясений начинается все больше обнаруживаться разрыв между объемом эмиссии

банкнот и золотым чистым потоком, или величиной страхового золотого резерва. Возникновение паники на денежных рынках становился вопросом момента времени. И уже во время Первой мировой войны размен банкнот на золото практически был прекращен. Банкноты, которые имели золотое или товарное обеспечение, принято квалифицировать как классические банкноты. В дальнейшем они утрачивают сначала золотое обеспечение, а затем и товарное. Результатом итоговым становится то обстоятельство, что действительные деньги покидают сферу денежного обращения, происходит процесс демонетизации золота.

Банкноты первоначально заменили в системе денежного обращения сначала собственно деньги в форме действительных денег, затем кредитные деньги коммерческих банков в форме коммерческих векселей, заменили монеты из дешевого медного сплава (медные монеты, которые относились к действительным деньгам). В качестве итога этой длительной эволюции становится свершившимся факт замены бумажными деньгами денег действительных. Все государства перестают чеканить действительные деньги в форме монет из драгоценных металлов. Накопленные золотые запасы начинают выполнять функцию страховых резервов уже во внешнеторговых отношениях при финансировании международных финансовых и торговых операциях.

Те монеты, которые остались у населения, окончательно превратились в сокровище, в ликвидную часть имущества, торговый оборот с которым в отдельные периоды ограничивался государством.

Если в период золотомонетного денежного обращения экономика постоянно наталкивалась на нехватку денег, что весьма пагубно сказывалось на всей системе национального воспроизводства, то с появлением бумажных денег ситуация меняется на противоположную. Дефицит государственного бюджета подталкивал правительства на финансирование его за счет эмиссии бумажных денег. Затраты государства на эту операцию минимальны. Каналы денежного обращения начинают переполняться избыточной денежной массой, которая постоянно эмитируется государственными банками или казначействами. Это ведет к росту цен, к потере покупательной способности на-

циональной денежной единицы, т.е. к инфляции. В зависимости от масштабов инфляция может разрушить всю денежную систему страны.

Именно злоупотребления эмитентов заменителей денег стало причиной хронической инфляции во всех современных государствах. Исторически этот процесс развивался по той схеме, которая в своё время была описана Л. Мизесом. Например, можно представить следующую модель, которая могла бы адекватно описывать процессы, и которые были реальностью в недалеком исторически прошлом денежного обращения. Требования на определенную сумму денег, подлежащие оплате и выкупу по предъявлении к должнику, в чьей платежеспособности и готовности платить не существует ни малейшего сомнения, оказывают индивидам все услуги, которые могут оказать деньги. Это есть заменители денег. Они могут полностью заменить деньги в остатках наличности индивида или фирмы. Заменитель денег может быть воплощён в банкноте, либо во вкладе до востребования с правом выписки чека (чековые деньги или депонированные) при условии, что банк готов бесплатно обменивать банкноты и текущие депозиты на собственно деньги.

Если должник — государство или банк — держит против всей суммы заменителей денег стопроцентный резерв собственно денег, то заменитель можно назвать денежным сертификатом. Конкретный денежный сертификат является представителем определённой суммы денег, находящихся в резерве. Выпуск в обращение денежных сертификатов не увеличивает количества вещей, подходящих для удовлетворения спроса на деньги для формирования остатков наличности. Поэтому изменение в количестве денежных сертификатов не меняет спроса на деньги и денежное отношение. Они не играют никакой роли в определении покупательной способности денег. Если денежный резерв, поддерживаемый должником против выпущенных в обращение заменителей денег, меньше, чем общая сумма этих заменителей, мы можем назвать сумму заменителей, превышающей резерв, инструментами, не имеющими покрытия.

Банк, не выпускающий в обращение инструментов, не имеющих покрытия, может предоставлять только товарный кредит, т.е. давать взаймы только собственный капитал и деньги, которые ему доверили клиенты. Выпуск в об-

ращение инструментов, не имеющих покрытия, увеличивает кредитные ресурсы банка сверх этих пределов. Теперь он может выдавать не только товарный кредит, но и фидуциарный кредит, т.е. кредит, выдаваемый путём выпуска инструментов, не имеющих покрытия.

В то время как количество денежных сертификатов нейтрально, количество инструментов, не имеющих покрытия, немаловажно. Инструменты, не имеющие покрытия, оказывают на рынок такое же воздействие, что и деньги. Изменения их количества оказывает влияние на определение покупательной способности денег и цены, а также — временно — на ставку процента.

Этот процесс раскрывается в понятиях «расширение кредита», или «кредитная экспансия» и часто истолковываются неверно. Товарный кредит не поддается расширению. Единственное средство кредитной экспансии — это фидуциарный кредит.

Кредитная экспансия происходит только в том случае, если в обращение выпускаются дополнительные инструменты, не имеющие покрытия, а не тогда, когда банк снова выдает ссуды инструментами, не имеющими покрытия, возвращенными ему старыми должниками. Люди обращаются с заместителями денег, как если бы они были деньгами, потому что полностью уверены в возможности обменять их на деньги в любое время без издержек и затрат. Мы можем назвать тех, кто разделяет эту уверенность и поэтому готов иметь дело с заместителями денег, как если бы они были деньгами, клиентами банкира, властей, осуществляющих эмиссию.

Разменная монета, выпускаемая казначейством страны, также является заместителем денег, хотя казначейство, как правило, не проводит её количества по счетам как обязательство и не рассматривает как часть государственного долга. Точно так же не играет никакой роли, имеет ли заместитель денег требования, подлежащие выкупу. Имеет значение лишь то, можно ли действительно без задержек и затрат обменять заместитель денег на деньги или нет [45, с. 404, 405, 406].

Однако возможности банковской системы эмитировать фидуциарные или кредитные денежные знаки далеко не безграничны. Банк никогда не может эмитировать заместителей денег больше, чем его клиенты могут держать

в своих остатках наличности. Для того, чтобы понять этот механизм, можно представить себе следующую схему поведения участников денежного рынка. Так, по описываемой модели Л. Мизеса, можно предположить, что один банк начинает проводить экспансионистскую политику и осуществляет дополнительные выпуски инструментов, не имеющих покрытия, хотя другие банки не следуют этому примеру. Клиенты этого банка, получив кредиты, расширяют деловую активность, предъявляют на рынке дополнительный спрос на товары и услуги, взвинчивают цены спроса. Другие клиенты других банков не могут позволить себе такие цены. Они вынуждены сокращать свои покупки. В итоге на рынке происходит перемещение ресурсов от неклиентов банка и клиентам банка, реализующего стратегию экспансии. Эти клиенты покупают у неклиентов больше, чем продают им; платят им больше, чем получают от них. Но заместители денег, эмитированные банком, реализующим стратегию экспансии, не годятся для платежей неклиентам, поскольку последние не считают их заместителями денег. Чтобы осуществить платежи неклиентам, клиенты должны обменять сначала заместители денег, эмитированные собственным банком, на деньги. Банк, реализующий стратегию экспансии, должен выкупить свои банкноты, и выплатить вклады. Его резервы истощаются. Приближается момент, когда банк после исчерпания резервов, больше не сможет выкупать свои всё ещё обращающиеся заместители денег. Чтобы избежать неплатёжеспособности, он должен вернуться к политике укрепления резервов, отказавшись от экспансионистской политики.

Доля заместителей денег в остатках наличности отдельного клиента никогда не может превышать доли в его остатках наличности никогда не может превышать доли в его совокупном обороте с другими клиентами его банка. Как правило, из соображений удобства он поддерживает его на уровне значительно ниже максимально допустимого. Это будет ещё один предел эмиссии инструментов, не имеющих покрытия. Допустим, что в текущих сделках все готовы принимать к оплате банкноты, эмитированные любым банком, и чеки, выписанные на любой банк. Но они без задержек предъявляют своему банку не только чеки, но и банкноты банков, клиентами которых они не являются. В дальнейшем их банк осуществляет расчёты с соответствующими банками.

Конечно, чтобы укрепить своё финансовое положение, банк легко может увеличить число людей, готовых получить займы, которые появляются в результате кредитной экспансии и выдаются заместителями денег. Но для любого банка очень трудно увеличить свою клиентуру, т.е. число людей, готовых рассматривать эти требования в качестве заместителей денег и в качестве таковых оставлять их в своих остатках наличности. Однако этот процесс хлопотный и медленный, точно так же, как и приобретение хорошей репутации. Потерять свою клиентуру банк может очень легко. Резервы должны поддерживаться на таком уровне, чтобы можно было выкупить все свои банкноты, которые могут быть предъявлены к погашению. Поэтому ни один банк не может удовлетворяться одним выпуском инструментов, не имеющих покрытия. Он должен иметь резерв против общей суммы выпущенных заместителей денег и, таким образом, сочетать эмиссию инструментов, не имеющих покрытия, с эмиссией денежных сертификатов.

Одновременно следует принять во внимание весьма примечательное замечание Л. Мизеса о том, что было бы серьёзной ошибкой считать, что задача резервов состоит в том, чтобы обеспечить средства для выпуска тех банкнот, владельцы которых утратили доверие к банку. Доверие, которым пользуется банк и заместители денег, неделимо. Оно либо имеется у всех клиентов, либо полностью исчезает. Если некоторые клиенты теряют доверие, то и остальные также теряют его.

Все, что могут резервы, это позволить банку изъять с рынка избыточное количество инструментов, не имеющих покрытия. Если банк выпустил больше банкнот, чем могут использовать его клиенты в сделках между собой, то он должен выкупить этот излишек.

Законы, предписывающие банкам поддерживать резерв в определенном отношении к сумме вкладов и эмитированных банкнот, будут эффективны в той мере, насколько они ограничивают увеличение инструментов, не имеющих покрытия, и фидуциарных кредитов. Они бесполезны, если направлены на гарантирование в случае потери доверия немедленного выкупа банкнот и немедленной выплаты вкладов.

Следующий этап становления современных денежных систем связан с появлением «безналичных» денег. Бумажные деньги, вытеснив из денежного оборота действительные деньги, в тоже время не могли обеспечить потребности национального хозяйства. Платёжные обороты по некоторым сделкам составляли значительную величину и требовали громадной денежной массы в форме наличных бумажных денег. Перед правительствами стран стал вопрос о создании новой платёжной системы, которая была бы способной разрешить данное противоречие. Первоначально это осуществляли ценные бумаги, на которых был обозначен большой номинал. Это способствовало замещению бумажной наличности при крупных сделках этими финансовыми инструментами. В дальнейшем под эгидой центральных банков начинают формироваться новые национальные платёжные системы. В их основу была положена система устойчивых хозяйственных связей между товаропроизводителями и банками, которые обслуживали их хозяйственную деятельность. Эти коммерческие банки начинают устанавливать между собой корреспондентские отношения, в результате чего формируется национальная система корреспондентских отношений. Одновременно все коммерческие банки обязаны открыть в центральном банке свои корреспондентские счета, что сформировало материальные предпосылки для создания единой национальной платёжной системы страны.

Но для того, чтобы осуществлять платежи по торговым и хозяйственным операциям, хозяйствующие субъекты, являющиеся клиентами коммерческих банков, были обязаны хранить все наличные деньги в кассе коммерческого банка. Для проведения небольших необходимых хозяйственных операций предприятия и организации имели возможность держать в своих кассах только незначительную часть наличных денег. Остальные платежи стали осуществляться путём изменения записей на счетах контрагентов коммерческих банков. Эти записи на счетах представляют собой информацию о том, что предприятие внесло какой-то объём наличности в кассу коммерческого банка, либо уже увеличила свой счёт на сумму полученных средств от своих контрагентов.

Изменения в записях на счетах предприятий, организаций или физических лиц в коммерческих банках есть отражения перевода платежных средств по хозяйственным и иным операциям. В результате эти записи, их изменение отразили факт того, что они стали выполнять функции денег, которые уже потеряли своего бумажного носителя. В современной банковской системе эти записи отражаются на электронных носителях в локальных, национальных, мировых электронных платежных системах. Возникла система безналичных денег, как банковская запись на счёте владельца в коммерческом банке. В результате коммерческие банки стали хранителями, депозитариями денег в безналичной форме, которые использовали их клиенты по своему усмотрению при проведении расчетов, осуществлении платежей. Тем самым мы имеем денежную национальную систему, в которой современные бумажные деньги представлены в виде банкнот центральных банков, билетов казначейства (в некоторых странах) и записями на бессрочных счетах в коммерческих банках или в самом казначействе при обслуживании институтов государства.

Можно, следовательно, сделать вывод о том, что современные деньги есть знак величины стоимости, или величины ценности. Современные деньги уже оторвались от действительных денег, оставив не более чем свой прошлый след, или знак. Сам же знак как таковой утратил свою индивидуальную стоимость, или ценность. Она стала для общества несущественной. Более того, чем меньшую стоимость имеет сам знак, например, денежная купюра, казначейский билет, тем это более приемлемо для общества в целом, ибо фактически означает меньшие издержки производства этого знака.

Но так как и ранее функцию меры стоимости действительные деньги выполняли идеально в головах участников товарных сделок, то в этом процессе идеального соизмерения стоимостей обмениваемых товаров сами действительные деньги участия и не могли принимать объективно. Эту функцию вполне мог выполнить идеальный образ действительных денег, т.е. его знаки. И если сами деньги не принимали непосредственное участие в факте соизмерения стоимостей, то эту функцию идеально выполнял знак стоимости и ранее при применении действительных денег. Поэтому ситуация изменилась тем образом, что для переноса стоимостей при обмене товарными массами

вполне было достаточно этих знаков, которые были по определению лишены внутренней стоимости.

Количественно знак стоимости определялся количеством денежной бумажной массы, которую на основе института доверия, декретирования со стороны государства соглашался принимать продавец товара. Другими словами, количество этих денежных знаков было определено ранее в начале предшествующей продажи товара и получения знака эквивалента, а не самого эквивалента, как это имело место в случае применения действительных денег.

Это позволяет ответить на вопрос о механизме участия современных денег в процессе измерения стоимости обращаемых товаров. Деньги не могут быть самодостаточным инструментом в измерении ценностей непосредственно. Они это не могли делать и ранее, когда воплощались в монетарном золоте или серебре. Эту функцию они могли осуществить исключительно идеально.

Как и прежде эти индуцированные знаки стоимости, получившие количественное выражение от предшествующего обмена, были способны воспринимать, фиксировать, отражать эту стоимость, ценность в форме знака и переносить информацию на последующий обмен. Эту функцию вполне способен выполнить знак стоимости, заменив тем самым само материально-вещественное воплощение стоимости в форме материализации богатства, например, золота или серебра.

Современные деньги есть непосредственное олицетворение величин ценностей, стоимостей, но только не самой ценностью, или стоимостью. Деньги стали формой выражения, носителем абстрактного количества, потеряв, утратив всякую связь с качеством.

Для пояснения нашей позиции можно привести некоторую аналогию с числом. Любое число есть форма выражения абстрактного от соответствующего качества некоторого количества, абстрактный всеобщий признак, который способен отличить или сравнить одно множество, или количество, от другого такого же рода. Число есть выражение чистого количества, или *reine Quantität*. Фактически деньги есть знак, численный знак ценности, или стоимости, абстрактная форма выражения этой стоимости, форма, посредством которой ценность, или стоимость, как сущностный феномен получает воз-

можность обнаружить себя во внешности как цена вещи или услуги. «Будучи знаками величин ценности, деньги являются средством измерения этих величин. Они изобращаются как определенная система измерения величин, — с особыми единицами величин и их отношениями, как масштаб (шкала) измерения. Тут ситуация аналогична средствам измерения пространственных размеров предметов, расстояний, интервалов времени, температур и т.п.

Денежные знаки изобращаются с целью использования их людьми в их практической жизни. Как конкретно они используются, это в определение денег не входит. Для определения важно иметь в виду, что при всех видах использования они функционируют как знаки. ... Знаки используются как своего рода дубликаты или заместители того, что они обозначают. Деньги суть знаки величин ценностей» [25, с.301, 302].

Для того чтобы деньги как знаки величин ценностей были знаками этих ценностей, а также масштабом их измерения, необходимо признание их как таковых всеми членами социально-экономического, политического сообщества. Последнее должно закрепить это положением законодательным внеэкономическим принуждением.

Фактически деньги действительно становятся первым товаром, который сначала расщепился на собственно свою материальную субстанцию и знак этой субстанции. Первоначально слитые в действительных деньгах теперь материальная субстанция ушла в хранилище и из действительных денег совершила обратное превращение в элитный благородный товар, представленный уже слитками платины, золота и серебра. Его природа также уже не может быть описана в традиционных теориях денег. Более того есть скорее основания полагать, что все эти накопления, которые по наивности кто-то представляет страховыми запасами, есть один из самых бесполезных товаров. Они могут продаваться, передаваться, быть предметами залога, спекуляций, однако их полезность проявится исключительно в их производительном или потребительном потреблении, т.е. уничтожении как слитка и трансформация его в изящные вещи или технологические элементы. Они скорее приобрели отрицательные ценности, хотя их цены взлетели в последние годы и предела этой шизофрении не видно в самое ближайшее и далекое будущее. Скорее есть

основание полагать о необходимости нового прочтения работ Дж. Маклеода, предвосхитившего в 1858г. понятие «антитовара» (*discommodity*) и антиполезности (*disutility*) в своем обсуждении нулевой и отрицательной ценности.[4, с.280] При этом отрицательная полезность будет лежать даже не в координатах теории предельной полезности У.С. Джевонса, а быть отрицательным благом по определению.

Но получившее свое обособленное от монетарного золота и серебра существование знаки приобрели ценность, которую придали им институт государства, признав их в качестве законного платежного средства обязательного к приему всеми экономическим субъектами. Как отмечает Ж. Бодрийяр, деньги стали первым товаром, который получил «статус знака и неподвластной потребительной стоимости. В них система меновой стоимости оказывается продублирована видимым знаком, и таким образом они делают видимым сам рынок (а значит, и дефицит) в его прозрачности. Но сегодня деньги делают новый шаг – становятся неподвластны даже и меновой стоимости. Освободившись от самого рынка, они превращаются в автономный симулякр, не отягощенный никакими сообщениями и никаким меновым значением, ставшим сам по себе сообщением и обменивающийся сам в себе. При этом они больше не являются товаром, поскольку и них больше нет ни потребительной, ни меновой стоимости. Они больше не являются всеобщим эквивалентом, то есть всеобщей абстракцией рынка. Они просто обращаются быстрее всего остального и не соизмеримы с остальным».[6, с.76]

Весьмаозвучной в этом отношении является мысль Давида Юма, когда рассуждает о богатстве. «Скупой наслаждается своими деньгами, т.е. той силой, которую они ему предоставляют, или возможностью пользоваться всеми удовольствиями и удобствами жизни; Между тем он знает, что владеет своим богатством, быть может в течение сорока лет ни разу не воспользовался им, а следовательно, он не может заключить при помощи какого бы то ни было вида рассуждения, что реальное осуществление этих доступнее ему теперь, чем в том случае, если бы он был совершенно лишен всего своего могущества. Но хотя он и не может при помощи рассуждения прийти к заключению о большей доступности удовольствия, он, несомненно, воображает, что это удо-

вольствие стало доступнее, если устранены все внешние препятствия к нему, а равно и более сильные мотивы личной выгоды и опасности, мешавшие его проявлению» [62, с. 364, 365]. Современные деньги вообще не имеют индивидуальной потребительной стоимости, следовательно, из них в принципе невозможно извлечь индивидуального блага, ибо они есть не более чем символ этого возможного богатства, или знак.

Денежная система вводится в употребление и узаконивается государственной властью, охраняется и сохраняется ею. Это — второй определяющий признак денег. Лишь благодаря этому узакониванию определенных предметов в их роли знаков величин ценности эти предметы приобретают социальное качество денег. И это качество возникает не в результате некоего имманентного развития знаков ценности самих по себе, а как результат сознательно-волевой деятельности государства.

Государство узаконивает введение в употребление самих денежных знаков определенного вида, а не просто принимает какие-то законы, в рамках которых должна протекать деятельность людей, использующих деньги [25, с. 303, 304].

С подобным выводом А.А. Зиновьева можно было бы согласиться, если бы практика не свидетельствовала о более сложной и более противоречивой природе современных знаков стоимости, т.е. современных денег. Не отрицая декретный характер современных денег, что выражается в законодательном установлении самих денег, денежной системы, способов обращения, изъятия и т.д., следует подчеркнуть, что со стороны агентов, которые выступают на стороне спроса на деньги, это установление государства всё же оказывается недостаточным. Более того, до того момента, пока не была создана система государственных банков, сами деньги были деньгами частными. Навязать частные деньги, т.е. деньги, которые эмитировались частными финансово-кредитными, банковскими институтами, другим частным лицам опираясь исключительно на принуждение населения, было невозможно. Денежное обращение принимало свои примитивные, первоначальные формы бартерной торговли. Деньги должны получить своё признание и доверие со стороны массы населения. Например, явление долларизации российской экономики

совсем в недалеком прошлом объясняется тем, что при слабом доверии к российскому рублю, последний стал вытесняться из обращения денежными знаками других стран, долларами США.

Отношения между эмитентом денежных знаков даже в лице центральных банков и гражданами страны вполне вписываются в формат фидуциарных отношений. Фидуциарные отношения (англ. — *fiduciary relationship*) есть такие отношения, которые базируются на доверии между эмитентом, в данном случае эмитентом денежных знаков, в лице центрального и(или) коммерческого банков и физическими и юридическими лицами страны. Из этого вытекает, что сторона, которая облачена доверием со стороны её граждан, обязана не допускать ущемления интересов другой стороны, домашних хозяйств, бизнеса. В противном случае утрачивается доверие к этим денежным знакам, какие бы меры не были бы строгими по отношению к гражданским лицам. Следовательно, для раскрытия природы современных денег следует помнить, что каждая из этих сущностных особенностей обладала признаками необходимыми, но недостаточными. О необходимости и достаточности признака могли бы свидетельствовать только их неразрывное единство. Современные деньги есть апогей денег вообще.

Следовательно, мы не имеем достаточных оснований для того, чтобы согласиться с некоторыми исследователями относительно природы современных денег. Например, с утверждением, что современные деньги измеряют стоимость товаров, и служат средством счёта. Следует первоначально уточнить концепт понятия «измерение стоимости» и уточнить сам термин. Однако с первым суждением можно согласиться только тогда, если мы примем следующее обстоятельство. Чтобы деньги могли выполнять функцию быть мерой стоимости, они должны воспринять предварительно в форме знака эту стоимость. Именно посредством знака количества стоимости, этой формы трансфера стоимости с одного товара на другой в процессе товарного обращения, деньги становятся средством перенесения ранее измеренной стоимости товара другим товаром, который и стал мерилом стоимости ее измерением. Не обладая внутренне самой стоимостью, деньги, тем не менее, как некое зеркало позволяют перенести, трансформировать, осуществить систему

трансферта *a priori* соотнесенных стоимостей товаров. Деньги сделали возможным отразить стоимость товара через призму обмениваемого товара. Поэтому деньги могут обнаружить себя только как посредник в непрерывном товарном потоке.

Но эта функция не принадлежит исключительно деньгам. Товарный обмен может осуществляться без присутствия денег. Если обмен происходит в форме бартера, то истинная, непосредственно сопоставляемая стоимость будет выглядеть как соотношение в количествах обмениваемых товаров. Если мешок зерна обменивается на кусок холста, то ценой этого мешка с зерном и будет кусок холста. Но если за кусок холста в соответствии со сложившимися институтами будут давать некоторый знак его ценности, то этот знак в дальнейшем может быть обмениваемым на любой представитель «товарной черни». Тогда эта функция не может быть существенной, т.е. не быть достаточной для того, чтобы с её утратой менялась внутренняя природа предмета. Следует полагать, что эта функция современных денег, быть средством измерения стоимости и одновременно средством счёта есть функция модифицированная, которая не раскрывает истинность модели обмена, а искажает это явление. Скорее эта функция есть функция модифицированная, превращенная, но никак не существенная для современных денег. Знак не соизмеряет, а отражает процесс соизмерения реальный стоимостей в бесконечном процессе товарообмена. Не знак определяет ценность вещи в гордом одиночестве. Он это делает опосредованно, когда знак отразил предварительно эту наделённую ранее товаром ценностью и перенесёт её на знак. Только потом, будучи подкреплённым декретами эмитента, и одновременно федуцией продавца, знак стал отражать как абстрактную стоимость, так и её количественную величину. Следовательно, в знаках можно было отражать количество, т.е. знак мог выполнять функцию счёта, которая тем самым также стала производной и модифицированной.

Здесь сущность денег получила своё воплощение в акте соизмерения опосредованно от переноса количества ценности на его знак. Однако знак, получив свое самостоятельное от товара существование в форме монеты, купюры либо простой информации о том, что покупатель выполнит свои обяза-

тельства, ибо он имеет требуемое количество знаков стоимости в депозитарии банка, и дал на это согласие, акцептовав требование платежа, например. Следовательно, уже не только знак денег, или знак стоимости (ценности) выполняет эту функцию, но уже и знак знака денег, или информация о наличие в коммерческом банке денег. Таким образом, безналичные деньги следует относить к ликвидным активам, ибо они способны обеспечивать обращение товаров. Однако утверждать, что в этом случае деньги выполняют эту функцию реально, не имеет под собой оснований. В реальности не только нет действительных денег, но нет уже и реальных знаков стоимости (ценности). Реально здесь в системе безналичных расчётов присутствуют знаки знаков действительных денег, которые мы принимаем за деньги, ибо они выполнили эту важнейшую функцию денег. Деньги есть всё то, что выполняет функцию денег.

Разрешить эту проблему уточнения функций современных денег можно только тем образом, если быть предельно корректным в наполнении концепта понятия определённым содержанием. Знак как деньги может осуществлять функцию не измерения стоимости, а отражения этой стоимости, быть средством обращения, платежа только при принятии вышеотмеченных уточнений. В противном случае мы можем прийти к *contradictio in adjecto*, т.е. противоречию в определении. Нет возможности измерять нечто тем, что отсутствует вообще.

Это же замечание относится и к функции сохранять стоимость (ценность). Если знак есть знак стоимости, то последний существует не только в пространстве, но и во времени. Знак ценности продолжает оставаться им до тех пор, пока не изменятся к нему отношения со стороны эмитента и со стороны носителя этих знаков. Но как знак он уже оторвался от своей реальной действительной стоимости, заключённой в товаре. Соответствие отраженного и отражаемого уже зависит от множества иных факторов. Однако тот факт, что этот знак продолжает нести знак стоимости, означает одновременно то, что этот знак определённое время связан со стоимостью (ценностью). Знак не только отражает, но, отражая, он и сохраняет во времени отражаемое. Следо-

вательно, есть основания утверждать, что знак стоимости способен удерживать информацию о стоимости (ценности).

Если же речь вести о количественном соотношении воспринятой, первоначально отраженной стоимости, и стоимости, которая с течением времени переносится в качестве информации на иное товарное благо, то это количество уже может не совпадать. Более того, как показывает практика знакам стоимости присущее качество утрачивать во времени информацию о ценности. Это проявляется в периоды инфляции, которая из явления случайного приобрела все признаки закона. В этом плане утрата покупательной силы знаками стоимости стало законом. Это в полной мере относится ко всем формам современных бумажных денег.

Деньги — это средства обмена, пишет по этому теоретическому поводу Л. Мизес. «Это самый быстро реализуемый товар, который люди приобретают потому, что хотят предложить его в следующих актах межличностного обмена. Деньги — это вещь, которая служит в качестве общепризнанного и обычно используемого средства обмена. Это их единственная функция. Все остальные функции, которые люди приписывают деньгам, представляют собой просто определенные аспекты их первичной и единственной функции, функции обмена.

Средства обмена являются экономическим благом. Их не хватает; на них существует спрос. На рынке есть люди, желающие их приобрести и готовые обменять на них товары и услуги. Средства обмена имеют меновую стоимость. Ради их приобретения люди идут на жертвы; они платят «цены» за них. Просто особенностью этих цен является то, что их нельзя выразить на языке денег» [45, с. 376].

Таким образом, существенным признаком современных денег можно назвать только одну функцию — быть средством обмена товарами. Все остальные функции являются производными от данной функции. Первая функция и необходимая и достаточная для определения сущности денег. Остальные функции можно квалифицировать как ложные, другие только необходимые, но недостаточные. Это совсем не значит, что они не играют никакой роли. Наоборот, эти функции лежат на поверхности, они воспринимаются чувст-

венно и непосредственно. Однако эта чувственность восприятия скорее создает проблемы в познании сущности, чем продвигает нас к истине.

В результате мы склонны полагать, что имеет место различное трактование сущности современных денег в российской и западной экономических школах. Ни один из экономистов не отрицает того факта, что современные деньги стали представлять знаки прежних действительных денег. Но, поменяв свое материально-вещественное содержание, утратив свою стоимость, деньги модифицировали и свои функции, не утратив, однако окончательно связь с функциями действительных денег. Сущность денег стала проявляться в иных формах. Но только одна форма непосредственно сохранила признаки своей существенности — обеспечивать функцию обмена товарами. Способность знака переносить отраженную стоимость, сохранять во времени отражаемую информацию в форме символа, знака, например, богатства, обеспечивать выражение количества отраженной стоимости (ценности), сохранилась от действительных денег, несмотря на их уход из обращения. Это одновременно обеспечило предпосылки считать и принимать эти знаки в качестве посредников обмена, т.е. как деньги. Имело место явление не подмена понятий, а подмена терминов, не корректное с позиций истории называть деньгами знаки денег.

Однако легкость и подвижность языка не может быть серьезной причиной искажения смысла в процессе исторической эволюции денег. Если о понятиях следует додумываться, то о терминах следует договариваться. Тогда многие проблемы теории разрешаются тем образом, что преодолевается «терминологическое столпотворение».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема теории современной теории денег, в том числе лежит в логической некорректности перенесения смысла вещи на принципиально иную вещь, сохраняя при этом термин, или знак. На этом поприще вполне возможно представить современную теорию денег как конкретное воплощение собрания парадоксов.

«Парадокс противостоит доксе, причем обоим аспектам доксы, а именно — здравому смыслу (*bon sens*) и общезначимому смыслу (*sens commun*). Здравый смысл высказывается в одном направлении: он уникален и выражает

требования такого порядка, согласно которому необходимо избрать одно направление и придерживаться его» [18, с. 99].

Это бросается в глаза сразу же, как только мы начинаем соотносить смыслы, которые вкладываются, нагружаются понятия, формируя тем самим их концепт. Если к этому добавить, что имя понятия, т.е. сами термины, переносятся на новое содержание, то удивительным становится обратное. Это объясняет тот факт, что люди в науке вообще, в области теории денег, в частности, оказались неспособными понимать друг друга даже в координатах одного научного направления.

Если речь идёт о понятии вообще применительно к понятию современных денег, или от менее дифференцированных сущностей к более дифференцированным, т.е. от сущности, или существенного явления, к явлению этой сущности, или к её поверхностному образу, то мы получаем раздвоение смысла. Это раздвоение смысла имеет своей причиной то, что экономическая жизнь эволюционирует гораздо более динамично, чем люди успевают новым явлениям дать, если не новый термин, то, по крайней мере, придать современный оттенок прежнему термину, отражающему уже несколько иное содержание понятия. Если речь вести о современном научном языке в области теории денег, то мы обнаружим, что современные деньги не толькобросили с себя прежние мундиры из золотого одеяния. Они изменили и свои функции. Это привело к тому, что деньги действительные трансформировались в современные деньги. Последние стали называть уже знаками стоимости. Но, признав, что они сохранили некоторые функции прежних действительных денег, тем не менее, и в теории им всем присвоен символ «деньги». Ибо деньги есть то, что выполняет функции денег. При этом «забыв», что некоторые функции ими уже утрачены. Следовательно парадоксы (*paradoxos* — от греч. необыкновенный, странный) как нельзя верно передают суть теоретических некорректностей, а на уровне бытового сознания — терминологическую путаницу и «терминологическое столпотворение», по Кейнсу. Менее дифференцированное, более приближённое к источнику, ещё не выявило всего богатства форм, выступает как более бедное и неразвитое. Современно же уже

преодолело необходимые преходящиеrudименты, сохранив и развив те признаки, которые имели место в прошлом в форме потенций.

Развитый здравый смысл учёных прошлого предвидел и предвосхищал в своих идеях эти возможности. Их идеи также воспринимались как парадоксы, как неожиданности. Как писал по аналогичному поводу Гете: «Истина рождается как ересь, а умрет как предрассудок». Именно на всех временных участках мы можем обнаружить присутствие парадоксов в теории. Такой порядок от прошлого к будущему может быть соотнесен только в настоящем. В противном случае мы можем создать ещё дополнительные проблемы, но уже в области герменевтики.

В то же время возможности здравого смысла весьма ограничены. Здравый смысл всегда опирается, черпает своё вдохновение, прибегает к аргументации находясь в сфере очевидного. Последнее, что вполне возможно, может представать не как видимость сущности, но и как проявление глупости. Он легко из здравого смысла может уйти в свою противоположность, когда начинает проявляться противоречие сущности, представленное как противоположность в явлении, сводить в единое целое. Это имеет место тогда, например, когда сущностные характеристики денег на поверхности явления выказывают различные проявления. В этом случае фразы «с одной стороны» и «с другой стороны» одного и того же явления и есть проявления парадокса. Здравый смысл не может существенно выразить противоречие, хотя он сам является внешней формой его проявления. Поэтому ценность парадоксов не в том, что они противоречивы, противоположны, а в том, что они позволяют исследователю присутствовать при генезисе противоречия. (18, с.98)

Другая методологическая ошибка исследователей-экономистов, область научных интересов которых, проблемы современной теории денег, сводится к их большей приверженности позитивистского направления в экономической теории. Если не пытаться ответить на вопрос сущего, природы экономического явления, то эта теория изначально обречена попасть в разряд «мелкотравчатых» творений. Полезность предмета, явления не может вытеснить из круга научных интересов ответ на вопрос о его природе. В этом следует ус-

мотреть и тот теоретический багаж, который оставил после себя монетаристская школа во главе с М. Фридманом.

Поэтому следует дать анализ принципиальных позиций на функцию денег, которые отстаивает современная западная экономическая школа. Авторы популярного учебника Р. Миллер и Д. Ван Хуз «Современные деньги и банковское дело» так описывают функции современных денег. Современные деньги — это любой товар, который люди обычно принимают в оплату других товаров и услуг [43, с. 6]. При этом деньги следует одновременно рассматривать «как активы, т.е. нечто, имеющее собственную ценность. В этом качестве они являются частью богатства (*wealth*), т.е. чистыми активами, или суммой активов за вычетом долговых обязательств. ... Деньги не единственная, но наиболее распространенная форма богатства, которое можно обменять на товары и услуги. Экономисты называют это свойство денег ликвидностью (*liquiditi*)» [43, с. 6, 7]..

В своих работах эти авторы исследуют и выделяют следующие четыре функции современных денег:

1. Средство обращения.
2. Средство сохранения стоимости.
3. Единица счета (мера стоимости).
4. Средство платежа.

Лоуренс Харрис в фундаментальной работе «Денежная теория» выдвигает тезис, что деньги выполняют три основные функции — деньги как средство сохранения стоимости, как средство обращения и деньги как средство счета (меры стоимости). Харрис заранее соглашается с тем, что определение денег — это предмет споров, и главный вопрос, по которому ведутся споры: является ли какая-то из денежных функций наиболее важной или же все функции неразрывно связаны между собой. Ссылаясь на Джона Хикса, приводит его теоретическую позицию относительно того, что деньги могли бы выполнять функцию средства обращения, не будучи средством сохранения стоимости [59, с. 82, 83].

Если проследить эти две наиболее распространённые ветви в теории денег, то разница усматривается в том, что Миллер и Ван Хуз увеличивают

число функций до четырёх, дополняя их функцией денег как средством платежа.

Для иллюстрации функции денег быть средством сохранения стоимости Миллер и Ван Хуз рассматривают простой пример. Представим, пишут они, что рыбак приходит в порт после нескольких дней лова. В текущих ценах его улов оценивается в 1000 долл. Но рыба — плохое средство сохранения стоимости, так как если рыбак будет хранить её слишком долго, то она пропадет. Если же рыбак попробует непосредственно обменять её на товары других продавцов, часть рыбы может пропадать до того, как он обменяет весь улов на товары и услуги, которые ему нужны. Если же рыбак продаст весь улов за деньги, он сможет сохранить стоимость улова в виде полученных за неё денег. (Конечно, он может поместить рыбу в холодильник, но это стоит денег; кроме того, это не совсем хороший способ сохранения стоимости свежей рыбы.) Далее авторы констатируют не менее очевидный факт, что при определённых условиях хранение накоплений в денежной форме приносит убытки владельцу.

Если сопоставить эти два положения, то из этого следует явное противоречие. «Деньги сохраняют стоимость. — Деньги не сохраняют стоимость». Выявление противоречия с самой теории свидетельствует о её незавершённости, внутренней противоречивости, или теоретической несостоятельности.

Потребительная стоимость товара есть благо, которое оно несёт для приобретателя. Рыба потому и покупается, что она утоляет голод при ее употреблении. Свой конечный путь товар завершает в потреблении. Этот момент свидетельствует о завершенности процесса производства, обмена и потребления. Истиной в последней инстанции для стоимости, или ценности, товара становится признание его в потреблении, в результате чего этот продукт уничтожается. Поэтому продажа товара не может сохранить ценность свежей рыбы. То, что имеет значимость для рыбака, как первого звена в добывче рыбы, совсем не обязательно сохранение этого результата для перекупщика, торгового посредника. Проблема сохранения стоимости рыбы не исчезает с трансакцией. Сохраняется, переносится на модифицированный продукт

стоимость в результате трансформации продукта, когда последний проходит через последовательный ряд технологических операций.

Но что тогда получил продавец в результате продажи? Он получил современные деньги, которые по определению не обладают внутренней стоимостью. Эти деньги есть по своей экономической природе знак стоимости, и получение знака стоимости в форме современных денег фактически означает нарушение принципа эквивалентности, которое имело место в бартерном обмене, либо в процессе купли-продажи, когда этот процесс обслуживали действительные деньги. Именно факт отчуждения стоимости рыбы, её потребительской стоимости для продавца и присвоение знака стоимости в предельно абстрактной форме современных бумажных денег уже свидетельствует о том, что продавец не сохранил стоимость, а наоборот, утратил её, получив не более как знак стоимости. Эквивалентность будет для продавца восстановлена только тогда, когда он избавится при последующей покупке от бумажных денег и воспроизведет прежнюю стоимость в результате очередной трансакции.

Современные бумажные деньги, имея в одно и тоже время декретную для продавца и получателя долга природу, а для покупателя фидуциарную, позволяют не сохранять стоимость, а в форме знака переносить символическую стоимость при купле-продаже товаров, получении кредита и погашении долга.

Современные деньги есть инструмент кредита и одновременно долга. Долг в эпоху денежного обращения становится всеобщим и бесконечным. Наличие в кассе денег, или на руках у населения есть одновременно свидетельство нарушения эквивалентности в прошлом акте обмена. Этот долг уже не может быть погашен, так как деньги, будучи выпущенными в обращение, уже никогда не могут покинуть его. Правда, государство может связывать денежную массу, реализуя тот или иной тип денежно-кредитной политики, но это изъятие может носить всегда только временный характер. Эмитент бумажных денег в результате неэквивалентного обмена товаров, услуг на деньги осуществляет пользование чужой собственностью или *ius in*. При этом он извлекает определённый эффект, или *fructus*. Но так как он при этом не только не возвращает держателю процента, но и получает комплементарный эф-

фект, допуская сознательно их обесценивание. Тогда они теряют свою покупательную силу, что следует уже рассматривать уже как злоупотребление в пользовании или *ab usus*.

Современные деньги скорее следует соотнести с симулякром, т.е. «копией, оригинал которой безвозвратно утерян». (Ж. Бодрийяр) Однако, и представив современные деньги в качестве некоторого ложного подобия современных денег в реализации ими таких функций, как, например, средство сохранения стоимости, меры стоимости, мы склонны полагать, что они не утратили присутствия в них признаков самого товара. Но тогда возникает вопрос о потребительной стоимости денег как товара и меновой стоимости денег. Если речь вести о меновой стоимости, то ее содержанием будет то количество стоимости, которое было вменено покупателем и воспринято продавцом в форме определенных знаков количества. В основе этого знака есть вера, или фидуция (от лат. *fiducia* — сделка, договор, основанные на доверии), и декреция (от лат. *decretum* — в силу закона, власти). Покупатель наделил товарную массу этим количеством получаемой при покупке стоимости. К нему же она выпадает из всеобщего потока обмениваемых в форме предшествующих покупок и продаж и собственного соучастия во всеобщем процессе воспроизводства жизненных благ, включая непосредственное производство потребительских ценностей, так и окольное производство средств производства, или капитала. Потребительная стоимость принимаемых денег для продавца товара раскрывается в вере в силу и надёжность эмитента этих денег, в существующий порядок и институты, касающиеся того, что эти деньги без потерь их покупательной способности будут приняты иными членами общества, субъектами товарно-денежного оборота. Каждый из этих признаков, наличие фидуции и декреции, есть необходимое, но недостаточное условие, чтобы знак стоимости, т.е. бумажные деньги, мог выполнить те же функции, которые раньше выполнял оригинал, или действительные деньги.

Приписываемые же признаки знакам стоимости естьrudimentы денежного фетишизма, когда деньги продолжают оставаться фетишем, овеществлением ложно понимаемых производственных отношений. Но это не лишает знакам выполнять отдельные важные функции денег. Более того, общество

получило исключительную выгоду от этого фетиша — денег. Воспроизведение денег в современных условиях для нужд национального хозяйства уже не требует таких громадных отвлечений ресурсов, как это имело место ранее при производстве монеты.

Перенос количества стоимости в процессе обмена товарами, наделяет этот процесс опосредования знаками стоимости во времени. Более того, этот процесс следует представить как поток товарами и услугами, опосредованный потоками денег. Для любой системы характерно наличие признаков инерционности, в том числе, и для товарной черни, и для чистого потока ликвидных средств. Инерционность позволяет сохранять прежнее соответствие стоимостями между обмениваемыми товарами. Но это совсем не значит, что знаки стоимости способны сохранять стоимость. Следовательно, позиция Джона Хикса более выверена в научном отношении, когда он утверждает, что деньги могли бы выполнять функцию средства обращения, не будучи средством сохранения стоимости.

Чтобы получить необходимую аргументацию, следует проследить вслед за ним логику рассуждений. Рассматривая упрощенную модель обмена, которая уже имела место на средневековых ярмарках, торговцы максимизируют свою полезность и стараются закончить сделки таким образом, чтобы никто не должен купить больше, чем продал сам. Следовательно, деньги, которые появились у него в процессе продажи, исчезают в результате покупки нужных каждому торговцы товаров. «Банкноты (долларовые билеты, например) аналогичны ... деньгам, представленным материальными объектами в том отношении, что они используются как средство обращения, ибо они, как известно, принимаются всеми лицами в обмен на товары. Факторы, обуславливающие их всеобщую приемлемость в качестве денег, различны для разных сообществ, начиная с влияния священников в религиозных общинах и кончая влиянием государства в капиталистическом обществе, которое именует долларовые билеты «законным платежным средством».[59, с. 83,84]

Если расширить число участников данной операции, то можно ввести, как это делает Хикс, банк. Если кто-то продает товар, но ничего из товарной массы не получает взамен, то у первого образуется кредитовое сальдо в бан-

ке, а у второго — дебетовое. Если затем продавец, имеющий от первой сделки кредитовое сальдо, начинает покупать нужный ему товар, то у него уменьшается кредитовое сальдо, а у второго, если он начинает продавать, — уменьшается дебетовое сальдо. Реальный обмен, безусловно, будет гораздо более богатым по содержанию, но суть останется прежней. Ни один из участников обмена не будет иметь ни кредитового, ни дебетового сальдо. Акцептование банком векселей превратило последние в деньги, которые стали обслуживать других участников торгового оборота. Однако векселя коммерческих банков не могут иметь сами внутренней стоимости. Таким образом, настаивание Харрисом на необходимости принятия тезиса о выполнении деньгами функции обращения при обязательном условии выполнять в качестве исходной функцию быть мерой стоимости, не имеет под собой основания. Практика повсеместно показывает обратный результат. Кредитовые остатки в банке, которые накапливают участники обмена в течение дня, выполняют функцию денег. Эти деньги являются «частичными деньгами», т.е. только средством обращения, но не средством сохранения стоимости.

Термин «частичные деньги» применим лишь постольку, поскольку эти деньги выполнили только некоторую часть функций денег, в данном случае, — функцию средства обращения. Харрис называет эти деньги «внутренними деньгами». Для общества становится предельно экономичным применять эти деньги в форме записей на счетах банка вместо товарных денег, или товаров, в том числе и форме золотой или серебреной монеты. И хотя общество несет все же некоторые издержки в результате перехода на безналичные деньги, тем не менее, эти издержки всегда ниже, если бы этот процесс обслуживался монетарным золотом или серебром, или даже бумажными деньгами. И хотя после того, как Харрис приводит аргументацию Хикса, он, тем не менее, заявляет, но уже абсолютно голословно следующее. «...Хотя в модели Хикса банковские счета используются как средство обращения, было бы неправильно заключить, что они функционируют только в этом качестве. Они служат также средством сохранения стоимости и фактически не могли бы использоваться как средство обращения, не выполняя второй функции» [59, с. 85].

Но из этого следует, что если есть одна функция, которая раскрывает сущность денег, а вторая уже может и не существовать, т.е. её бытие есть признак возможный, а не необходимый, то и сама функция становится не существенной, а скорее случайной.

Этот довод приведен нами не в качестве строго доказательства, а лишь постольку, поскольку позволяет увидеть противоречия в самой западной экономической школе. Деньги как средство сохранения стоимости уже не может считаться в качестве существенного признака денег, если обратиться к работам экономистов западной экономической школы. В утверждениях Харриса больше категоричности, чем логики. Более того, в самых существенных моментах она вообще отсутствует, предлагая читателя принимать на веру слабо аргументированные положения. Так, Л. Харрис пишет, что «деньги — это средство сохранения стоимости. Имеются другие блага, которые функционируют как средство сохранения стоимости, но не являются в тоже время деньгами. Однако нет таких видов денег, которые не были бы средством сохранения стоимости» [59, с.85, 86].

Критикуя по этому моменту Хикса, как это нам представляется, Харрис старается просто не видеть очевидного и убедительного у Хикса. Так, Харрис отмечает, что согласно воззрению Хикса банковские счета в рассмотренной им модели служат формой денег, но не функционируют при этом как средство сохранения стоимости. Главный довод в том, что в конце дня остатки средств на всех банковских счетах сокращаются до нуля и не могут быть перенесены на другой рыночный день. Харрис находит ошибку у Хикса в том, что в данной упрощённой модели хотя и остатки на банковских счетах не могут быть перенесены на следующий рыночный день, тем не менее стоимость на этих счетах в течении текущего рыночного дня сохраняется. И этот контраргумент принимается уже в качестве достаточного для опровержения тезиса о реализации функции обращения без функции сохранения стоимости во времени между двумя сделками.

Как следует из нашей ранее приведённой аргументации, чтобы сохранять, надо содержать это нечто внутри себя. Бумажные деньги этим признаком не обладают. И Хикс, и Харрис проходят мимо этого факта, впадая при

этом в логические натяжки теории. Быть знаком стоимости уже объясняет тот факт, что деньги становятся тем активом, который не внимая в себя ни грана стоимости, тем не менее, может отражать стоимость. Это отраженная в форме знака стоимость, способна сохранять веру, но не саму стоимость непосредственно даже если уже потеряна связь с тем оригиналом, от которого была воспринята определённое количество стоимости.

В этом случае и такое афористическое определение денег, которое дает М. Фридмен, как временного вместилища покупательной силы может иметь теоретическую значимость при условии, что под вместилищем мы понимаем знак стоимости, которое было вменено ранее продаваемым товаром продавца покупателю, а количество денежных знаков не более чем отразило эти кванты стоимости. Таким образом, следует разводить, не смешивать понятия и процессы сохранения стоимости и сохранение веры в знак стоимости.

Введение в анализ момента несинхронизации у Харриса проблему не решает, хотя и немножко усложняет. Обмены в рыночной экономике не совпадают во времени. Полное совпадение мы обнаруживаем в бартерной торговле. Здесь обмен есть сделка купли, которая одновременно есть и продажа товара. Если обмен опосредуется посредником, т.е. деньгами, то следует принимать во внимание следующие два обстоятельства.

Во-первых, рыночную системы следует воспринимать как динамичную систему, в которой в результате рыночной стихии происходит постоянное изменение количественных пропорций в обмене. Причинами могут быть как изменение условий производства обмениваемых товаров. В результате их обменные пропорции могут постоянно меняться. И если вчера одна единица товара «А» стоила две единицы товара «В», то завтра это соотношение может принимать условно одна единица товара «А» обменивается на одну единицу товара «В». В случае золотого монетного обращения при сохранении стоимости денег, это будет отражено в цене. Цена товара А и В, будучи выражеными через золотые действительные деньги, могут явить разные цены. Более того, даже если обменное соотношение не изменится, то цена может измениться в зависимости от того, насколько сохранит свою стоимость монетарное золото. Однако, будучи втянутым в обращение эта стоимость может со-

хранена, ибо золото есть материализация стоимости как общественного отношения.

Но уже и в условиях золотого денежного обращения стоимость товаров будет определяться затратами общественно необходимого труда на их производство. Стоимость золота будет инертным компонентом в регистрации количественных пропорций обмена товара и абсолютным в фиксации цены каждого товара. Ибо по определению цена есть стоимость (ценность), выраженная в деньгах.

Последнее дало основания говорить о деньгах как о некоторой вуали, покрывающей бартерную сделку. Но и будучи золотой вуалью деньги всегда имели тот золотой субстрат, который был и воспринимался обществом в качестве богатства. Сколько бы действительные деньги не находились в обращении между временами совершения сделок купли-продажи, либо в моменты выпадения их из сферы обращения, они могли сохранять стоимость, ибо содержали ее.

Современный мир имеет дело с титулами, знаками, которые отождествляются, что абсолютно ошибочно, с самими оригиналами. Деньги в качестве средства сохранения стоимости, будучи накапливаемы, есть проявление иллюзии богатства, а не самого богатства. Золото было не только знаком богатством, но и самим воплощением богатства.

Если посмотреть на серебряную копейку образца середины 16 века, то она представляла собой сотую часть рубля. Сохранилась историческая информация, что впервые её отчеканили в 1538 году, с изображением великого московского князя. Первоначально чеканилась из золота, серебра и меди. Замена серебра на медь в 1655–1663 гг. привела к медному бунту. Этот факт только подтверждает тот тезис, что утрачиваемое в результате фальсификации монеты действительное содержание серебра в копейке декредитивно закреплялось знаком «копейка». Однако обнаружилось противоречие в самой внутренней природе денег в форме копейки. Декреция монетного двора великого московского князя, выступившего на стороне предложения денег, пришла в противоречие с федуцией продавцов, получателей денег и выступающих на стороне спроса на деньги. Одновременно это противоречие при-

обрело форму противоположности содержания — количества серебра в монете и знака. Знак продолжал нести информацию о якобы сохранившейся прошлой ценности монеты, хотя ее действительная составляющая была уже уменьшена.

Фальсифицированная монета стала превращаться в знак ложного подобия прежней монеты, который стал постепенно утрачиваться. Знак монеты и сама монета стали представлять уже принципиально разные явления. Ранее этого противоречия не наблюдалась уже по той причине, что знак монеты адекватно отражал оригинал, т.е. саму монету. Но в то же время содержание и знак всегда были разные по своей природе явления.

Эволюция денег выявила к жизни процесс расщепления самой стоимости в ее материализованной форме золотых денег и знаков этой стоимости в действительных деньгах. Если привить населению мысль, что эти знаки следует воспринимать в качестве оригинала, если принимающая сторона верит, что эти деньги у него будут приняты в обмен на реальные товары, то это будет необходимым и достаточным условием для того, чтобы знаки вытеснили золотые действительные деньги, обеспечив громадную экономию общественного труда. Золото способно сохранять стоимость, но это делают все товары в какое-то время, если они только включали эту стоимость в свой субстрат. Поэтому все утверждения, что современные деньги обладают способностью сохранять стоимость, скорее есть следствие иллюзорного восприятия знака как оригинала, приданье знаку тех признаков, которые принадлежали оригиналу, т.е. действительным деньгам, даже в то время, когда оригинал безвозвратно ушел в небытие. Попытка упростить действительную модель привела к неверной интерпретации как процесса, так и результата.

Следовательно, то, что экономисты называют функцией современных денег — сохранение стоимости, закрепляя за ней сущностную функцию денег, следует выразить в следующей форме. Современные деньги как знаки стоимости есть одновременно и знаки богатства. Они обладают свойством отражать это богатство. И если богатство сохраняется, то и знак может отражать факт сохраненного богатства, не более. Реально богатство становится знаком в той мере, в которой реальные товары были обменены на деньги, или

на предоставленные услуги. И чем более денежная масса на руках или в кассе экономического агента, тем в большей степени он лишил себя возможности обладать богатством. Следовательно, обладатель денег не сохраняет богатство в деньгах, он поступил с точностью до наоборот, первоначально лишил себя реального богатства, обменяв его на деньги или знаки реального богатства. Сохранять то, от чего он отказался, это скорее продукт извращённых теоретических манипуляций. Если употребить фразу, что обладатель денег есть потенциальный обладатель богатства, то мудрость данной фразы будет аналогично мудрости человека, который определяет себя как потенциального покойника.

Это дает нам некоторые основания для утверждения, что современные деньги не могут и тезаврироваться. При этом, чтобы не творить терминологической неясности и очередного «терминологического столпотворения», мы под термином «тезаврация» (от греч. *thesaurus* — сокровище) будем понимать накопление реального богатства, обладающего внутренней ценностью, стоимостью, например, монетарного золота, серебра в качестве сокровища или страхового фонда.

Не вызывает логического отторжения суждение о том, что в условиях золотого стандарта, например, тезаврированное золото могло служить резервным фондом денежного обращения. Монетарное золото поступало в каналы денежного обращения по мере выявления потребности в действительных деньгах, когда следовало погашать денежные обязательства по банкнотам. Аналогично монетарное золото изымалось из обращения коммерческими банками, когда потребность в нем отпадала в результате возрастания спроса на фидуциарные кредиты.

Следует правильно понять, что в этих условиях золотого стандарта монетарное золото, будучи не только знаком реального богатства, но и воплощением реального богатства, обеспечивало страхование капитала и сбережений от инфляционного обесценивания, а также снижало риски потерь в результате экономических, политических катаклизмов в обществе.

В современных же условиях бумажно-денежного обращения тезаврация монетарного золота стало «пустым понятием», так как осуществилась демо-

нетизация золота. Последнее превратилось в товар, наряду с иными товарами, которые также способны, причем более успешно, выполнять функции страховых резервов. Это суждение может быть отнесено к резервам нефтепродуктов, металла, продовольствия, иного сырья и готовой продукции. Накоплять знаки богатства и одновременно полагать, что это есть само богатство, есть скорее плод воображения невежественного восприятия действительности, либо искреннее заблуждение теоретика, а хуже всего, ангажированного финансовым капиталом прививки рядовым гражданам мысли мнимых ценностях в обществе.

Л. Мизес прав в своём утверждении, что спрос на средства обмена существует потому, что люди хотят хранить их в запасе. Каждый субъект рыночного хозяйства желает иметь в своем распоряжении определенное количество денег — денежные авуары, или остатки наличности. Остаток наличности не является непредусмотренным остатком. Его величина определяется осмысленной потребностью в наличных деньгах. И подобно всем остальным товарам, изменения в соотношении спроса и предложения денег, вызывают изменения меновых отношений денег и товаров.

Не существует промежутка времени, в течение которого деньги являются не частью остатка наличности индивида или фирмы, а часть « обращения» [45, с. 377].

Более того, следует понимать, что масса денег в экономике при отсутствии эмиссии со стороны центральных банков может изменяться только тогда, когда изменяются денежные остатки у всех субъектов за счет изменения остатков резервов.

Однако нет оснований согласиться с тем положением, что не следует различать обращающиеся и бездействующие деньги. «Различение обращающихся и бездействующих денег ошибочно. Не менее ошибочным является и различение обращающихся денег и тезаврированных денег. То, что называют тезаврированием, представляют собой остатки наличности, величина которых — по личному мнению наблюдателя — превосходят значения, считающиеся нормальными и достаточными.

Тезаврированные деньги остаются деньгами, и, находясь в запасниках, они служат тем же целям, что и остатки наличности, величина которой считается нормальной» [45, с. 377].

Как нам представляется, здесь Л. Мизес просто допускает логическое противоречие, а, скорее всего, *lapsus solami*. Ибо далее Л. Мизес пишет, что «никто не хранит денег больше желаемого объёма остатков наличности». Необходимо последовательное понимание процесса оптимального соотношения денег, с одной стороны, и товаров и услуг — с другой. И это соотношение определяется точно так же, как меновые отношения товаров, спроса и предложения. Количество денег во всей экономической системе не может увеличиваться или уменьшаться, не уменьшая или не увеличивая остатки наличности всех ее членов, если только центральные банки, а также вся система коммерческих банков сохраняет свои резервы. Однако денежная масса в резервах банковской системы по принятой методике не относится к деньгам в строгом смысле этого термина.

Понятие «бездействующие деньги» есть пустое понятие. Денежные знаки, которые выведены из обращения, могут находиться только в форме резервов. Но они уже не деньги, и даже не квазиденьги. Они не выполняют ни одну функцию современных денег. Эти остатки не следует смешивать с деньгами, на которые реально есть спрос. Этот спрос может быть исключительно на покупки или погашение долга, т.е. служить средством реализовать трансакционный мотив и мотив предосторожности для непредвиденных расходов, т.е. быть в состоянии удовлетворить потребность в неожиданных платежах и тратах.

Никто не отрицает необходимости и логичности поведения экономических субъектов, в том числе и банковской системы, правительств страны формировать резервы. В резервах деньги выведены из оборота и перестают выполнять свою основную функцию — опосредовать обмен товарами и услугами. Резервы порождены неопределенностью, отсутствием полной информации, непрогнозируемостью поведения субъектов рынка. Ведь там, где нет неопределенности будущего, нет необходимости и в каких-то остатках наличности. Когда деньги обязательно должны храниться людьми в виде остат-

ков наличности, не может быть никаких резервов. Использование средств обмена и поддержания остатков наличности в резервах обусловлено изменчивостью экономической информации, рисками и неопределенностью в поведении и реакции субъектов рыночных отношений

Деньги являются элементом изменений не потому, что они «обращаются», а по той причине, что они хранятся в наличной форме. Люди хранят деньги только потому, что ждут изменений, содержание и масштаб которых им не известен, отмечает Л. Мизес. Деньги сами по себе являются элементом дальнейших изменений. Любой сдвиг в структуре меновых отношений неденежных товаров не только вызывает изменения в производстве, но и провоцирует изменение денежного отношения, а, следовательно, и дальнейших изменений. Ничто не может произойти в сфере товаров, не оказав влияния на денежную сферу, и все, что происходит в денежной сфере, оказывает влияние на сферу товаров.

Ни нейтральность денег, ни стабильность покупательной способности несовместимы с реальным миром деятельности и непрекращающихся изменений, ни с экономической системой, которая не может быть устойчивой. Изменения покупательной способности денег, т.е. менового отношения денег и товаров и услуг, могут возникать или со стороны денег, или со стороны товаров и услуг. Изменение информации, провоцирующее их, может происходить либо в спросе и предложении денег, либо в спросе и предложении товаров и услуг [45, с. 391].

Если принять в качестве принятой прежде посылки как исходную, то теоретические изыски относительно первичности функции сохранения стоимости перед функцией быть посредником при обмене товаров, или наоборот, нам представляются теоретически надуманными.

Всё изложенное нами в полной мере относится и к теории денег у Дж. М. Кейнса, у которого этой функции отводится исключительно важная роль. Известно, что у Кейнса внимание отводится к способности денег сохранять стоимость. Деньги как актив рассматриваются в качестве одной из возможностей инвестировать в некоторую данную совокупность возможных альтернатив размещения, инвестирования денег в иные знаки ценности или реальные

ценности. Деньги у Кейнса не только сохраняют стоимость, но и приумножают ее. Для этого публика стремится вывести еще некоторую дополнительную часть из структуры своего имущества для того, чтобы осуществить трансакцию в ликвидную часть имущества, т.е. денег, в иные финансовые инструменты, или иные реальные активы. В итоге потребность в дополнительной ликвидности есть отражение ожидаемого факта их потребления, т.е. отчуждения, и одновременного приобретения иных знаков. Это следует рассматривать как процесс, систематический акт манипуляции знаками стоимости, богатства, ценности. Тем не менее, в противоположность мысли Ж. Бодрийара, мы живем не столько в обществе, для которого характерно беспрецедентное увеличение предложения материальных благ и услуг, но и в обществе, которое покрывает многослойные знаковые образования. Современный мир есть мир знаков, причем эти знаки есть знаки и ложного подобия, оригиналы которых давно и безнадежно утрачены, что можно охарактеризовать как мир наваждений и мифов.

В современном обществе люди потребляют не только реальные блага, например, автомобили, дома, но и знаки, знаки знаков, удовлетворяя свои иллюзорные потребности, которые для них являются самими настоящими и действительными потребностями. Люди стремятся стать более финансово независимыми, богатыми, чтобы удовлетворить свое истинное предназначение в этой земной жизни. Они ценят жизнь и одновременно жертвуют своей жизнью, своими способностями, своим настоящим, накапливая богатство в форме знаков денег, или знаков собственности, знаков требований богатства в форме денег и т.д. Другими словами, общество уже более столетия существует в господствующих условиях фетишизма знака. И этот фетишизм знака денег является более фундаментальным, более мистичен, чем фетишизм золота как денег.

Фетишизм золота описан в своё время К. Марксом. Золоту как металлу приписывалась особая сверх естественная магическая сила. Однако следует принять во внимание, что притягательность вещей изначально была взаимоувязана со знаками. И если первый был связан в веществом, металлом, т.е. с

содержанием, или субстратом, то фетишизм современных денег есть фетишизм знака, фетишизм обозначающих содержание символов.

Как отмечает Ж. Бодрийяр, если фетишизм имеет место вообще, то это не фетишизм означаемых содержаний, которые вещь воплощает для отчужденного субъекта, а фетишизм означающих, т.е. захват субъекта тем, что в объекте есть различительного, кодированного, систематизированного. В фетишизме говорит не страсть субстанции, а страсть кода, которая, регулируя и подчиняя одновременно как объекты, так и субъектов, препоручает их вместе взятых абстрактной манипуляции. Следовательно, фетишизм вещей должен интерпретироваться не как инстанция общественной силы, воплощенная в том или ином объекте, а именно как очарование формы, как захват принуждающей логикой абстрактной системы [15, с. 61].

Фетишизм современных денег заключается не в сакрализации денег как формы богатства, например, а в сакрализации всей системы имеющихся ценностей в ликвидной форме. И чары современных денег, которые отождествляются публикой с богатством, соотносятся с критериями счастливого жизненного устройства, счастьем, положением в обществе, тем самым еще более усиливая эти чары фетишизма денег. Истинные ценности в форме реальных благ, счастья, здоровья и благополучия граждан становятся призрачными и производными от денег как богатства. Более того, эти истинные ценности начинают воспроизводиться в своих превращённых формах, как производство денег, этих знаков истинного богатства.

Проблема теории денег была усугублена и проблемами теории семантики, как общей теории знаковых систем. Очевидность и терминологическая наивность очередной раз сыграли «злую шутку» в теории денег. Деньги, не имея традиционной для теории меновой стоимости внутренней стоимости, тем не менее, приобрели в результате эволюционного перерождения социальную знаковую стоимость. Деньги как знаки способны не только отражать, переносить, соотносить стоимости товаров в процессе товарного обмена, но и приобретать общественно-необходимую для этого социальную стоимость знака. Но природа этой социальной стоимости денег как знака уже не имеет

ничего общего со стоимостью действительных денег. Эти прежние подходы уже не могут раскрыть противоречивую природу современных денег.

Знак как нечто стоит, или, перефразируя известную формулу монетаристов, можно сказать, знак имеет значение и имеет стоимость. Бренд корпорации «Тойота» есть знак корпорации. На конец 2008 года на рынке оценивался, как свидетельствуют некоторые источники, примерно в 24 миллиарда долларов США. Но этот знак не есть субстрат, который лежит в основе измерения стоимости других товаров. Он есть продукт вторичный, и он оценивается по тем же методикам, каким оценивают и реальные ценности, когда последние рассматриваются как факторы.

Практика потребления, по идеи Ж. Бодрийяра, обеспечивает специфическую отстраненность от мира благодаря жизни в укрытии знаков. Знаки и сообщения исчерпывают то, что мы потребляем, ибо подчас содержание сообщений и обозначаемых знаков людям просто безразлично. Люди потребляют знаки именно как знаки, которые при этом удостоверены поручительством реального эмитента. Повседневность не могла бы стабильно существовать как своеобразная закрытость от «большого мира», без симулякра этого мира, без алиби участия в нём. Ей необходимо питаться умноженными образами этой трансцендентности [15, с. 48].

Далеко не случаен тот непреложный факт, что основной целью деятельности коммерческих предприятий становится не производство реальных благ, товаров и услуг. Цель производства есть получение прибыли — этого очередного и всеобщего симулякра общественного богатства. И эта система модифицированных ценностей стала пониматься как продукт системы производства и потребления. Потребности в деньгах сознательно и интуитивно постулируются всеми слоями общества, эти потребности организуются властью, они распределяются на специфических рынках, причем уже следует ех *ante* получить доступ к знакам богатства, чтобы потом *ex post* получить доступ к реальному богатству и реальным ценностям. Приобретая знак богатства в форме денег, индивид руководствуется ожиданиями получения благ реального богатства. Осуществляя трансакцию и приобретая на знак богатства в форме денег другой знак в форме долга, титула собственности, что дает на-

дежду на получение в будущем обратно денег и затем уже реального богатства, индивид в еще большей степени помещает себя в иллюзорный мир знаков, по трублению их и довольствуясь ими в настоящем. В итоге, то, что Дж. М. Кейнс назвал спросом на деньги по мотиву их спекуляций, есть не более как спрос на деньги как на истинные симулякры, или как на финансовый капитал. Вся психологическая интрига носителя спроса на деньги сводится к оптимальной стратегии поведения индивида, который желает приобрести финансовый инструмент исходя из сложившейся доходности этих относительно мало рисковых инструментов. Не держать в кассе деньги только как деньги для покупок, а держать деньги как деньги для текущих покупок, по мотиву предосторожности и по мотиву спекуляций. Но в этом случае будет формироваться спрос на деньги: спрос на деньги для покупок, в том числе и финансовых инструментов и спрос на деньги для формирования собственных резервов всеми участниками денежного рынка.

Современные деньги есть не более чем знаки прежних действительных денег. Но в условиях современности они выполняют функцию современных денег — осуществляют обмен товарами. Прежних функций современные деньги не могут уже выполнять хотя бы потому, что тех прежних действительных денег нет. Современные деньги, для которых необходимо и достаточно наличие качеств фидуции и декреции, есть знаки стоимости, знаки богатства, знаки, посредством которых можно вести учет и счет. Однако они становятся не знаками стоимости (ценности) прежних денег, а знаками стоимости, ценности обмениваемой товарной черни. Поэтому, если мы уточним нашу терминологическую совокупность, описывающую всю современную противоречивую теорию денег, то последняя начинает утрачивать признаки доксы, необычности, преодолевая и парадоксальность всей современной теории денег.

ТЕОРИИ ДЕНЕГ И ИХ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. ТЕОРИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ДЕНЕГ

Первоначально следует сделать замечания на саму постановку проблемы. Обычно эта теория именуется как металлическая теория денег. Некорректность эта проявляется в том, что теория вообще не может быть ни металлической, ни бумажной, ни деревянной. Каков носитель денег, такова сущностная характеристика изучаемого предмета, такова и его теория. Если речь идет о металлических деньгах, то теорию следует именовать как теория металлических денег.

Металл в форме золота, серебра, меди относился уже в древности в драгоценным или дорогим товарам. Сама же теория металлических денег возникла значительно позднее. Первые научные попытки понять сущность металлических денег принадлежали великому итальянскому мыслителю Аквинату (1225 или 1226–1274). В истории экономической мысли Аквинат известен своими взглядами на природу «справедливой цены», которая устанавливалась в процессе обмена товарами. В его трактатах деньги в форме монеты представлялись как вернейшее средство, мера для материальной жизни в торговле и обороте. Высказывал идею, что металлические деньги обладают «внутренней ценностью». Следовательно, порча монеты нарушала справедливость в обмене. Вместе с тем Аквинат был первым из серьёзных великих мыслителей, кто теоретически обосновал и допускал возможность на практике некоторых незначительных отклонений «номинальной ценности» монеты, которая устанавливалась государством, и ее фактической «внутренней стоимостью». Последнее дает некоторые основания считать Фому Аквинского предтечей теории современных бумажных денег.

Также одним из первых трактатов, который был посвящён проблеме металлических денег, принадлежал французскому экономисту Николо Орему (1323–1382). Будучи видным представителем средневековой экономической мысли Орем в своем «Трактате о происхождении, природе юридическом основании и измерении денег» писал о том, что деньги есть обменный инструмент, созданный людьми для облегчения процессов обмена. Драгоценные металлы первоначально являлись обычными товарами, однако в силу некоторых особых качеств стали приспособливаться людьми в качестве посредников в обмене. Тем самым Николо Орема можно считать одним из пер-

вых, кто пытался научно выразить суть процессов выделения драгоценных металлов в качестве денег. Скорее интуитивно предвосхищая теорию стоимости, Орем связывал ценность монеты с ее весом и качеством состава металла. Это дало ему основание делать выводы о вреде порчи монеты, в результате чего расстраивается система коммерческого кредитования, обесцениваются доходы лиц, если последние у них носят фиксированный характер. Можно утверждать, что Орем подошёл к пониманию законов денежного обращения, хотя раскрытие этого закона принадлежит уже другим исследователям.

В дальнейшем теория металлических денег получила свое продолжение в работах меркантилистов. Само течение меркантилизма в истории экономической мысли называют иногда «гигантским теоретическим пузырем», «громоздким чемоданом», «отвлекающим маневром историографии» в результате его теоретической размытости. Тем не менее, некоторые главные принципы меркантилизма в его связи с воззрениями на природу денег можно охарактеризовать:

- Золото и сокровище есть выражение сути богатства;
- Внешняя торговля должна обеспечивать приток в страну золота.

А. Смит один из первых дал наиболее всеобъемлющую критику концепции меркантилизма, представив его как сплетение протекционистских за-блуждений, навязанных продажному парламенту национальными промышленниками и торговцами, и основанными на простейших представлениях, будто богатство состоит в обладании деньгами [4, с. 9, 10].

Один из последних представителей классической политэкономической мысли Дж. С. Милль, который в своём трактате «Принципы политической экономии» уже придерживался взглядов о деньгах, как механизме перераспределения богатства. Нет в экономике ничего более несущественного по своей природе, как деньги. Но они экономят издержки на стадии обмена товарными массами.

Однако мы не склонны считать, что теория металлических денег стала историческим анахронизмом. Недостаточно утверждения, что теория металлических денег внесла свой историей определённый вклад в раскрытие сущности денег и их функций, в теорию и практику денежного обращения. Сто-

ронники неометаллизма продолжали отстаивать и после Второй мировой войны идею восстановления золотого стандарта во внутреннем денежном обороте. Это проявилось в трудах французских экономистов Ж. Рюэф, М. Дебре, А. Тулемона. В английской экономической школе эту идею продолжали развивать Р. Харрод, а в США — М. Роттбард.

Противоречия в денежно-кредитной политике государств имеют своей причиной и то, что в условиях обращения бумажных денег происходит громадное перераспределение собственности и богатства посредством нарушения законов денежного обращения. Рецидив металлизма можно обнаружить в работах современных экономистов. Называя Центральный банк США, или Федеральную резервную систему, как источник инфляции и нарушения демократических основ в механизме перераспределения собственности, Мюррей Роттбард пишет. «Существует только один-единственный способ искоренить хроническую инфляцию и избавиться от бумов и кризисов, порождаемой этой системой инфляционного кредита: необходимо ликвидировать фальшивомонетничество, являющееся и сутью и источником инфляции. И единственный способ сделать это — положить конец легализованному фальшивомонетничеству, т.е. упразднить Федеральную резервную систему и вернуться к золотому стандарту, к денежной системе, где денежным стандартом служит производимый рынком металл, такой, как золото, а не бумажные квитанции, напечатанные Федеральным резервом. ... Вернуться к золоту и упразднить Федеральный резерв, причём сделать это одним махом, будет легко. Нужно лишь желание. Официально Федеральный резерв — это «корпорация», и прекратить её деятельность можно точно так же, как прекращается деятельность любой корпорации, до такой же степени неплатёжеспособной, как Федеральный резерв» [44, с. 164].

Отождествление денег с драгоценными металлами, стремление понять сущность денег, исходя из их природной металлической природы, не могла не обнаружить слабые стороны теории денег в работах ранних и поздних меркантилистов. Теория металлических денег обнаруживала явные противоречия и приводила к золотому фетишизму. Всё это подготовило научную и практическую почву для появления номиналистической теории денег.

ТЕОРИЯ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ

Теория бумажных денег, или в её принятой формулировке — номиналистическая теория денег своей предтечей может назвать Аквината. По своим основным постулатам, следствиям диаметрально противостоит выводам теории металлических денег. Это обнаруживается в понимании сущности бумажных денег, поскольку отрицает товарную их природу и содержание в деньгах внутренней стоимости. У номиналистов деньги есть условные знаки, которые оторвались от монетарного металла. Практика порчи полноценной монеты, в конечном счёте, имело следствием полную потерю связи монеты со своим первоначальным оригиналом. Денежное обращение обеспечивалось первоначально неполноценной монетой, а затем уже бумажными знаками. Осуществлять подмену ценности может только власть, навязывая свою волю.

Известный немецкий экономист Г. Кнапп (1847–1926) в работе «Государственная теория денег» основные положения теории бумажных денег свёл к следующим положениям:

- деньги есть продукт правопорядка, «творение» государственной власти, ибо их суть не в материале, из которого они изготовлены, а в правовых нормах, которые регулируют их применение;
- основная функция денег — это средство платежа;
- государство придаёт, наделяет деньги принудительной покупательной силой.

Последователь Г. Кнаппа австрийский экономист Ф. Бендиксен, сделав важный шаг в развитии теории Г. Кнаппа, преодолел правовой характер его теории. Ф. Бендиксен по своему интерпретировал природу современных денег, представив их уже в границах экономических категорий. Деньги уже рассматривались им как условные знаки ценностей, что свидетельствовало об оказании субъектами товарных обменов взаимных соизмеримых услуг друг другу. Из его теории вытекало, что бумажные денежные знаки наилучшим образом соответствуют потребностям экономики, а прежняя золотая или серебряная монета с ее свободной чеканкой скорее свидетельствует о признаке

атавизма. «Бумажные деньги сами по себе не имеют никакой полезности и, оставляя в стороне их покупательную силу в качестве денег, лишены какой-либо стоимости» [28, с. 126].

Поэтому с позиций теории бумажных денег последние есть стандарт стоимости, и совсем не обязательно, что именно норма процента на деньги будет причиной затруднений, указывает Дж. М. Кейнс. Мы не избавимся от этих трудностей, просто издав указ, что стандартом стоимости будут пшеница или дома вместо золота и серебра. Бумажные деньги становятся более эластичными по сравнению с золотыми монетами.

Но именно эта возросшая эластичность бумажных денег есть следствие изменчивости покупательной способности денег. Потеря покупательной способности денег есть инфляция в национальных экономиках. «Если посмотреть на катастрофические последствия колоссальной инфляции бумажных денег, следует признать, что дороговизна производства золота является меньшим злом. Бесполезно выражать, что причина этих катастроф — в неправильном использовании государственной власти, оказавшейся в его руках с появлением кредитных и бумажных денег, и что будь государство более мудрым, оно проводило бы более здравую политику. Поскольку деньги никогда не могут быть нейтральными и стабильными в своей покупательной способности, то планы государства, касающиеся определения количества денег, никогда не могут быть беспристрастными и справедливыми ко всем членам общества. Все, что государство делает с целью оказать влияние на величину покупательной способности, неизбежно зависит от субъективных качеств правителей. Оно всегда содействует интересам одних групп людей за счет других групп. Оно никогда не служить так называемому общему благу и общественному благосостоянию. В области денежной политики так же не существует ничего, напоминающего научную обязательность. На протяжении 200 лет государство вмешивается в выбор рынком денежного агента. Но даже самый фанатичный этицист не рискнет утверждать, что это вмешательство оказалось благотворным.

Покупательная способность никогда не остается неизменной, и, следовательно, всегда существует инфляция, либо дефляция. Правительства игно-

рируют эти колебания, пока они остаются малыми, и применяют эти термины, только когда они становятся заметными».(45, с. 394)

ТЕОРИЯ КОЛИЧЕСТВА ДЕНЕГ

Весьма часто эта теория скорее известна как количественная теория денег. Полагаем, что есть теория чего-то, теория количества, теория, предмет которой становится металлическая или бумажная природа и т.д. Но научная проблема не в корректности названия самой теории.

В современной денежной теории вряд ли найдутся какие-то теории, которые не были бы известны в прошлом. Это в полной мере относится и к количественной теории денег Ирвинга Фишера, которую Ф. Хайек интерпретирует как механистическая модель теории денег. Эта теория с её аппаратом в виде математических формул, сконструирована так, чтобы подтвердить статистические наблюдения. При этом, оставаясь типичным примером «количественной» экономической науки, оказала значительное воздействие на методологию сегодняшних представителей этой школы.

Огорчает то, что эта теория в её различных формах, по мысли Ф. Хайека, узурпировала центральное место в денежной теории. Эта точка зрения представляет собой препятствие для ее развития. «Суть в том, что мы пытаемся использовать различные способы объяснения ценности и цен вне зависимости от влияния денег и от объяснения влияния денег на цены. А мы стараемся поступить именно так, устанавливая непосредственную причинную связь между суммарным количеством денег, общим индексом цен и, может быть, быть может, совокупным объемом производства. Это так, поскольку ни одна из этих величин, взятая сама по себе, не оказывает воздействие на решение индивидов, лежащих в основе основных положений неденежной экономической теории [1, с. 2, 4].

Теория количества денег преследует цель раскрытие закономерностей денежного обращения и исследованием роли фактора количества денег на национальную экономику. Становится общеизвестным фактом, что количество денег в национальной экономике оказывает влияние на перераспределение

ценностей в обществе, на уровень инфляции, наконец, на абсолютный уровень цен.

Одним из первых экономистов, предпринявшим научно объяснить и описать наличие связи между количеством денег в обращении и ростом цен, был французский экономист Жан Боден. Причина «революции цен» в средневековой Европе усматривалась в нарастающих потоках дешевого награбленного серебра и золота с открытого Колумбом американского континента. Одновременно была и зафиксирована связь наплыва монетного металла и ценностью самого металла, или установление обратной зависимости между количеством монетного металла в обращении и их ценностью. Как отмечалось ранее, Д. Юм количественно выразил зависимость между количеством денег и их «стоимостью». Ещё ранее эту зависимость выразил Дж. Локк, установив количественные соотношения между ростом количества денег и их «стоимостью». Дж. С. Милль в «Принципах политической экономии» также утверждал, что при нейтральности денег люди обычно держат запас наличных денег в качестве резерва на случай непредвиденных расходов в будущем. Увеличение предложения денег ведёт к пропорциональному росту цен, если не наблюдается изменений в структуре спроса на различные товары. Дж. С. Милль разводит процессы и модели на «теорию движения» и «теорию покоя». Само же уравнение обмена, которая моделирует связь между количеством денег в обращении, скоростью их обращения, средней ценой реализованных товаров и объемом продаваемой товарной массой было описано им дескриптивно. При этом отмечалось, что одно лишь увеличение денежной массы не ведет к росту цен, если деньги припрятываются в запасы и если увеличение денежной массы увеличивается в той же мере с ростом товарного обмена.

В последнее время теория количества денег получила свое широкое распространение благодаря работам Ирвинга Фишера. Как отмечает Л. Мизес, даже в среде приверженцев теории количества денег существуют расхождения относительно факторов, влияющих на уровень цен. Одна из версий теории количества денег сводилась к идеи, что абсолютный уровень цен определяется предложением номинальных денежных остатков. Этот раздел теории иногда носит характеристику грубой теории количества денег.

Ошибка сторонников уравнения обмена и его основных элементов состоит в том, что они смотрят на рыночные отношения с холистической точки зрения. Приверженность к понятию *Volkswirtschaft* (национальное хозяйство) вводит их в заблуждение. Но там, где существует *Volkswirtschaft* в строго значении этого термина, там нет ни рынка, ни цен, ни денег.

Современная экономическая теория спрашивает не о том, сколько стоит железо или хлеб, а сколько стоит для действующего индивида определенное количество железа и хлеба в определенное время и в определенном месте. Она не может не поступать таким же образом и в отношении денег. Уравнение обмена несовместимо с фундаментальными принципами экономической мысли. Это рецидив мышления той эпохи, когда люди не могли понять практикологических явлений вследствие того, что они придерживались холистических представлений. Оно бесплодно, подобно размышлению предшествующих эпох по поводу ценности железа или хлеба вообще [45, с. 375].

Модель Фишера, как отмечает Мизес, есть не более чем математическое выражение и пример ошибок — круга в аргументации, несостоятельной, утверждающей пропорциональность движений количества денег и цен. При анализе уравнения обмена предполагается, что один из этих элементов — совокупное предложение денег, объем торговли, скорость обращения денег — изменяется, не вдаваясь в подробности, как эти изменения происходят. При этом упускается из виду, что эти изменения происходят не в *Volkswirtschaft* как таковом, а в состояниях отдельных субъектов, и что именно взаимодействие этих субъектов приводит к изменениям структуры цен. Математическая экономическая теория отказывается от того, чтобы отталкиваться от предложения и спроса на деньги со стороны индивидов. Вместо этого она вводит ложные понятия скорости обращения, скроенное по моделям механики.

Нет необходимости рассматривать вопрос о том, правы ли экономисты-математики, предполагая, что польза, приносимая деньгами, заключается исключительно или главным образом в их обороте, или обращении. Польза, приносимая водой, кофе или виски не объясняет цен, которые платят за эти вещи. Она объясняет лишь то, почему люди в той или иной мере предъявляют спрос на некоторое количество этих вещей [45, с. 374].

Тем не менее, теория количества денег не лишена рационального содержания. Несмотря на её критику, она продолжает привлекать внимание теоретиков. Её достоинство количественной теории денег в попытке определить покупательную способность денег. Недостаток же, по-Мизесу, — в холистической интерпретации. Она смотрела на совокупное предложение денег в *Volkswirtschaft*, а не на действия отдельных людей и фирм. Следствием этой точки зрения стала идея о том, что существует пропорциональность в совокупных изменениях — количества денег и цен. А современную теорию современных денег «можно назвать улучшенным вариантом количественной теории» [45, с. 379].

В теории имеет место две модели выражения и представления теории количества денег. Первое называют кембриджским уравнением.

$$M = k * P * Y \quad (1)$$

Второй вариант представлен моделью:

$$M * V = P * Y \quad (2)$$

где, M — денежная масса,

P — средний уровень цен в обществе;

Y — национальный доход;

V — скорость обращения денег в экономике;

k — коэффициент, показывающий долю денежных доходов в обществе, которую экономические субъекты будут держать в форме наличности.

Если принять во внимание, что в кембриджском уравнении показатели k и Y есть постоянные величины, то нетрудно увидеть прямую зависимость роста цен от количества обращающейся денежной массы. Чтобы равенство сохранилось при удвоении, например, денежной массы необходимо должен вырасти средний уровень цен на товары в экономике.

В то же время упускается момент, который бросается в глаза. Национальный доход создается в сфере производства, но не в сфере домашних хозяйств. Но тогда вряд ли будут убедительной данная модель, если предположить, что и домашние хозяйства нуждаются в трансакционных операциях при

перепродаже ранее приобретенного имущества и при прежнем национальном доходе.

Если речь идет о равновесии на денежном рынке, то предложение денег M должно быть равным спросу на деньги L , или

$$L = M \quad (3)$$

Из этой предельно упрощённой модели состояния денежного рынка в экономике следует сделать вывод о том, что эта упрощённая, или грубая, теория количества денег есть одновременно и теория равновесия абсолютного уровня цен. Предложение денег со стороны центральных банков определяется экзогенно.

Модель, представленная формулой (1) есть модификация теории количества денег, разработанная А. Маршалом, К. Викслем, Л. Вальрасом и известна как теория кассовых остатков. Модель, представленная формулой (2) известна как транзакционная теория, представленная впервые в работе Ирвинга Фишера «Покупательная сила денег».

Несмотря на предельную простоту выражения, а, следовательно, и бедность концепта теории, последняя, тем не менее, давала убедительные свидетельства относительно подтверждающих фактов наблюдения за совпадением вектора изменения цен и количества денег в обращении. Это дало основание Милтону Фридману констатировать: «Возможно нет такого другого эмпирически наблюдаемого отношения в экономике, которое носило бы такой всеобъемлющий характер при самых разнообразных обстоятельствах, как отношение, возникающее в течение короткого периода времени, между существенным изменением денежной массы и ценами; первое неизменно связано со вторым, причем происходит в одном и том же направлении; я подозреваю, что эта неизменность относится к тому же роду всеобщих зависимостей, которые образуют основу естественных наук» [Цит. по: 4, с. 586].

В данной модели полагалось, что скорость обращения денег по доходу оставалась относительно постоянной. Это давало основания некоторым экономистам представлять данную модель как некоторое пустое тождество, а не модель равновесного состояния. В результате терялся сам механизм дости-

жения равновесия, что только и способно придать статус теории количества денег, а не избитой примитивной и очевидной истины.

Как отмечает М. Блауг, для превращения количественного равенства $MV = PT$ в модель теории количества денег имеет значение три исходные посылки.

Следует полагать в качестве очевидного положения то, что причинная зависимость должна идти от MV к PT , т.е. от левой части модели к правой её части. Изменение массы денег в обращении есть причина изменения уровня цен, а не наоборот. Далее полагается, что скорость обращения денег по доходу и объем реальной товарной массы остается неизменными величинами по отношению к размеру денежной массы. Другими словами, все возможные изменения скорости обращения денег и объема товарной массы не могут иметь монетарных оснований, например, изменений в банковских технологиях, росте производительности труда, внедрения инновационных технологий в материальном производстве. Наконец, номинальный запас денег должен определяться экзогенно, или независимо от спроса населения на денежные остатки.

В то же время экономисты подвергают серьезной критике это ключевое положение, которое вытекает из уравнения обмена. Так, Л. Мизес пишет, что математическая экономическая теория затрудняется объяснить причинную связь между увеличением количества денег и тем, что в ней называют «скоростью обращения». Но вся категоричность этого суждения вряд ли может быть отнесена именно к уравнению обмена. Это следует скорее рассматривать в качестве важного методологического принципа научно-экономического исследования. Математика, предмет которой есть «чистое количества», не может никогда претендовать на раскрытие причинных экономических связей, протекающих в экономике экономических процессов. Но точный количественный анализ позволит подвести исследователя к раскрытию нового «качества» в экономическом явлении, что можно соотнести со «скачком» в познании. Единство количества и качества делает возможным переход в познанию меры, а от меры к существенному явлению, или закону. Поэтому А.Маршалл явно принизил роль математического аппарата, сведя

его функции в экономике к быстроте и точности записи. Математика не может быть исключена из диалектики познания экономических законов.

А. Маршалл же усматривал, что главная цель применения чистой математики в экономических вопросах, очевидно, заключается в том, чтобы с ее помощью исследователь мог быстро, кратко и точно записывать некоторые свои мысли для самого себя и удостовериться в наличии у него достаточных, и не только достаточных, оснований для своих выводов [55, с. 51].

Эти предпосылки дают основания утверждать, что обнаруживаемые на практике и выраженные в моделях количественные соотношения приобретают статус теории количества денег в собственном смысле. Описательно эту теорию, как существенное отношение между уровнем цен и денежной массой обращающихся денег можно выразить следующим образом. Рост уровня цен при прочих равных условиях прямо пропорционально определяется динамикой изменения денежной массы в экономике. В данной форме теория количества денег исключает все ранее отмеченные функции денег, кроме транзакционной функции, или функции средства обмена. Предполагается, что люди озабочены исключительно возможностью приобретения товаров или их продажей, для чего они стремятся оптимизировать свои реальные кассовые остатки, т.е. M/P при сложившемся уровне производства и в условиях полной занятости.

Данное существенное явление, или закон необходимого количества денег в обращении относится к сфере равновесного состояния и одновременно предполагает возможность динамического приспособления, который начинается автоматически, как только запускается механизм изменения количества денег в обращении. В зависимости от формы запуска этого механизма процесс может протекать либо по модели Юма и Кантильона, либо по модели Торнтона и Риккардо. В первом случае, механизм, известный как прямой, основывается на фиксации неравновесия между фактической и желаемой величиной кассовых остатков от планируемого расходования денег. Эти отклонения заставляют изменяться цены в зависимости от вливания денег в экономику. Вторая модель запуска механизма приспособления предполагает констатацию факта невозможности введения денег в экономику без снижения норм

мы банковского процента. Предполагается, что снижение ставки процента на денежном рынке будет способствовать стимулированию инвестиционной деятельности, так как будет повышать норму внутренней доходности.

Следует различать результаты изменения ситуации на денежном рынке в краткосрочном периоде и долгосрочном периоде. В долгосрочном периоде деньги нейтральны, и сам факт изменения их номинального объема в обращении не приводит к изменениям реальных параметров, например, реального ВВП, занятости, производительного капитала. В коротком же периоде деньги в процессе движения к состоянию равновесия способны оказывать влияние на экономическое состояние и на деловую активность.

В приведённой выше модели необходимого количества денег в ее форме кембриджского уравнения: $M^*V = P^*Y$ фиксируется зависимость массы, или количества, скорости её обращения, среднего уровня цен и доходов в обществе. Последний есть суммарный доход, как вновь созданная стоимость во всех сферах и отраслях материального производства национальной экономики за определенный период времени, доходы субъектов внешнего мира, которые проявили спрос на товары и услуги национальных производителей, а также условные доходы, которые формируются в результате трансакций ранее произведенного в национальной экономике богатства на вторичных рынках. Другими словами, речь идёт о получаемой и проходящей через всех участников купли-продажи объёмов имущества и вещественных прав в денежной форме. Это обращающаяся стоимость в национальной экономике, как созданная вновь, так и стоимость ранее созданных активов, в том числе и знаков стоимости всевозможных титулов стоимости, долгов, прав собственности на реальные и финансовые активы.

Эта внешне похожая на ранее описанные модели несет, тем не менее, ряд принципиальных отличий. Так, Элвин Хансен, определяя коэффициент « k » у Маршалла в уравнении $M = k^* Y$, однозначно определяет M как количество денег, а Y как денежный доход, причем величина последнего определяется далее из соотношения:

$$Y = P * O \quad (4)$$

где O — объём выпуска продукции;

P — уровень цен.

Коэффициент же k определяется как та часть реального дохода, которую люди желают сохранить в своём распоряжении в форме денег. (Выделено автором: [58, с. 45]).

Хансен уточняет в этом пункте позицию А. Маршала, подчёркивая, что при каждом состоянии общества существует некоторая доля доходов, которую люди считают целесообразным хранить в форме наличности. Это может быть пятая, или одна десятая, или одна двенадцатая доля дохода. При этом Маршалл цитировал Пети, согласно которому количество денег, достаточное для нации, равно половине годовой ренты со всех земель, плюс одна четверть ренты с домов, плюс недельные расходы всех людей, плюс четверть стоимости годового экспорта.

Ссылка на Локка даёт несколько иное соотношение в желаемом предложении денег. Согласно Локку эта величина должна быть равна $1/50$ годовой заработной платы плюс $\frac{1}{4}$ годового дохода владельцев земли плюс $1/20$ годового дохода маклеров. Кантильон же делал вывод о том, что желаемое количество денег равно $1/9$ чистого национального продукта, или (что он рассматривал как грубый эквивалент) $1/3$ ежегодной ренты с земель. У Адама Смита эта позиция сводилась к следующему. Не высказывая собственной точки зрения на данную проблему, он при этом отмечал, что различные авторы исчисляли желаемое количество денег от $1/5$ до $1/30$ общей величины ежегодного производства.

Можно привести и более современные идеи относительно того, какой должен быть объем эмитированной денежной массы. Наибольший интерес здесь представляет суждение Дж. Тобина, который, рассматривая модель равновесия, включающей три актива: деньги, ценные бумаги и капитал, отмечает недостаток двухсекционной модели (денеги и капитал). В качестве достаточного условия адекватности модели *a priori* полагается, что прирост доли стоимости капитала в приросте издержек воспроизводства капитала на прирост единицы денежной массы больше нуля. Другими словами, увеличение количества денег является фактором экономической экспансии, вызывающим повышение оценки существующего капитала и стимулирующим инвестиции.

Те же условия обеспечивают, во-первых, увеличение предельной эффективности капитала, что подталкивает его цену вверх, а во-вторых, увеличение реальной ставки процента на деньги уменьшает оценку капитала. Наконец, чем выше уровень дохода относительно запаса активов, тем более низкая оценка капитала требуется для поддержания портфельного равновесия [51, с. 89].

Если отсутствует в модели рынок ценных бумаг, то увеличение денег в национальной экономике будет возрастать одновременно в и той же пропорции с долгом правительства. Как отмечает Дж. Тобин, невозможно увеличить количество денег хотя бы на один доллар, если на один доллар не увеличивается частное богатство. Количество денег и богатство частного сектора растут одновременно в номинальном денежном выражении, когда правительство прибегает к бюджетному дефициту и печатает деньги, чтобы покрыть этот дефицит, или в реальном выражении, когда снижается уровень цен. Увеличение номинального запаса денег является скорее монетарным следствием финансовой политики, чем следствием денежной политики в обычном смысле [51, с. 92].

Здесь следует заметить, что в приведённых моделях важная роль отводилась фактору времени, а именно, в каком периоде привлекалась та или иная модель равновесия денежного рынка. Если вести анализ в моделях равновесия на рынке денег в долгосрочном периоде, то следует ожидать какие либо изменения цен. Номинальный процент на деньги должны скорее определяться рынком, чем быть фиксированными институционально или законодательно. В противном случае становится невозможным побудить собственников богатства согласиться с предложением капитала и реальных денежных остатков, установившимся в национальной экономике исторически, в частности, проводившейся финансовой политикой.

В краткосрочном же периоде, как спрос, так и предложение также становятся результатом проводимой монетарной или налогово-бюджетной политики публичной властью. Однако на результаты оказывает влияние и частная политика, которые осуществляется публикой, в том числе домашними хозяйствами, бизнесом. Но если механизм центрального банка остается тем же са-

мым, то предложение денег может получать свои приращения только за счет манипулирования своими избыточными резервами всеми макроэкономическими агентами национальной экономики.

Эти воздействия посредством предложения денег, влекут с необходимостью изменения в агрегированном спросе, главным образом через изменение рыночной оценки физических активов относительно издержек их замещения. Одновременно, как полагает Дж. Тобин, описанный и смоделированный механизм не является таким однозначным и простым. С помощью денежной политики можно получать результаты, которые могли бы быть получены с помощью других инструментов и механизмов, в том числе и экзогенными параметрами, например, изменениями в портфельных предпочтениях инвесторов. Эти предпочтения основываются на ожиданиях, оценках рисков, подвижкам в политической системе и т.д. Поэтому нет особых причин полагать, что соответствующие результаты можно достичь с помощью какой-либо одной экзогенной или посреднической переменной, будь то количество денег или рыночная процентная ставка [51, с. 99].

В этом примере становится ещё более актуальным требования разведения понятия «деньги» и «капитал». Капитал, как и деньги не может выйти из производства. Капитал, как и деньги вне своих существенных функций есть запас, резервы. Приносящие доход, пользу, благо они могут реализоваться себя исключительно как поток, как движение. И в этом случае они обнаруживают свое единство вне конкретных материально-вещественных форм своего воплощения.

Следует отметить, что все отмеченные классики понимали под термином «деньги» наличность, Сам Маршалл также в основном понимал под деньгами наличность. Известна работа А. Маршала, в которой он подходил к проблеме количества денег несколько шире, даже в какой-то мере предвосхищая последующие фундаментальные выкладки Дж. М. Кейнса. Эта часть модели уже связывает спрос на деньги с активами. В дальнейшем сам А. Маршал уже не обращался и не развивал эту идею. Однако уже в недалёком будущем обнаружилась тенденция получения дохода за счет формирования активов в наиболее ликвидной форме, например, в депозитах коммерче-

ских банках, которые стали приносить доход. Так, в число факторов, которые определяют количество денег, включался не только доход, но и активы. Это можно проследить из следующей его идеи. «Допустим, что все жители страны (включая все разновидности характеров и расселения) находят целесообразным держать готовую покупательную силу в среднем в размере десятой части их годового дохода плюс пятидесятая часть их собственности». [Цит. по: 58, с.46].

Здесь становится ясно, что «готовая покупательная сила» может включать в себя не только наличность, но и депозиты, включая и депозиты срочные. Более того, у Маршалла появляется понятие «собственность» в форме ликвидности. Это дает основание Хансену представить модель предложения денег у Маршалла уже в виде:

$$M = k_1 * Y + k_2 * A, \quad (5)$$

где M — деньги в форме наличности и депозитов;

Y — денежный доход;

A — агрегированная стоимость активов;

k_1 — доля дохода, которую люди желают хранить в форме денег;

k_2 — доля активов, которую люди желают хранить в форме денег.

В итоге мы можем высказать суждение о том, что приведённая модель теории количества денег при всей ее формальной правильности, если не заострять свое внимание на подмене обычно используемых символов, была все же не совсем корректна. Математически она безупречна, но экономический смысл сводит на нет ее теоретическую ценность. Воистину был прав А. Эйнштейн, когда в форме парадокса обозначил порой кажущуюся ценность математического аппарата, которым часто злоупотребляют экономисты. «Поскольку положения математики относятся к действительности, постольку они не верны; и они верны только постольку, поскольку они не относятся к действительности» [Цит. по: 55, с. 40].

Активы, которые будут храниться в форме денег, есть сбережения, т.е. резервы. Они абсолютно ликвидны, ибо это деньги, но и абсолютно не приносящие дохода. Это резервы, которые не следует понимать как средство со-

хранения стоимости. Резервы есть знак стоимости, знак действительного богатства, богатство *in potentia*, но не более. Соотнести эту долю с активами как капиталом нет никаких оснований. Капитал всегда есть приносящий доход капитал в форме работающих активов. Следовательно, данная модель А. Маршала скорее безнадёжно и окончательно запутывает проблему, допуская двойственность понимания актива в форме абсолютной ликвидности и агрегированных активов.

Как нам представляется, эта математическая модель продолжает оставаться моделью равновесия на денежном рынке. В правой части мы отмечаем предложение денег, которое необходимо для обеспечения этого равновесия в операциях трансакций, хотя и при условии, что мы абстрагируемся от скорости обращения денег. В правой же части мы обнаруживаем потребность, или спрос на деньги. Последний должен удовлетворить спрос на деньги для трансакции, которые будут покрыты из текущих доходов и спрос на деньги, чтобы обеспечить трансакцию ранее накопленной части богатства в виде активов, как материальных, так и нематериальных.

Для того чтобы обеспечивалось равновесие на рынке денег, предложение денег (M) должно обеспечить спрос на деньги для обеспечения трансакций, который будет являться некоторой частью текущего дохода, часть же будет извлекаться из обращения, но не тезаврироваться, а трансформироваться в резервы в форме абсолютной ликвидности, т.е. в наличность и онкольные депозиты в коммерческих банках. Первая составляющая спроса на деньги, которая требует покрытия соответствующим предложением денег, сама будет делиться на составляющие, а именно, спрос на деньги для текущего потребления, спрос на деньги по мотиву предостороженности, а также спрос на наличность для превращения денег в капитал. Поэтому замечание Л. Мизеса крайне своевременно, когда он рекомендует не смешивать деньги как деньги и деньги как капитал. Однако следует не забывать о том, что если деньги для одного экономического субъекта трансформировались в капитал, то последний осуществил инвестицию. Размер его имущества в этом случае также не изменился, но изменилась лишь его структура. Этот субъект часть своего по-

лученного дохода оставил у себя на нужды последующих трансакций, а часть превратил в капитал, осуществив инвестицию.

Однако количество денег в обществе в результате инвестиции не уменьшилось и не увеличилось. Деньги перешли от собственника, или инвестора в последней инстанции, к посреднику на финансовом рынке, или институциональному инвестору, далее к потребителю, лицу, который выступил на стороне спроса на деньги, или инвестору в последней инстанции. Деньги в результате инвестиций не могут выйти из сферы денежного обращения, покинуть ее, превратиться в сокровище. Покинуть сферу обращения деньги могут только тогда, когда экономические субъекты, стремясь обеспечить стабильность и надежность своего экономического бытия, будут предъявлять спрос на деньги как на резервы в конечной инстанции, т.е. страховые резервы. Эти страховые активы не могут стать уже основанием для эмиссии иных финансовых инструментов, если они будут иметь 100 процентное покрытие. Произошло сжатие денежной массы за счет увеличения резервов в абсолютно ликвидной форме. И такое формирование резервов могут реализовать все участника денежного рынка, как-то центральный банк, кредитно-финансовые институты, бизнес-структуры и домашние хозяйства. Исключение может составлять только сам центральный банк, когда последний осуществляет эмиссию бумажных денег на основании обязательств правительства. Коммерческие банки также могут осуществлять эмиссию, но только в пределах частичного покрытия резервами, которые хранятся в центральном банке.

Процесс сжатия денежной массы в литературе называется денежной рестрикцией, а процесс расширения денежной массы — денежной экспансией. При этом становится понятным, что возможности центральных банков осуществлять процесс денежно-кредитного регулирования не безграничны. Возможности непосредственные со стороны центральных банков простираются исключительно на сферу их деятельности, т.е. на сферу формирования собственных резервов. И хотя этот процесс не может не оказывать влияния на денежно-кредитную политику коммерческих банков, тем не менее, прямой и непосредственной связи здесь не усматривается.

Система коммерческих банков осуществляет процесс формирования не только обязательных резервов в соответствии с нормами центральных банков, но и формируют свои собственные избыточные резервы, кассовые остатки. Эта логика рассуждений в полной мере относится и к домашним хозяйствам. Неопределенность экономической ситуации, отсутствие полной уверенности в надежности финансово-кредитной системы национальной экономики подталкивает домашние хозяйства к формированию резервов в самих хозяйствах. Мюррей Роттбарт отмечает, что ирония состоит в том, что, если бы в реальном мире не было неопределенности, то денежная система вообще не могла бы существовать! В полностью определенном мире никто не стремился бы хранить наличность, поэтому спрос на деньги в таком обществе снизился бы до бесконечно малой величины, цены бы без конца росли, и вся денежная система рухнула. Существование остатков наличности не является досадным и создающим неудобства фактором, искажающим денежный обмен. Наоборот, эти остатки абсолютно необходимы любой денежной экономике. [1]

СПРОС НА ДЕНЬГИ И УРОВЕНЬ ЦЕН

Изменение уровня цен меняет реальную ценность денег, т.е. их покупательную способность. Следовательно, при определении спроса на деньги необходимо учитывать следующие два фактора:

1. так как трансакционный мотив и мотив предосторожности связаны со стремлением экономического субъекта приобрести определенный объем благ, то, следовательно, спрос на деньги будет прямо пропорционально изменению уровня цен. Но рост цен одновременно увеличивает, и объем страховых резервов.

В итоге функция спроса на деньги является однородной относительно уровня цен, или :

$$L = L(P, y, i) = P \cdot \ell(y, i) \quad (6)$$

где — $\ell(y, i)$ — спрос на реальные кассовые остатки

Рост уровня цен ведёт к росту альтернативных издержек на держание кассы.

Изменение темпа уровня цен воздействует на денежную часть имущества так же, как и изменение ставки процента, т.е. чем выше темп прироста уровня цен (π), тем меньше спрос на реальную кассу.

В итоге, спрос на деньги можно представить как функцию дохода (y); ставки процента (i), и инфляции (π).

$$\ell = \ell(y_+, i_-, \pi_-) \quad (7)$$

где λ — спрос на реальные кассовые остатки.

В отличие от номинального количества денег (M), которое измеряется некоторым числом денежных знаков (например, рублей) реальное количество денег (M/P) выражается в единицах макроэкономического блага:

$$\frac{M(\text{руб})}{P(\text{руб} / \text{шт})} = \frac{M}{P} \text{ (шт)}$$

Спрос на деньги есть желание и возможность экономических субъектов иметь в своём распоряжении определённое количество платёжных средств, или кассу, предпочитая эту ликвидную форму другим видам имущества.

Держание кассы лишает её собственников доходов от тех видов имущества, которые он мог купить на имеющиеся в кассе деньги. Другими словами, держание кассы сопряжено с альтернативными затратами. Причина этих издержек объясняется по-разному различными представителями научных школ.

Люди нуждаются в деньгах для того, чтобы в периоды между моментами получения денежных доходов (от зарплаты до зарплаты) оплачивать приобретение необходимых им благ. По мере осуществления покупок деньги от домашних хозяйств и государства переходят к фирмам. Поэтому в каждый момент времени их общее количество неизменно, хотя и по-разному распределено между экономическими субъектами.

Из примера видно, что спрос на деньги прямо пропорционален величине покупок за период и обратно пропорционален частоте получения денежного дохода.

Сумма покупок, осуществляемых в национальном хозяйстве за период, представляет собой совокупный общественный продукт, включающий в себя и конечный, и промежуточный продукт.

Сколько раз в период в среднем хозяйства получают доходы, выражается скоростью обращения денег в стране. Поэтому спрос «публики» на деньги для сделок равен

$$L_{ed} = PX / V \quad (8)$$

где X — совокупный общественный продукт,

V — скорость обращения денег.

Но так как в макроэкономике используют национальный доход (Y), то

$$L_{ed} = L_{ed}(Y).$$

следует установить зависимость

Это можно определить как долю национального дохода в совокупном общественном продукте (СОП),

Так, примерно, определяется спрос на деньги в концепции «классиков» и частично у Дж. Кейнса.

При всей убедительности он не учитывает потерю дохода у «публики» от держания на руках кассы.

Модель спроса на деньги для сделок с учётом альтернативных затрат держания кассы была предложена У. Баумолем и Дж. Тобином.

Предположим, что в начале каждого периода доход домашним хозяйствам не выдаётся наличными, а зачисляется на депозитный счёт с гарантированным процентным доходом за период. Оплата же покупок должна осуществляться наличными. Каждая операция по конвертации части вклада в наличности стоит домашнему хозяйству определённых затрат, которые состоят из двух частей: оплата за услуги по конвертации (h) и альтернативных изъятий части дохода их коммерческого банка суммы (x).

Если деньги изымаются равными порциями, то общая сумма затрат (TC) за период между двумя начислениями дохода составит:

$$TC(x) = \frac{hY}{x} + \frac{ix}{2}$$

Найдём экстремум этой функции:

$$\frac{dT C}{dX} = -\frac{hY}{x^2} + \frac{i}{2} = 0$$

Решение будет при :

$$x = \sqrt{2h \frac{Y}{i}} ;$$

Следовательно, оптимальный объём спроса на деньги для сделок

$$L_{ed} = \frac{x}{2} = \sqrt{\frac{hY}{2i}} ;$$

Или спрос на деньги является функцией дохода (Y) и банковского процента $L_{ed} = L_{ed}(Y; i)$, при заданной величине h .

Можно предложить уже не двух уровневую модель, как это имеет место в абсолютном большинстве научной литературы, а трех уровневую систему с тремя основными монетарными агентами, а именно: центральным банком, системой коммерческих банков и домашними хозяйствами.

Предложение денег со стороны центрального банка следует рассматривать как осуществление этим институтов свой важнейшей функции, укрепления денежной единицы, борьба с инфляцией и удовлетворение спроса основных агентов на ликвидность. Это предложение описывается моделью, в которой объем эмиссии или изъятия денег из экономики не является функцией процентной ставки.

Центральный банк проводит свою политику, исходя из стратегии осуществляющей им монетарной политики. Так в период финансового кризиса 2007-2009 гг. глава Федеральной резервной системы США Б. Бернанке в об разной форме в качестве эффективного средства преодоления финансового кризиса предлагал даже «разбрасывать деньги с вертолета», за что получил прозвище «вертолетный Джо».

Подобная операция стала возможной с середины 17 века, когда шведский банкир Палмструп, основатель Банка Стокгольма, вместо депозитных сертификатов выпустил в обращение беспроцентные чеки на предъявителя. В результате была осуществлена трансформация депозитного сертификата на

вклад в драгоценных монетах в кредитную ценную бумагу. Тем самым одновременно стала неактуальной проблема держать вне обращения всю сумму внесённых клиентами банка монет. Эти чеки использовались для оплаты товаров и обращались наравне с монетами [55, с. 21].

В последствии этом механизм эмиссии с частичным покрытием был освоен Банком Англии, Франции. Так, в мировой истории Банк Англии, оставаясь частным банком, впервые стал эмитировать собственные банкноты, увязывая размер эмиссии с учетом векселей. Здесь мы уже в явной форме обнаруживаем природу новых платежных средств, а именно, платежное средство уже потеряло непосредственную связь с миром реальных ценностей и имело под своим выпуском в качестве основания другой долг. Долг хозяйствующего субъекта учитывался предложением собственных долговых обязательств уже иного экономического субъекта, эмиссионного банка.

Для успешной операции трансформации одного долга в другой требовалось доверие со стороны получателя, или держателя, долга. Если в качестве гаранта начинает выступать правительство, то уже окончательно теряется связь долговых финансово-кредитных инструментов с реальными ценностями, производство долговых инструментов уже теоретически ничем не ограничено. Поэтому не возникает никаких проблем для таких объёмов эмиссии, что эти денежные знаки теперь уже можно разбрасывать с «вертолёта». Но будет ли возрастать денежная масса в форме обязательств? Номинально этот рост будет иметь место уже потому, что выросла денежная база.

Денежная база по определению представляет собой самостоятельный компонент денежной массы, равный по величине денежным средствам, которые первоначально поступают в систему коммерческих банков. Представляет собой пассив баланса центрального банка и может регулироваться последним. Это может осуществляться, например, в форме купли-продажи центральным банком ценных бумаг, валютных интервенций.

Различают денежную базу в узком смысле этого термина и денежную базу в широком смысле. Денежная база в узком смысле термина есть наличные деньги, которые находятся в обращении. Фактически это есть вся сово-

купность эмитированных центральным банком банкнот за вычетом той её части, которая находится в хранилищах самого центрального банка.

Денежная база в широком понимании этого термина включает наличные деньги в обращении и безналичные деньги в национальной валюте. Таким образом, в денежную базу в широком понимании термина в соответствии с методикой центрального банка включают наличные деньги, находящиеся в обращении, кассовые остатки коммерческих банков, а также денежные средства, размещаемые коммерческими банками на депозитных счетах в центральном банке в форме обязательных резервов.

Относительно роли центральных банков на рынке денег можно констатировать то, что они формируют рынок денег, воздействую на него своими специфическими инструментами со стороны в основном предложения. Спрос на деньги со стороны центральных банков играет скорее второстепенную роль в механизме реализации своей проводимой им денежно-кредитной политики.

Извлекая из обращения денежную массу, центральный банк связывает ее в резервах, уменьшая тем самым объемы обращающихся денег в национальной экономике. Предложение же денег есть функция центрального банка в соответствии с реализуемой им стратегией управления денежно-кредитной политикой и предложением денег. Принято считать, что предложение денег не является функцией номинальной ставки процента на рынке денег. Однако это утверждение можно принять в качестве исходного положения только в том случае, если центральный банк реализует свои краткосрочные цели, в которых доминирует стремление обеспечить равновесие на денежном рынке. В этом случае в координатах «номинальная ставка процента — объемы предложения денег» кривая предложения денег будет принимать вид вертикально падающей кривой.

Последнее, однако, не может оказывать непосредственное воздействие на предложение денег, когда на рынок денег начинают воздействовать импульсы от колебаний избыточных резервов. Избыточные резервы могут образовываться вследствие непрогнозируемого притока вкладов «публики» или погашения ссуд и изменяются под влиянием изменений существующих про-

центных ставок. В этом случае коммерческие банки уже не могут разместить все ранее мобилизованные ресурсы и несут тем самым убытки. Банки стремятся свести эти избыточные резервы до минимально достаточного уровня, что обеспечивало бы им разрешить проблему повышения доходности и обеспечения удовлетворяющий банковский менеджмент ликвидностью баланса банка и связанным с этим банковскими рисками.

Вместе с тем, если центральный банк преследует цель удержание нормы банковского процента на заранее установленном им уровне, то в этом случае кривая предложения денег в тех же координатах уже будет горизонтальной. Более того, если в первом случае эта ставка процента была эндогенной для денежного рынка, ибо определялась самим рынком, то во втором случае она будет уже экзогенной, т.е. определяться вне системы.

Динамика спроса и предложения денег становится во многом зависимой от ожиданий всех участников денежного рынка. Уменьшение кассовых остатков со стороны домашних хозяйств приводит к тем же последствиям со стороны предложения денег, что и действия центральных банков, когда последние осуществляют кредитную эмиссию. Если же система коммерческих банков не поглощает предложение наличности со стороны домашних хозяйств, что имеет место во времена разрушения денежной системы государства, то деньги устремляются на товарные рынки, сметая на своем пути товары, которые даже и не нужны. За выгоды обладания наличными в форме резервов особенно необходимо платить жертвами, которые считаются неоправданно обременительными. Как отмечает Л. Мизес, во время великой европейской инфляции 20-х годов это явление было названо «бегством в реальные ценности» (*Flucht in Sachwerte*) или «ажиотажным бумом» (*Katastrophenhausse*).

В результате мы можем выразить мнение, что процесс формирования спроса на деньги уже изначально рассматривался несколько ущербно. Величина спроса на деньги определялась доходами, необходимыми для приобретения реального продукта, в основном вновь созданной стоимости. Однако деньги призваны обеспечивать не только этот оборот. Они призваны быть посредниками в обмене любыми ценностями, независимо от их материально-

вещественной формы и времени их получения, т.е. производства. Исключение могут составлять только услуги. Последние осуществляют себя исключительно в процессе своей реализации. Услуги не могут накапливаться, хотя они включаются в объем текущего богатства. Но если вещь рассматривать в течение весьма продолжительного периода времени, то и она может представляться как услуга. Появилась вещь, выполнила свою производственную функцию и исчезла в потреблении, возродившись в форме амортизации в произведенных товарно-материальных ценностях и услугах.

То, что деньги обеспечивают оборот ценностями вообще, свидетельствует та статистика, которая приводится в работе Хансена за период с 1800 по 1950 годы. Однако мы делаем принципиально иные выводы, объясняя одни и те же данные.

Если принять обозначения, описывающие следующие параметры:

Y — денежный национальный доход;

M — предложение денег (наличные плюс депозиты до востребования, т.е. величина денежного агрегата $M1$, или деньги в «строгом смысле слова»);

M / Y — отношение депозитов и наличных к национальному доходу, то это есть коэффициент « k » в уравнении Маршалла.

Если проанализировать данные статистики за полтора столетия, то можно заметить, что отмеченный коэффициент возрастал. Хансен делает однозначный вывод, что отмеченная заметная тенденция означает возрастающую готовность людей в обществе хранить все возрастающую долю дохода в форме наличности. Анализ облегчался потому, что в этот период покупательная сила денег, или их ценность оставалась относительно постоянной, а поскольку доход рос значительно быстрее, чем население, то более быстро и возрастал доход на душу населения.

В 1880 году отношение количества денег к доходу составило 0,05, в 1850 — 0,10, в 1900 году составило уже 0,51, в 1930 году 0,72, а в 1948 составило уже 0,76.

Превышение темпа прироста количества денег над темпом прироста национального дохода в процентных пунктах составило за периоды с 1800 по 1840 годы — 2,75%, с 1840 по 1870 годы — 0,75%, с 1870 по 1900 годы —

3,5%, а с 1900 по 1947 превышение темпов составило в среднем 1,0%. Прирост количества денег составлял от 5 до 5,75% в год в периоды первых 70 лет и от 5 до 6,5% в течение последних 77 лет рассмотренного Элвином Хансеном статистического ряда. Можно констатировать факт, рост национального дохода сопровождался значительно более быстрым ростом предложения денег. Предложение денег в 1947 году было на 60% больше относительно дохода, чем в 1900 году, и на 120% больше чем в 1880 году. Это составило величину более чем в восемь раз большую относительно дохода.

Если проследить за динамикой роста этого коэффициента, то уже Хансен отмечает, что отношение денег к доходу не росло ежегодно в постоянном темпе. Нельзя было обнаружить надёжного или фиксированного отношения, а, следовательно, нельзя было на основе исторического опыта определить, какое количество денег соответствует данному уровню дохода. Можно сформулировать проблему и иным способом, а именно, каким должен быть доход, при данном количестве денег. Следовательно, данная простая модель зависимости предложения денег от дохода не является корректной. Вывод же Хансена сводится к тому, что мере роста благосостояния нации и расширения масштабов рыночной экономики количество денег относительно дохода, которые люди желают хранить, увеличивается от десятилетия к десятилетию [15, с. 51].

Как нам представляется, данные статистики, которые приведены Хансеном можно интерпретировать несколько по иному. Мы исходим из того непреложного факта, что современные деньги есть знаки стоимости, заменители действительных денег, эмиссия которых по своим затратам составляет ничтожную величину. В результате центральные банки имеют возможность вбрасывать в экономику столько денег, сколько это согласуется с их денежно-кредитной и фискальной политикой. Рассмотренные периоды были знаменательны чрезвычайно бурным развитием финансовых, валютных и иных рынков. Это объективно потребовало наполнением экономик ликвидностью. Инфляция стала скорее законом, чем случайностью, однако многое, если не всё, в этих условиях определялось мерой, пониманием правительством ситуации, как в реальном секторе экономики, так и на финансовых рынках.

Математическая экономическая теория затрудняется объяснить причинную связь между увеличением количества денег и тем, что в ней называют «скоростью обращения». Характерная особенность этого явления заключается в том, что увеличение количества денег вызывает падение спроса на них. Тенденция падения покупательной способности, порожденная увеличением предложения денег, усиливается общей склонностью к ограничению величины остатков наличности. В конце концов в определенный момент в цены, по которым люди были бы готовы расстаться с «реальными» товарами, включается такая степень ожидания падения покупательной способности, что никто не располагает достаточным количеством денег, чтобы их заплатить. Денежная система рушится. Все сделки с участием денег прекращаются. В результате паники их покупательная способность вообще исчезает. Люди возвращаются к прямому товарообмену, либо используют другой вид денег.

Инфляция развивается следующим образом: в самом начале вливание дополнительных денег заставляет цены некоторых товаров повышаться; остальные цены повышаются позже.

Первый этап инфляционного процесса может длиться долгие годы. В это время цены на многие товары и услуги еще не приведены в соответствие с изменившимися денежными отношениями. В стране еще существуют люди, пока не осознавшие, что они столкнулись с ценовой революцией, которая в конечном счете приведет к значительному росту всех цен. Они еще считают, что цены когда-нибудь понизятся. В ожидании этого момента они ограничивают по купке и со ответственно наращивают остатки наличности. Пока эти представления еще разделяются общественным мнением, государству еще не поздно отказаться от инфляционной политики. Но, в конце концов, массы просыпаются. Они вдруг осознают, что инфляция — это сознательная политика и будет продолжаться бесконечно. И начинается распад. Возникает ажиотажный бум. Каждый стремится обменять свои деньги на «реальные» товары, неважно, нужны они ему или нет, неважно, сколько денег он должен заплатить за них.

Чтобы не допустить чрезмерного выпуска денег банками и не провоцировать всплески инфляции, как это вытекает из модели обмена И. Фишера,

рекомендуется выпускать деньги только для финансирования текущего производства, т.е. товаров, которые находятся в стадии производства и обращения. Инвестиции в основной капитал должны финансироваться путём продажи акций, выпуска облигаций и реинвестирования прибыли. Каждый выпуск денег в форме эмиссии банкнот или депозитной экспансии будет подталкивать производственный процесс. Каждый цикл производства от начала до завершения должен сопровождаться пропорциональным выпуском денег и изъятием их из обращения. Правда, Хансен подчеркивает, что эта пропорция не обязательно будет выглядеть как один к одному. Предложение денег должно расти и уменьшаться вместе с производством [58, с. 64, 65].

Из этого положения видно, что денежная масса должна определяться размерами реального объёма производства. Однако при этом забывается, что финансирование инвестиций в основной капитал путем выпуска акций или долговых инструментов всегда будет сопровождаться продажей этих ценных бумаг. Как и любая продажа, она нуждается в деньгах или кредите. Отношения кредита ни в коей мере не уменьшают потребную величину денежной массы. Просто наличность будет поставляться иными лицами, т.е. кредиторами должникам. Получив ликвидность только и можно осуществлять финансирование инвестиций.

Это теоретическое положение вполне коррелирует с результатами анализа событий в экономике США накануне глобального финансового кризиса, что позволяет сделать некоторые выводы. Если спрос и предложение должны соответствовать друг другу, то, осуществляя экономическую политику США в интересах крупных корпораций, администрация США и ФРС последовательно снижали долю заработной платы во вновь добавленной стоимости. Это приводило к росту прибыли. В результате отставания роста заработной платы от роста эффективности живого труда, а следовательно и его оплаты, прибыли корпораций росли быстрее относительно производительности труда в обществе.

Для поддержания равновесия должен был неизбежно расти долг, который покрывал бы эти выпадающие доходы домашних хозяйств. Но рост прибыльности инициировал рост фондовых ценностей, акций. Эти финансовые

инструменты обрастили другими производными инструментами, что позволяло доминировать на рынке «быкам». Масштабы прибыли инициировали и подталкивали к росту курс акций, который достигал своего апогея в кульмиационной точке в виде раздувшегося «пузыря». Однако этот процесс переключации финансового рынка с характерным для него ростом задолженности приведёт к состоянию, которое в математической теории описывается моделью катастроф. Рост рынка сначала задерживается, а затем начинает быстро опускаться, доходя до обрушения. «Потребность в долге лежит в основе «пузыря» цен на фондовой бирже, а он обязательно должен однажды лопнуть, поскольку долговой разгул невозможно поддерживать вечно.

Истинное значение в экономике «пузыря» имеет вовсе не то, кто именно заимствует деньги, — потребители, правительство или корпорации. Здесь важно совсем другое: когда заработка плата тащится в хвосте у производительности, постоянно отставая от нее, кто-то должен тратить деньги на товары и услуги, чтобы подтолкнуть спрос и довести его до уровня повышающегося предложения. Вы можете назвать это фискальной или денежно-кредитной политикой, но никакие эвфемизмы не могут замаскировать того факта, что в действительности здесь создается новый долг, который в свою очередь гарантирует мегаповышение прибылей» [1, с. 267].

Как нам представляется, теоретики не желают замечать не просто очевидного факта, игнорируя факты, они стараются находиться в русле внешне стройной теоретической концепции. Коммерческие банки за счёт манипулирования избыточными резервами, уменьшают покрытие надёжными активами депозитной эмиссии и могут наращивать объёмы предоставленных кредитов. Превращение последних уже в наличность не представляет для должников никакой проблемы. Заявление о том, что «если банки ограничивают свой выпуск денег финансированием товаров в процессе производства и обращения, тогда согласно коммерческой банковской теории не будет опасности избытка денег, не будет опасности инфляции. Потребности бизнеса сами обеспечат автоматическое регулирование. Не будет необходимости ограничивать «денежную диету» золотыми монетами. Экономика сможет безопасно проглотить всю нужную ей «пищу». Экономический организм будет автоматически

указывать, когда «пиши» достаточно. Но это, как полагали, верно только при условии, что экономика ограничивается подходящей «пищей». Банковские деньги — будь то банкноты или депозиты — должны выпускаться только для финансирования текущего производства. На столах не должно быть крепких напитков! Не должно быть пьяного кутежа денежной инфляции!» [58, с. 66].

Этим крепким напитком, против которых боролись «проповедники умеренности» кредиторской задолженности, по образному сравнению Хансена, был выпуск новых денег для финансирования основного капитала. Предлагалось финансировать инвестиции за счет сбережений из «располагаемого дохода» семейных хозяйств и корпораций. Тем самым сторонники умеренной «коммерческой задолженности» не отмечали возможность выпуска новых денег. Они полагали, что если выпускать новые деньги для финансирования текущего производства, т.е. в соответствии с их теоретическими постулатами, то не может возникнуть опасность появления избыточной массы денег. Деньги должны поступать в экономику не в зависимости от произвола банков, а в соответствии с потребностями бизнеса. В результате эти принципы научного направления «коммерческой задолженности» легли в основу рассмотрения системы денежного обращения как саморегулируемого механизма, обеспечивающего предложение нужного количества ликвидности [58, с. 66, 67].

Уже последние события в связи с наступившим мировым финансовым кризисом однозначно свидетельствуют о том, что данное заявление скорее отличает наивность и пафосность, а не желание видеть финансовый мир, таким, какой он есть. Речь не идёт о том, рассматриваем ли мы так называемую грубую версию теории количества денег, которая до сих пор признается как подлинная теория, господствовавшая до появления работ Дж.М. Кейнса. Эту грубую версию не следует приписывать исключительно какому-то одному направлению или школе, например, классикам или неоклассикам. Скорее следует считать правильной трактовкой этой грубой версии ту традицию, в рамках которой она схватывала предельно упрощенно соотношения между предложением денег и ценами, оставляя в стороне различного уровня иные факторы и взаимозависимости.

Если обратить внимание на составляющие факторы, обеспечивающие равенство спроса на ликвидность и ее предложение, то правая часть может восприниматься уже как некоторая интегральная величина, коррелирующая с уровнем цен и доходом. Эффект роста денежной массы может перекрываться, нивелироваться снижением скорости обращения денежной массы. Точно также и снижение скорости оборота денежной массы может компенсироваться ростом величины денежной массы в обращении. В любом случае мы можем, воздействуя на один из параметров получать одинаковые эффекты, например, повышение общего уровня цен. Частичная потеря доверия к деньгам не приводит к их выдавливанию из системы денежного обращения.

ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК МОМЕНТ ЧАСТНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Причина этого явления уже не столько лежит к экономической сфере, как-то переполнение каналов денежного обращения, а в сфере экономической политики. Экономисты и политики, которые, в сущности, только и правят миром, по выражению Дж. М. Кейнса, склонны ошибаться в своих предположениях. И их особая роль в жизни общества при неправильно осознаваемой экономической ситуации, при следовании ложным экономическим концепциям, моделям и теориям становятся опасными для общества. Как отмечает по этому поводу Рави Батра, неполнота знания и информации, следование ложным ценностям наряду с огромной внеэкономической властью становятся причиной осуществления неправильной экономической политики. Сентенции, афоризмы и максимы подобных публичных экономистов и политиков звучат весьма правдоподобно. Их «откровенно смешные идеи не таят в себе риска или опасности, поскольку им изначально никто не доверяет. Но неполное знание может быть хуже полного невежества, поскольку оно частенько умеет дурачить широкую публику» [1, с. 265].

Как нам представляется, проблема даже заключается не столько в том, что люди, в том числе экономисты и политики, обладают неполным, частичным знанием, но и в том, что политикам принадлежит мощный внеэкономи-

ческий ресурс, властные полномочия в выборе и осуществлении экономической политики. Более того, эта экономическая политика не есть олицетворение «всеобще-общественных», по К. Марксу, интересов. Весьма часто, если не всегда, политика властных структур скорее отражает узкопартийные интересы, интересы господствующих в обществе экономических структур, что не мешает и в этом случае быть этой экономической политике внутренне противоречивой.

Таким политиком, который в последние годы осуществлял в США, был глава Федеральной резервной системы Аллан Гринспен. Уже будучи в отставке вынужден признать, что у него изменилось представление о функционировании финансовых рынков. Однако это было потом. Но какие фундаментальные ошибки были осуществлены в результате финансовой политики ФРС США, не осознавая при этом, что делается «с финансами миллионов американцев и других людей по всему миру»?

Исходя из верной посылки, что рост производительности труда есть главная движущая сила на пути к получению прибыли, финансовые политики не учли тот факт, что это охватывает только половину всей картины. Вторая половина этих движущих моментов в экономическом движении к воспроизведству прибыли стал долг. Влияние производительности оказывается на стороне предложения. Формируют спрос же получаемые доходы в различных его формах и долг. «Если спрос и предложение должны быть сбалансиированы на протяжении какого-то более или менее длительного времени, то либо повышение заработной платы следует синхронизировать с ростом производительности труда, либо росту производительности труда должен соответствовать эквивалентный рост той суммы, которую образуют заработка плата плюс долг.

Конечно, всякая необходимость в новом долге исчезает, если заработка плата не отстает от повышающейся эффективности рабочей силы, поскольку в этом случае и спрос, и предложение растут в одном темпе, все время оставаясь равными друг другу. Однако ничего подобного не наблюдалось с тех пор, как на общенациональной сцене появился мистер Гринспен; так что с 1970-х годов и вплоть до сегодняшнего дня систематический рост долга был

единственным способом поддержать равновесие между предложением и спросом» [1, с. 266, 267].

Природа современных денег такова, что, будучи относительно легко вброшены в оборот, эти деньги уже не могут выйти из обращения, приобретая как прежде форму богатства, или сокровища. Как весьма едко подмечает Дж. Тобин, «начало мудрости денежной теории — рассматривать эти деньги (в данном контексте депозиты коммерческих банков — В.О.) как «горячую картошку» в детской игре: один игрок может передать её другому, но вся группа игроков в целом не может от неё избавиться. Если предложение денег не соответствует потребностям экономики, именно экономика должна приспосабливаться к заданному количеству денег. Согласно традиционному взгляду, это представляется в равной степени верным, как применительно к деньгам, создаваемым авторучкой банкира, так и к деньгам, создаваемым государственным печатным станком» [51, с. 121, 122].

Однако это совсем не означает, что, оставаясь знаками богатства и сокровищ, современные деньги принимают форму резервов. Следовательно, деньги в форме резервов есть потенциальные деньги, ибо последние покинули сферу, которая обслуживает обращение активов в экономике. И эти резервы могут формироваться у всех участников и субъектов денежного рынка — центральных банков, системы коммерческих банков и домашних хозяйств.

Если процесс формирования денежных резервов такими макроэкономическими субъектами как, например, центральными банками, системой коммерческих банков и иных кредитных организаций, последствия от осуществления денежно-кредитной политики ими подробно рассматривался в специальной научной литературе, по последствия от формирования резервов домашними хозяйствами глубоко не исследовался.

Даже не осуществляя дополнительной эмиссии, денег становится слишком много, если при падении доверия к ним каждый хозяйствующий субъект будет стараться как можно быстрее избавиться от них. В современных национальных экономиках бартер ушел в прошлое, товары производятся не для примитивного обмена, а для оперативной продажи. Но продажа предполагает покупку, которая совсем не обязательно будет совпадать во времени. Други-

ми словами, отсутствует синхронность продаж и покупок. Тогда временной промежуток между разрывами в продажах и покупках может заполняться операциями по покупке облигаций или иных весьма ликвидных ценных бумаг. В этом случае ценные бумаги будут приносить доход, что не могли приносить деньги в кассе.

Однако это не означает, что денежная масса уменьшится в экономике. Приобретая ценную бумагу, покупатель отчуждает долю ликвидности иному хозяйствующему субъекту, который продолжает использовать их в качестве денег. Ведь эмиссия ценных бумаг преследовала основную цель — получить ликвидность, т.е. деньги. В результате деньги только переходят от одного экономического субъекта к другому, не изменяя в обществе размер денежной массы. И чем быстрее и с меньшими издержками будет осуществляться этот переход, тем будет короче время осуществления этой трансакции, тем выше скорость обращения денег в национальной экономике. Следовательно, внедрение современных банковских технологий, посредством которых будет более быстро осуществляться переход ликвидности от одних хозяйствующих субъектов к другим, тем выше скорость обращения денег, тем выше интегральный монетарный эффект, достигаемый как за счет роста самой денежной массы, так и за счет увеличения скорости обращения ликвидности в экономике.

Это даёт основания для формулирования тезиса о том, что состояние на рынке денег, как со стороны предложения, так и со стороны спроса является гораздо более сложной задачей, чем это порой представляется не в меру реалистичным политикам. Публичные органы финансовой власти не располагают действенными инструментами и механизмами, которые позволили бы добиваться относительно спокойного и прогнозируемого состояния на денежном рынке. Определять кредитно-денежную эмиссию со стороны центральных банков, проводя либо кредитно-денежную экспансию или кредитную рестрикцию, оказывается весьма недостаточным по своим возможностям механизмом с его, казалось бы, апробированными инструментами денежно-кредитной политики. Это отражается в чрезмерной волатильности валютных курсов, неустойчивости конъюнктуры на денежном рынке и, как следствие,

дает основания для утверждения, что проблема лежит даже не степени абстрактности, приближенности грубой модели теории количества денег современному реалиям.

Если принять ранее приведенную в качестве исходной модель А. Маршала, то проблему потребного количества денег в национальной экономике можно представить несколько иначе:

$$Y = M + A,$$

где M — деньги в форме наличности и депозитов;

Y — денежный доход,

A — агрегированная стоимость активов, которые приобретаются на доходу дохода.

Но Y есть годовой поток дохода равный потоку потребленных предметов потребления домашними хозяйствами, т. е. C и S , т.е. запасу сбережений, который, если его рассматривать в разрезе этого же периода времени, можно представить также к форме потока сбережений. Запас мы понимаем как поток, схваченный в какой-то момент времени, а поток есть запас формируемый на определенном промежутке времени. Тогда эту базовую модель можно выразить в форме: $Y = C + S$, где все параметры могут быть представлены уже в качестве годового потока дохода, направленного на приобретение предметов потребления и потока дохода, направленного на сбережения.

Сбережения могут быть представлены либо в форме абсолютной ликвидности, т.е. денег, либо они могут быть направлены на приобретение активов. Но как в первом, так и во втором случаях речь будет идти о ликвидных формах сбережения.

Показатель « A » в модели Маршалла можно аппроксимировать как оставшаяся от годового объема дохода часть, которая пошла потребление, или размер сбережений S . В противном случае А. Маршалл, выдвинув очень важное методологическое предупреждение, не смешивать деньги и капитал, сам же допустил подобное смешение. Если проанализировать со стороны качества объекта в уравнении, то мы обнаружим досадное *lapsus solami*. В ле-

вой части уравнения мы видим деньги, в правой части первый член есть доход в деньгах, а второй член есть активы в форме капитала.

Дж. М. Кейнсу не могла не быть неизвестной эта модель А. Маршалла. Но то, что у А. Маршала можно отнести к *lapsus solami*, то у Дж. М. Кейнса становится важной составляющей частью его фундаментальной идеи. Кейнс уже доход, который получают домашние хозяйства, начинает подразделять на доход, который идет на потребление(С) и сбережение(С).

$$Y = C + S.$$

В этом мы можем обнаружить принципиальное различие модели денег у монетаристов и у кейнсианцев. У монетаристов деньги есть то, что выполняет функции посредничества в обмене. Это «вуаль, наброшенная на бarterные сделки». Никакие иные функции деньги не выполняют. Поэтому и в известной модели Дж.М. Кейнса сбережения в форме денежных знаков также не следует считать деньгами. Они никаких функций денег не выполняют. Они есть резервы домашних хозяйств, «почти деньги», «квазиденьги» и т.д. Но будучи накопленными в форме резервов на предшествующих этапах, эти резервы способны выйти из состояния потенциальных денег и стать деньгами в действительности, обслуживая товарный оборот.

Следовательно, известное принципиальное утверждение о том, что бумажные денежные знаки или депозитные деньги на онкольных счетах не могут покинуть сферу обращения, нуждается в серьезном уточнении. Если деньги эмитированы центральными банками, то последний уже теряет практический контроль над их перемещением как деньги. Он может только привлечь последние на свои депозиты либо в форме обязательных резервов коммерческих банков, либо привлечь на свои депозиты в форме операций на открытом рынке ценных бумаг, например, на рынке РЕПО. Этим самым центральный банк выполняет свои функции по поддержанию курса национальной валюты, сдерживанию инфляции и т.д. Но точно также остальные участники денежного рынка осуществляют свою финансовую политику. Они в целях обеспечения финансовой стабильности формируют резервы, обеспечивая страхование своей хозяйствственно-производственной деятельности или своего домашнего хозяйства. Но если деятельность по размещению страховых резервов коммер-

ческими банками регулируется центральными банками, то формирование страховых резервом домашними хозяйствами уже остается вне контроля со стороны центральных банков. Если домашние хозяйства разместили свои депозиты в коммерческом банке, то они вышли из сферы их пользования как деньгами домашними хозяйствами и трансформировались для последних в капитал, ибо эту деятельность следует отнести к инвестиционной деятельности домашних хозяйств. Коммерческие же банки приобрели денежные ресурсы домашних хозяйств для осуществления их дальнейшей переуступки на основаниях кредита. Тем самым они действительно не могут выйти из обращения, они просто перешли из одного субъекта к другому в качестве денег. Для коммерческих банков деньги домашних хозяйств есть всегда капитал. У кейнсианцев же деньги стали активами, т.е. капиталом. Но это уже будет противоречие в самом определении денег, т.е. *contradictio in adjecto*.

Однако проблема усматривается в том, что деньги обслуживаются не только товарно-денежный оборот домашних хозяйств, а практически весь товарный оборот в национальной экономике, которые обеспечивается путем купли-продажи, т.е. суммарный товарооборот за минусом форм бартерного обмена, а также обмена, на принципах клиринга или взаимозачетов. Последние формы исключают применение денег, как средства обмена. Как средство счета они используются, но это обстоятельство не увеличивает и не уменьшает денежную массу в обществе. Тогда, чтобы быть по возможности более корректными, следует из этого совокупного товарного потока реализуемых посредством купли-продажи товаров и услуг следует вычесть ту часть конечного потребляемого размера товаров и услуг, которая приходится на домашние хозяйства и включены в самом общем виде в размер объема национального дохода. А так как последний в грубой форме может быть представлен как Y , то именно его и следует удалить из модели А. Маршалла. Далее здесь под доходом следует понимать весь валовой доход, т.е. все поступления от трансакций имущества, прав и т.д., т.е. всего объема поступлений дохода от купли продажи имущества.

Требуемый размер денежной массы в современных экономиках определяется не только потребностями товарооборота, который имеет место в сфере

материального производства и связан с производством продуктов конечного потребления домашними хозяйствами. Государство мы также условно в этой модели относим к сфере потребления. Существует и вторичный рынок средств производства, на котором осуществляется их перепродажа. Наконец, нельзя исключать и того обстоятельства, что между производителями и конечными потребителями существуют длинные цепи всевозможных посреднических фирм, которые обеспечивают ликвидность рынка. Этот рынок также следует обеспечивать необходимой денежной массой, на котором есть свои денежно-кредитные посредники, предоставляющие ликвидность в форме долгосрочного, среднесрочного или краткосрочного кредита.

Можно полагать, что кредит экономит ликвидность, которая необходима в обслуживании товарооборота. Но это относится к моментам, когда кредит предоставляется продавцом на время кредитования. Его погашение требует ликвидность. Более того, размер требуемой ликвидности увеличивается на объем процентов и других комиссий, что увеличивает стоимость в конечном итоге.

ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ «ДЕНЕЖНЫХ ПУЗЫРЕЙ» И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПРОС НА ЛИКВИДНОСТЬ

Как было отмечено в несколько ранее, современный рынок представлен как совокупность рынка средств производства, предметов потребления, денежного рынка, рынка недвижимости, наконец, финансового рынка. При этом финансовые рынки бурно прогрессируют как по применению различного рода финансовых инструментов, обращающихся на рынке, так и по объемам торгов. Наряду с основными фондовыми ценностями появились в обращение различного рода производные финансовые инструменты. Например, на американском рынке ипотечных инструментов появились обеспеченные долговые обязательства (*collateralized debt obligations, CDO*). Благодаря последним банки получили возможность избавляться от наиболее рисковых ипотечных кредитов, трансформируя их в данные инструменты. Это позволило объединять денежные потоки, которые складывались из тысяч ипотечных кредитов,

в связанные облигации. В дальнейшем происходит секьюритизация кредитов, что привело к появлению новых, ранее не известных финансовых продуктов, для обращения которых были необходимы деньги. Государство не могло не отреагировать на потребности рынка, предоставляя необходимую ликвидность в форме кредитов.

Появившиеся на американском рынке различного рода хеджевые фонды, которые стали специализироваться на кредитах и способствовали повышению ликвидности ценных бумаг. Только за последние годы в США этот рынок страховых контрактов вырос до 42,6 триллиона долларов. Эта сумма по своей величине была соразмерна стоимости всех домохозяйств США. Одновременно и капитализация фондового рынка в США на 2007 год составила 18,5 триллиона долларов, хотя одновременно рынок государственных долговых обязательств США составил всего 4,5 триллиона [47, с. 18–20].

Любые рынки в современных условиях обслуживаются ликвидностью. Реально обращающаяся денежная масса выполняет основную функцию денег— обеспечивать обмен товарными ценностями. Поэтому модель обмена И.Фишера при всей своей правильности написания, получает весьма иное толкование и аппроксимацию. Однако становится ясно, что, ориентируясь на современную денежно-кредитную политику, центральные национальные банки уже не могут быть в состоянии как прежде осуществлять быстрые эффективные меры относительно манипулирования денежной массой. Чтобы бороться с кризисами, в том числе в финансовой сфере, следует не допускать сползания экономики в неопределенность. Поведение как институциональных игроков на финансовых рынках, не говоря уже о домашних хозяйствах, не детерминируется непосредственно. Современные деньги имеют фидуциарную природу, и её утрата не приведет к восстановлению доверия ни изъятиями, т.е. рестрикцией кредита, ни экспансией. В результате модель количества денег становится еще более абстрактной, упрощенной и более грубой, чем это представлялось как теоретикам, так и практическим специалистам в сфере кредитно-денежного регулирования и соответствующей политики.

В этом случае следует ответить на вопрос о причинах неудовлетворительного результата осуществления правительствами практически всех раз-

вityх стран денежно-кредитной политики, которая есть та или иная форма монетарной политики. Следует предложить модель поведения монетарных властей, которые стремятся осуществить и добиться желаемых целевых ориентиров.

Роль мировых платежных средств обнаруживается наиболее остро в период мировых экономических кризисов. Влияние финансов было особо заметно уже на примере падения внешней торговли в кризисе 1929 года, причём это оказало воздействие гораздо более сильное, чем в каком либо из предшествующих кризисов, не только по ценности из-за резкого снижения цен, но и по объему. Падение внешней торговли было в процентном отношении более резким, чем падение производства. Так, если в конце 1936 года объем производства всего капиталистического мира увеличился по сравнению с 1929 годом, то объем мировой торговли по данным Лиги наций составил по отношению к 1929 году всего 84,5% [8, с. 2].

Причины этого явления детально изучены и описаны в экономической литературе. [См., например, 35]. В результате исключительного сужения сбыта во время кризиса каждая страна предпринимала усилия по монополизации рынка на своих национальных территориях. В результате стала наращиваться тенденция по свертыванию международного разделения труда. Товары, которые прежде ввозились из-за границы, стали в большей мере производиться внутри страны. Это выявило в качестве ответных действий других участников мировой торговли возрождение в громадных масштабах протекционизма. Ситуация доходила до полного запрета на ввоз отдельных товаров. Вместо свободного движения товаров на мировом рынке сформировалась система нетто-балансов, когда каждое государство покупало лишь столько у другого государства, сколько последнее покупает у него. Возник организуемый государством своего рода натуральный обмен. В результате возник кризис мировых платежных средств, валютные затруднения и почти полное прекращение экспорта капитала в этот период мирового кризиса также способствовали падению внешней торговли.

Кризис 1929 года возник примерно в середине года, когда вновь произведенные товары не доходили до конечного потребителя и оставались на оп-

товых складах оптовых торговцев и у производителей. Нехватка ликвидности не позволила рыночным агентам довести товары по всей цепочки от производителя до конечных потребителей.

Кризис был взвешен колоссальным биржевым крахом в США в ноябре 1929 года. Началось непрерывное и резкое падение курсов акций. Попытки крупных банков уже не могло длительно сдерживать это падение. За всю предшествующую мировую историю не регистрировалось такое падение. Так, в период кризиса в США падение индексов курсов акций в 1873–1877 гг. составило 40,0%, в 1881–1884 уже 41,1%, в 1893–44,4%, в 1901–1903 гг. падение было 42,9%, в 1907 году – 40,4%, в 1919–1921 гг. падение индексов составило 41,2%. Абсолютный рекорд принадлежал кризису 1929–1932 годов. Падение индексов курсовой стоимости акций достигло 87,4% [35, с. 48].

Причиной столь резкого падения курсов акций явилось не только глубина промышленного кризиса, который сделал убыточными и обанкротил бесчисленное количество предприятий, но и то обстоятельство, что курсы акций, в особенности в АША, были предельно вздуты игроками в результате спекуляций. Эти спекулятивно вздутие акции, в свою очередь, стали следствием постоянного избытка ссудного капитала, а также следствием трудностей доступа капитала у бизнеса. Эти трудности были особенно значимы для предприятий малого и среднего бизнеса, так как минимальные размеры капитала, необходимые для создания нового конкурентоспособного предприятия, все расширяются вследствие прогрессирующей концентрации. Монополии создавали большие трудности для возникновения новых предприятий. Для предприятий малого бизнеса оставался только один выбор — либо использовать свой капитал при очень низком проценте ссудного капитала, либо попытаться зарабатывать на спекулятивных инвестициях в акции.

Колоссальный крах курсов акций, в конечном счете, позволил крупным игрокам из числа финансовой олигархии экспроприировать их у множества владельцев и скупить по предельно низким ценам акции тех компаний, которые заслуживали их внимание.

Несмотря на глубину промышленного кризиса и колоссальный биржевой крах, тем не менее, в меньшей степени затронуло кредитно-

денежную систему. В первые годы кризиса не отмечалось массового изъятия вкладов из банков, а также из системы сберегательных касс. Официальные учетные ставки центральных банков во время кризиса оставались низкими, однако кредиты по этим ставкам могли получить только ограниченное количество крупных предприятий, которые сохранили свою кредитоспособность. Можно констатировать, что предшествовавший кризису хронический избыток ссудного капитала, быстрое высвобождение денег из обращения вследствие резкого падения цен и свертывания производства и товарооборота препятствовали возникновению новой денежной паники, которая имела место при прежних кризисах.

Невиданная ранее глубина кризиса привела к краху многие крупные предприятия и крупные банки, вызвала потрясения банковской и кредитной систем в ряде других стран. Однако если прежде банковские крахи разыгryвались уже в начале кризиса, то в кризисе 1929 г. они произошли с большим запозданием: в Германии — летом 1931 г., в США — весной 1933 г.

Крах банковской системы наступил тогда, когда была пройдена низшая точка кризиса в промышленности. Причинами этого запоздалого явления было срашивание промышленного и банковского капитала в финансовый капитал, а также доминирование в политике финансовой олигархии. В то время как в домонополистических период заинтересованность банков в положении своих должников определялась суммами относительно небольшими по сравнению с собственными ресурсами банков. Одновременно банки располагали специальными гарантиями, в результате банкротства предприятий их меньше занимало. В период же кризиса 1929 года коммерческие банки были связаны с крупным капиталом. Поэтому банковский сектор делал максимально возможное для того, чтобы сохранить от банкротства крупные предприятия, отсрочив наступление кредитного кризиса ценой колоссального его углубления. В результате в период кризиса не устояли такие крупные банки, как например, Darmstädter Bank, Deutsche Bank, Крейгер и др.

Развитие кредитной задолженности и кредитного кризиса находилось в тесной связи с обесцениванием валют, с потерей ими покупательной способности. Это громадное падение цен сделало невыносимым бремя задолженно-

сти. Выход был либо в общем отказе от платежей, т.е. в массовом банкротстве, либо в снижении реального бремени задолженности посредством обесценивания валют при сохранении номинальной суммы долга.

Непосредственный толчок к обесцениванию валют дали следующие факторы. В аграрных странах это был недостаток мировых платежных средств, в Англии — значительный отлив золота; а США — охвативший всю страну банковских кризис; во Франции — внешнеторговый и бюджетный факторы. Однако, как показывают исследования, действительной причиной обесценивания валют было повсеместное невыносимое более бремя задолженности на всех уровнях: частной, государственной, муниципальной вследствие огромного падения цен. И после длительных дискуссий и экспериментов все страны были вынуждены обесценить свои валюты. В тех странах, которые поддерживали прежнюю покупательную способность своих валют, произошло скрытое обесценивание, как, например, в Германии. Здесь деньги перестали использоваться во внешнеэкономических расчетах, а если они и привлекались для этого, то только при значительных дизажио в свободном обращении за границей, поскольку оно вообще существует.

Это дизажио (от итал. *disaggio* — затруднение) проявлялось в частности в отклонении официального курса валюты в сторону понижения от фактически складывающегося на свободном рынке. Это всеобщее обесценивание основных валют стало качественно новым явлением в кризисе 1929 года, чего не знали в предшествующих этому исторически пройденных периодах. Можно утверждать, что это обесценивание в первый послевоенный период было непосредственным следствием мировой войны.

Между глубиной кредитно-денежного кризиса и обесцениванием валют существовала следующая связь. В тех странах, где обесценивание валют произошло ранее, например, в Англии и Японии, этот кредитно-денежный кризис был менее острым. В Англии ни один из крупных банков не находился под угрозой банкротства. В тех же странах, которые до последнего удерживали золотой паритет, как, например, в США и Германии, этот кризис протекал в особо жестких и острых формах.

В тесной связи с падением цен и валютным кризисом стоит почти всеобщее прекращение международных платежей, что стало еще одной специфической особенностью кризиса 1929 года. В результате резкого падения цен стало невыносимым не только бремя внутренней задолженности, но и внешней. Выручки от экспорта при низких ценах и сократившегося объема вывозимых товаров, особенно у аграрных стран, стало не хватать для выплаты процентов и текущей амортизации внешних долгов.

Как только незначительные золотые запасы оказались исчерпанными, прекращение платежей становится необходимым и неизбежным. Кризис смел все системы регулирования военных долгов в соответствии с планом Юнга, систему соглашений о межсоюзнических долгах. Международная кредитная система была глубоко потрясена. Это привело к почти полному сокращению экспорта капитала, что в свою очередь углубляло падение мировой торговли [35, с. 48–52].

Сейчас можно в большой долей уверенности констатировать, что ситуация в последние годы претерпела самые серьёзные изменения на денежных рынках. С одной стороны, нуждается в объяснении сам факт существования громадных резервов наличности, которые были вброшены в национальные экономики на борьбу с кризисом. Эти суммы, например, в США в 2007–2008 годах в своей совокупности уже перешагнули в долларах 4 триллионный рубеж. Если они есть результат сбережений, то не может ли это рассматриваться как итог политики экономии, в том числе и за счет искусственного сдерживания совокупного спроса, когда последний продолжал рассматриваться как эффективный инструмент в сдерживании инфляции? Либо «парадокс бережливости» в национальных экономиках перестал быть актуальным?

В конечном счете, можно допустить даже с учетом эффекта мультипликации кредита, денег, депозитов, что, не обладая в силу современной специфики возможностью обеспечивать равновесие на денежных рынках, монетарные власти фактически перенесли акценты в своей денежно-кредитной и фискальной политиках на снятие барьеров, трудностей в осуществлении трансакций в национальных экономиках.

Власти скорее более обостренно воспринимали потребности бизнеса в его стремлении иметь допуск к ликвидности, финансированию государственных расходов, а не на борьбу с инфляцией. Сбережения в сфере государственных финансов для страны, желающей приблизиться к открытым финансовым рынкам, направляются на мировые финансовые рынки. Однако там они опять же обязаны трансформироваться в ликвидность, с тем, чтобы покрывать потребности в ликвидности уже иных стран. В результате громадные сбережения, которые обеспечила Россия в последние три-пять лет, с одной стороны угнетающие действовали на национальную экономику, а с другой стороны, служили стимулом для остального мирового экономического сообщества.

Но инфляционные процессы, тем не менее, в России имели место быть, и каждый год можно отмечать результат превышения темпов инфляции над прогнозами в бюджетных параметрах. Как мы полагаем, проблема опять же сводится к реализуемым моделям потребного количества денежной массы в экономике России. Даже если некоторые теоретики усматривают причины инфляции не в монетарных факторах, а в сфере производства, издержек (инфляция предложения, например), тем не менее, это не исключает роль и место монетарных факторов в переполнении каналов денежного обращения денежными знаками, а скорее дополняет, являясь их конъюнкцией. Если факторы инфляции явно имеют немонетарную природу, то противодействовать общему уровню роста цен монетарными факторами, воздействуя на количество потребной для экономики доступной ликвидности, не может привести к положительным целевым ориентирам. Скорее ситуация в экономике может ухудшиться.

Безнадёжность стараний монетарных властей России в их борьбе с инфляцией можно проследить на следующей модели. В качестве исходных положений следует принять очевидные и тяжело отрицаемые положения, характерные для российской экономической системы в середине нынешнего десятилетия. Чтобы результат был максимально очищен от некоторых усложнений, будем придерживаться следующих постулатов, находящихся в концепции логики К. Маркса. Российская экономика в последние годы была эконо-

мика, ориентированной на извлечение ренты, которая образуется в результате редкости природного ресурса, а именно, нефти, нефтепродуктов, природного газа. Стоимость извлечённого, переработанного, облагороженного продукта будет включать в себя стоимость потребленных средств производства, или постоянного капитала (C), величину стоимости переменного капитала (V) и величину прибавочной стоимости (m).

В результате совокупный общественный продукт будет равен:

$$СОП = C + V + m;$$

Стоимость потреблённых средств производства и стоимость рабочей силы обслуживаются оборотом денежной массы, которая имеет место у экономических субъектов. Допустим, что в этот исходный момент времени на рынке денег имеет место равновесие спроса на ликвидность и ее предложение. Можно одновременно предположить, что имеет место равновесие и на рынках инвестиций, т.е. финансовые потребности в инвестициях покрываются внутренними или внешними сбережениями ($I = S$). Другими словами, каждой комбинации цены денежных ресурсов (процентной ставки(i) и национального дохода(Y) соответствует одно состояние на рынках денег и инвестиций, где они равны. Это состояние может быть представлено равновесием $IS = LM$.

Если товар реализуется на внешнем рынке с высокой добавленной стоимостью по высоким мировым ценам, например, за доллары, а выручка в соответствии с контрактом поступает назад в Россию, то экспортер продает Центральному Банку валюту, например, в форме определенной доли обязательной продажи, либо по иным основаниям. Хотя ситуация не меняется принципиально, если обмен валюты на рубли осуществляется на рынке Forex. Но Центральный банк, являясь эмитентом денег, не имеет иных инструментов, которые он мог бы предложить в обмен на валюту, кроме рублей. Это происходит уже на следующем этапе. Поддерживая валютный курс в определенных заранее запланированных пределах в соответствии с первоначальными целевыми установками, Центральный банк не может не обменивать рубли на валюту, формируя тем самым золотовалютные резервы.

Однако если первые составляющие в модели СОП вполне естественны и не нарушают денежного равновесия, то прибыль от продажи, например нефти, природного газа, представляет весьма существенную долю. В результате экономика наполняется денежными знаками. Все происходит в полном соответствии с моделью А. Маршала, когда предложение денег должно соответствовать той части богатства в масштабах национальной экономики, которая буде представлена в высоколиквидной части, например, валютных запасах.

Однако для ее конвертации нужна национальная денежная единица, т.е. рубль. Вливание в результате вынужденной валютной интервенции рублевой массы будет иметь только одно следствие, а именно, рост рублевой денежной массы. В результате объем дохода будет складываться в обществе из двух составляющих, стоимости потребленных средств производства, части вновь созданной стоимости работниками в национальной экономике и стоимости, которая материализуется природной рентой. Не имеет здесь большого значения в плане рассмотрения последствий на состояние денежного рынка и темпы инфляции, организация потока ренты. Остается ли она в руках экспортёра в большей или меньшей части, или она перераспределяется между экспортёром и государством, или изымается последним в полной мере, уже для специфики рассматриваемой проблемы роли не играет. Сохраняющиеся объемы производства требуют больших объемов денежной массы, так как возрос общий товарооборот.

Фактически это стало возможным потому, что произошла реструктуризация национального богатства страны в пользу ее ликвидной части. Нефть в земле абсолютно неликвидный товар, её добыча и транспортировка к потребителю придает ей признак возросшей ликвидности. Это связано с издержками на всем пути ее к потребителю, например, нефтехимическим промышленным заводам. Она продолжает оставаться нефтью до самого последнего момента. Поэтому все издержки на ее поставку и продажу по рыночной цене есть не только издержки промышленности, транспорта, но и издержки возрастаания ликвидности, которую она приобретает, а, следовательно, должна быть обеспечена и абсолютной ликвидностью в последующих трансакциях.

Прибыль в этом случае приобретает форму разницы в ценах неликвидных природных запасов, рыночной цены ликвидного товара в форме добытой и поставленной той же самой нефти и уменьшенной на величину издержек производства, доставки, иных обязательных платежей. Эта положительная разница для своей конвертации требует ликвидности, и денежно-кредитная система страны её поставляет. Следовательно, чем выше эффективность, тем ощущается большая потребность в дополнительном объеме обращающейся в национальной экономике денежной массы.

Вторая сторона этого процесса раскрывается в том положении, что российские нефтегазовые компании, осуществляющие добычу, транспортировку и реализацию энергоносителей, получают громадные прибыли в возросшей добавленной стоимости в соответствии с реализуемой экономической политикой правительства. Доля дохода, которая падает на заработную плату существенно ниже, чем в других отраслях национального хозяйства. Но если правительства не желает допустить неизбежной инфляции в соответствии с ранее описанным механизмом, то при громадном положительном балансе страны у правительства уже не остается иного выхода, кроме того, как не оставить часть выручки за границей. Поэтому, политика, которая первоначально не могла быть оценена в иных терминах, кроме как некомпетентная, уже получает свое трактование как необходимая, а, следовательно, разумная. Все как бы укладывается в известную формулу Г.В.Ф. Гегеля, утверждавшего, что все разумное — действительно. Но когда мы начинаем осознавать, что эта действительность уже не вписывается в границы рационального, а сама действительность не достаточно разумна, то следует сделать вывод о том, что необходимо учесть истинные смыслы происходящего в российской экономике. Государству уже ничего не остается, кроме того, как размещать свои резервы за рубежом, не давая им поступить в Россию. Мы начинаем удовлетворять спрос на деньги в иных государствах, что могут себе позволять далеко не бедные в экономическом отношении страны.

Но природа современных денег такова, что как знаки стоимости, будучи эмитированы, уже не могут покинуть эту сферу, находясь в форме депо-

зитных денег. Их использование в результате перехода в руки инвесторов не позволяет покинуть им сферу денежного обращения.

Поэтому, безусловно, был прав Дж. М. Кейнс, когда предлагал подорвать склонность экономических агентов к сбережению, используя для этого механизм обесценивания денежной массы в держателей ликвидности. Но это могло иметь место только тогда, когда в экономику могла вбрасываться ликвидность вне связи с потенциалом, которым располагали правительства. Бумажно-денежная эмиссия самым удовлетворительным образом решала эту проблемную задачу.

Однако на следующем этапе наступивший момент истины приводил экономистов и политиков к выводу, что частично потерявшими свою покупательную способность денег их номинального количества уже стало не хватать. Вся нация понесла издержки от этой политики, расплатившись за осуществленное правительством автономное инвестирование своих проектов. Эти издержки понесли держатели ликвидности, получатели бюджетных трансфертов, а также представители бизнеса, цены, на конечную продукцию которых выросли в среднем ниже, чем показатель уровня инфляции в обществе.

Правда, центральные банки могут временно связывать эту денежную массу, эмитирую свои обязательства. Однако это скорее имеет эффект на краткосрочных периодах. В долгосрочном же периоде возможны следующие сценарии.

Первое, страна не накапливает денежные знаки стран импортирующих отечественную продукцию, а приобретает на внешних рынках товары производственного назначения или потребительские товары. В этом случае нет причин для инфляции, наоборот, для внутреннего рынка потребуется отечественная валюта в больших объемах, чтобы обеспечить её реализацию.

Второй сценарий, страна начинает накапливать золотовалютные страховые резервы. Так как эта выручка не трансформировалась в денежную массу, то ситуация в основном остается как и прежде на денежных рынках.

Третий сценарий состоит в том, что экспортёры нуждаются в рублях, и обменивают валюту на рубли. Центральный банк покупает валюту и вбрасы-

вает в экономику эквивалентную по величине объем денежной массы. В результате объем ликвидности в экономике возрастает. Но товарный рынок остается *ceteris paribus* с сохранившимся объемом товарной массы и услуг. Равновесие на рынке денег нарушается и восстанавливается в результате обесценивания отечественной валюты, ибо кассовые остатки будут прежними, т.е. $M / P = \text{сохраняющейся величине}$.

Однако это одновременно будет означать и обесценивание ранее накопленного имущества в ликвидной форме на эту обесцененную величину, что иногда называют «налогом на деньги». Более того, все получающие аннуитеты, фиксированные доходы в форме заработной платы теряют свое имущество, в том числе в силу обесценивания стоимости постоянных доходов. Это даёт возможность сформулировать по аналогии с парадоксом бережливости Кейнса «парадокс богатства». Чем более богатым становится государство за счет экспорта продукции высокоэффективных отраслей, либо роста эффективности отдельных отраслей экономики, то тем больше при прочих равных условиях извлекается реального дохода у населения.

Таким образом, проблема требуемого количества денег в экономике сводится не к поддержанию равновесия на денежных рынках, а к поддержанию равновесия на товарных и денежных рынках. Полученная взросшая денежная масса должна стать стимулом развития реального сектора экономики. Еще перераспределение через бюджетную систему и внебюджетные фонды не приводит уже по определению к укреплению богатства населения страны. Эти меры следует скорее рассматривать как некоторую «иллюзию повышения благосостояния». Полученные трансферты будут съедены инфляцией уже до получения компенсаций.

Это одновременно дает нам некоторые основания утверждать, что именно сейчас в разгар финансового кризиса, для борьбы с которым были выброшены громадные суммы, произойдет столь же громадное перераспределение собственности в обществе. И хотя кризис несет в себе и некоторые очистительные элементы, основной ресурс будет получен за счет основной массы населения, обесценив их как сбережения, так и будущие трансферты.

Говоря о теоретических предпосылках современного финансового кризиса, следует понять, что это есть кризис ликвидности в национальных экономиках и мировой финансово-кредитной системы в целом. Его теоретическое понимание уже не укладывается в концепции прежних экономических школ и теоретических воззрений.

ПРОБЛЕМА МИРОВЫХ ПЛАТЁЖНЫХ СРЕДСТВ

Если бумажные деньги какой-либо страны, которые, будучи знаками стоимости, начинают восприниматься мировым экономическим сообществом в качестве мировых платежных средств, как средство сохранения ценности, национального богатства, то естественна и логически понятна ситуация, когда мировое сообщество этот очередной симулякр воспринимает на веру в качестве действительных ценностей. Эмиссия центральными банками своей валюты, на которую другие государства обнаруживают спрос как на резервы становится весьма прибыльным национальным бизнесом. И так как все бумажных деньги потеряли, утратили связь с реальными ценностями, выполняющих функции покрытия этих страховых резервов в виде банкнот, то функция мнимого покрытия начинает переходить к различному роду фиктивным ценностям, как-то долговым ценным бумагам, эмитированным на основании других долговых ценных бумаг. Если первые долговые ценные бумаги, эмитированные на основе реальных товарных ценностях, можно было рассматривать как процесс первичной секьюритизации, то в настоящее время в качестве покрытия последующих эмиссий банкнот стали эмитироваться производные долговые ценные бумаги. Поэтому далеко не случайно процесс формирования «кредитного пузыря» (credit bubble) в 2007-2008гг., обусловлен громадным ростом мировой или глобальной ликвидности, который эксперты охарактеризовали как «первый кризис секьюритизации».(45, с.4)

Его источники следует видеть в злоупотреблении монетарными властями государств, эмитировавших свои национальные валюты, для удовлетворения спроса мирового экономического сообщества преследуя свои узко национальные интересы, реализуя при этом элементы оппортунистического пове-

дения, недальновидной и теоретически не выверенной финансово-кредитной национальной политики других членов единого мирового экономического сообщества. Так прошел практически незамеченным тот факт, что коммерческие банки, которые прежде были основными финансово-кредитными посредниками, уступили свое лидерство посредникам на финансовых рынках. Основные участники финансовых рынков утратили прозрачность финансовых операций в результате неконтролируемых операций манипуляций с финансовыми инструментами, когда последние, придавая видимость операциям с реальными ценностями, стали самовоспроизводиться в прежде неизвестных объемах и разновидностях. Реструктуризация, объединение, дробление долга, выпуск под эти процедуры новых синтетических финансовых инструментов внешне создавало эффект страхования рисков. Однако в основе всей этой мировой финансово-кредитной пирамиды оставались непокрытые, в конечном счете, первичные финансовые активы, либо ничтожно малая доля покрытия реальными ценностями, например, залог недвижимости, т.е. ипотека.

В итоге действительно в эпоху глобализации финансовых рынков эта национальная по происхождению задолженность трансформировалась в глобальную финансово-кредитную задолженность. Попытки установить некоторые пределы, смоделировать процессы нарастания глобальной задолженности и риски неизбежно наталкивались на непреодолимое затруднение. Связь этих финансовых инструментов могла осуществляться только посредством мирового платежного средства, в котором была выражена эта задолженность. Само это платежное средство уже давно утратило связь с миром реальных ценностей. Все покоилось денежных знаках, эмитированных и воспринимаемых на декреции и федуции. Но если для национальных экономик, которые эмитировали мировые платежные средства, декреция представляла и представляет существенный признак, то для остального мирового сообщества она лишено всякого практического смысла. Наполняя национальные экономики денежными знаками, связь с «золотыми якорями» или «якорями товарных ценностей» была безнадежно утрачена, государства вольно или невольно облагали как граждан своей страны, так и мировое сообщество некоторым «налогом на деньги», мировым сеньоражем. Это не могло не приводить к нарастанию

признака качества дешевых денег. Дешевые деньги есть одновременно вторая сторона этого денежного феномена в форме «дешёвых кредитов», ибо кредит есть долг, долг есть деньги.

Поэтому следствием такой «недальновидной» для всего остального мира, но предельно эгоистичной национальной финансово-кредитной политики США стала ситуация, которая привела к мировому финансовому кризису, который, как было отмечено ранее, следует понимать как кризис глобальной секьюритизации мировой задолженности. Но глобальная мировая задолженность, выраженная в необеспеченных в громадных размерах ценных бумагах, объективно требует покрытия реальными активами и покрытия абсолютно ликвидными активами, т.е. требует обеспечения глобальной ликвидностью. Теоретически можно было бы согласиться с тем, что этот понятие не нулевое, т.е. оно отражает реально имеющееся содержание, имеет определенный объем, или денотат. Но это имело бы определенное значение только при условии, что государство, которое эмитирует мировое платежное средство, выражает интересы всеобщности, а не проводит свою узко эгоистичную финансово-кредитную и монетарную политику. Здесь уже отсутствует не только признак декреции, но и признак федуции. Следовательно, становится теоретически невозможным определить даже методологические подходы к пониманию глобальной ликвидности в мировой экономике, когда каждая страна в первую очередь преследует свои национальные интересы. Понятие «глобальная ликвидность» имело место быть в качестве содержательного понятия в эпоху хождения в качестве мировых денег монетарного золота, или золото-девизного стандарта. Однако это время ушло безвозвратно со своими простыми финансовыми, кредитными и монетарными инструментами. В настоящее время, как свидетельствуют оценки «Independent Strategy», величина задолженности всех видов только в США на 2006г. примерно в 52 раза превысила объём денежной базы. Безусловно, это потребовало огромного размера потребности в ликвидных активах. Но даже наполнение этой денежной массой мирового экономического сообщества в кризисный период оказалось недостаточной. Финансовый рынок не только потерял связь с товарными рынками, но стал непропорционально огромен, непрозрачен, подвижен и волатилен. Ситуация

на мировых финансовых рынках компенсируя недостаток утраченной в результате подобной политики фидуции пытался обрести доверие к своим участникам, финансовым инструментам путем еще большего вливания ликвидности в мировую экономику.

Теоретически было бы также логичным поведение органов финансовой власти США и других стран, если бы последние в целях борьбы с разросшейся непропорционально задолженностью стали осуществлять кредитную рестрикцию, как это имело место накануне Великой депрессии в США. Однако наученные негативным опытом, а также исходя из иных теоретических посылок власти стали осуществлять диаметрально противоположную монетарную политику. В экономику стран стали вбрасывать ликвидность в масштабах соизмеримыми с национальными бюджетами. Это подкрепило ожидания участников рынка, что финансовый долг стал утрачивать ранее устанавливаемые ограничения и фиксации прежних номиналов долга. Сформировался механизм погашения «прежних» долгов новыми заимствованиями с использованием изощренных финансовых инструментов, например, CDS (credit default swaps). В результате процесс формирования все в большей мере долговых «пузырей», получив подкрепление в интенсивно наращиваемой ликвидности, стал процессом самовоспроизводящимся со снятыми предельными ограничениями со стороны финансовых структур стран. Но так как долг с одной стороны есть обязательство погасить его ликвидностью, а с другой стороны, долг есть кредит, то последний объективно требовал обеспечения этой все возрастающей ликвидности со стороны монетарных властей. В результате, если смоделировать этот процесс в системе национальной экономики, то мы можем обнаружить появление и доминировании положительных связей между наращением долга и возрастанием объемов ликвидности. Система становится неустойчивой в результате доминирования положительных связей, которые разгоняют систему, и ведет ее к кризису. Теоретически этот процесс может получить удовлетворительное описание в математической модели теории катастроф.

Тот момент и состояние системы, когда она теряет устойчивость, в теории называют катастрофой. Для последней характерно скачкообразное измене-

нение, возникающее при плавном изменении внешних условий. Математическая теория, анализирующая поведение нелинейных динамических систем при малом изменении параметров описывается моделью катастроф. Быстрое расхождение двух близких в начальный момент времени показателей изменений системы означает очень большую чувствительность решений к малому изменению начальных условий. Этим обусловлена большая трудность или даже невозможность долгосрочного прогноза поведения нелинейных динамических систем, к которым есть все основания отнести и теорию современных финансовых рынков.

Теория катастроф определяет область существования различных структур, границы их устойчивости. Для изучения же динамики систем необходимо знать, каким именно образом новые решения уравнений теряют свои связи с аналогиями от известных ранее решений. В реальных условиях при углублении неравновесности в открытой системе возникает определенная последовательность бифуркаций, сопровождающаяся сменой структур. Типичным примером такого сценария является развитие процесса самовоспроизведения глобальной задолженности. Состояние системы в момент бифуркации является неустойчивым и бесконечно малое воздействие может привести к выбору дальнейшего пути.

Финальным состоянием эволюционирующих физических систем является состояние катастроф с последующим наступлением хаоса. Новая система уже будет создаваться исходя из состояния хаоса, т.е. порядка из хаоса.

Современную глобальную финансовую систему можно представить как систему с большим количеством вводных импульсов, параметры которых способны в современном состоянии этой финансовой системы приводить в неуправляемому критическому состоянию. Поведение монетарных властей и политиков в национальных образованиях, обнаруживающих оппортунистическим тенденциям относительно уже всех глобального финансово-экономического сообщества формирует признаки так называемой самоорганизованной критичности, которая, в конечном счете, приведет к разрушению системы, которая сформировалась на этих основаниях.

Данное явление в макроэкономике иногда квалифицируют как процесс акселерации, хотя последний обычно связывают с именем Дж. М. Кейнса, который собственно и ввел в научный оборот данный термин. Акселератор (от англ. *accelerator*) понимается с одной стороны, как показатель изменения требуемого объема инвестиций, возникающий при изменении потребительского спроса на продукцию, которая была выпущена в результате этих индуцированных инвестиций. С другой стороны, акселератор можно рассматривать как показатель в уравнении, отражающем зависимость эндогенной переменной, в нашем случае это самовозрастающий долг, от возросшей экзогенно денежной базы, которая позволила сформировать в обществе очередной финансовый симулякр. А так как все эти инструменты, начиная с денежной базы, потеряли связь с миром реальных ценностей, то амплитуда колебаний размера производных финансовых инструментов, отражающих кредитно-долговые взаимоотношения, в зависимости от изменения эндогенного параметра денежной массы, стала возрастать, превышая ранее известных показатели. Эта модель акселератора долга уже не носит пропорционального характера, она скорее, как свидетельствуют последние исследования, может быть более адекватно выражена нелинейной функциональной моделью.

Момент истины наступает на некоторых граничных пунктах, когда глобально выросшая финансовая задолженность на основе избыточной ликвидности одного из мощных государств, например, США, уже потребует погашения. И хотя ликвидности было эмитировано в больших объемах, тем не менее, в результате раздувания и самовоспроизведения кредита и инструментов его обслуживающих, доминирования положительных связей, этой ликвидности на коэффициент акселерации стало недостаточно. Разросшиеся размеры финансового долга во всех его формах требуют теперь и огромных размеров ликвидности, которая уже никогда не может обеспечить в качестве покрытия. Инвесторы различных мастей теперь уже будут пытаться изменить свою политику и поведение, предъявляя спрос на ликвидность.

Длинные позиции в массовом порядке уступают свое место в поведении инвесторов на короткие позиции, тем самым, обеспечивая большую защиту своего имущества в форме симулякра — долга. Поэтому, как отмечает А.

Смирнов, происходит вырождение рынка денег и долгов, поскольку конечные объемы ликвидности не могут монетизировать глобально выросшую задолженность. Это вырождение, которое называют перколацией, предопределяет, предвосхищает наступление кризиса погашения задолженности в объемах, которые превышают критические размеры ликвидности.

Так как функция нарастания глобальной задолженности имеет положительные корни, то теоретически этот процесс в модели не имеет пределов. Однако это уже не может увязываться ни со здравым смыслом, ни с практикой. Момент истины наступает тогда, когда этот рост начинает наталкиваться на возросшую осознаваемую опасность потери инвесторами своего имущества в форме требований реальных ценностей или, наконец, требований ликвидности. Другими словами, глобальный финансовый пузырь не может раздуваться до бесконечности и в неопределенном продолжительный период времени. Историческая практика свидетельствует об обратном. Самовоспроизводящиеся системы с положительными обратными связями неустойчивы и ведут к кризису. Если система на начальном этапе имеет достаточную финансово-прочность и независимость, то размеры возмущающих экзогенных воздействий на неё могут выдерживаться и система сохраняет свою устойчивость. Однако, если со временем это воспроизведение задолженности не может уже поглощаться элементами, которые ведут к рассеиванию этого разрушительного потенциала, когда диссипация в системе не перекрывает по своим результатам нарастание потенциала, то этот момент в развитии системы означает ее разрушение в форме катастрофы.

Существенным для модели катастроф то, что уже незначительные экзогенные возмущения способны вывести систему не только из состояния равновесия, но и из состояния ее прогнозируемого развития. Прежние модели развития системы уже утрачивают свою ценность, происходит качественное перерождение системы, она переходит в иное качество, с иной финансово-экономической природой.

Можно сделать вывод, что модель устойчивости по-Ляпунову есть одновременно и модель катастроф. Различие мы видим только в том важном для нас положении, что если для устойчивости системы было достаточно наход-

диться в некоторых граничных условиях, которые определяли состояние системы, то модель катастроф описывает процессы, когда эти условия по Ляпунову уже не выполняются.

РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В самом общем случае под термином «методы денежно-кредитной политики» понимают принятую в обществе совокупность приемов и операций, посредством которой субъекты денежно-кредитной политики, а именно: центральные банки как государственный, как правило, орган денежно-кредитного регулирования и коммерческие банки как «проводники» денежно-кредитной политики, осуществляют воздействие на сам объект регулирования — спрос и предложение ликвидности [55, с. 145].

Несмотря на национальное разнообразие, эти приёмы, методы, инструменты в основном обнаруживают свою общую природу. Другими словами, современная система методов денежно-кредитной политики обнаруживает при всем своем разнообразии некоторую общность в целях реализуемой денежно-кредитной политики.

В зависимости от наличия промежуточных звеньев на результат регулирования спроса и предложения денег эти методы можно различать как прямые, так и косвенные.

Прямые методы есть меры, осуществляемые законодательной и исполнительной ветвями власти в форме различного рода директив, в основном центральных банков, которые способны оказывать воздействие на предложение финансовых инструментов, денежной массы, либо вводить административные ограничения, которые непосредственно влияют на предпочтения субъектов денежного рынка уже со стороны спроса на эти активы, которые способны в той или иной степени осуществлять функции денег. Безусловно признание того положения, что основными субъектами осуществления денежно-кредитной политики в рыночных экономиках становятся центральные банки. Последние устанавливают лимиты роста кредитования или привлече-

ния депозитов, что дает им возможность осуществлять контроль над объемом ликвидности в обществе. Этот же результат достигается и установлением цены, как за привлечение депозитов, так и установления учетных ставок, платы за предоставление кредитов коммерческим банкам в иных принятых на финансовых рынках формах.

Эти методы и инструменты приводят к быстрым результатам, позволяя практически в предельно короткие сроки увеличивать предложение денег в обществе, а также непосредственно воздействовать на величину спроса.

Временные лаги при использовании прямых методов в реализации денежно-кредитной политики сокращаются, т.е. сокращается определенный период времени между моментом возникновения и осознания потребности в использовании той или иной меры в денежно-кредитной политики и получением желаемого результата. Поэтому вряд ли теоретически оправдано временной лаг связывать с периодом времени между моментом возникновения потребности в применении той или иной меры в сфере денежно-кредитной политики и осознания этой потребности, а также между осознанием потребности, выработкой мнения и началом реализации [45, с. 146]. В этом понимании и трактовании термина явно центр тяжести переносится на сферу понимания, осознания и началом процесса осуществления процедур денежно-кредитного регулирования, что несет в себе явно ограниченные возможности понимания экономического содержания этого процесса.

Господствующим в теории денег и кредита является положение о том, что со стороны предложения денег только один центральный банк является основным субъектом, который осуществляет денежнотворящую функцию. Однако это не соответствует ни истории возникновения депозитных денег, ни теории в ее форме капиталотворческой теории, ни практике. В эпоху хождения действительных денег центральные банки не выполняли тех функций, которые они выполняют в настоящее время. Если заглянуть еще глубже в историю, то мы не сможем обнаружить вообще центральных банков в национальных экономиках. Деньги «творились» частными предпринимателями и сохранялись «публикой», так как последние в таком состоянии были способны вы-

полнять функции сохранения богатства, олицетворять богатство в форме всеобщей формы стоимости.

В настоящее время эти деньги полностью вышли из обращения. На смену им пришли фидуциарные, бумажные деньги. Последние стали эмитироваться уже на основании долгов, которые создавались всеми активными участниками денежного рынка. Их доля в общем объёме денежной массы, как сам физический объём денежного агрегата $M1$ уже не мог быть жёстко привязан ни в выпускаемой товарно-денежной массы, ни к размерам покрытия их в валютах других стран, золотому запасу. В конечном счете, даже если все участники эмиссионного процесса увеличили номинально обращаемое количество денег в стране, но их реальное количество будет, тем не менее, относительно независимо от этого процесса воспроизводства денежных знаков. Увеличивающаяся в обществе потеря покупательной силы денег в обществе станет своего рода моментом истины этого процесса, а также понимания экономической природы денег. Номинальный размер денежной массы, скорректированной на индекс роста цен в обществе, даст нам, так называемый реальный кассовый остаток, который будет уже иметь размерность не в денежных единицах, а в совокупности возможно приобретаемой товарной ценности. Тем самым сам процесс эмиссии денежной массы в обществе со стороны института центрального банка не становится таким всемогущим и безграничным. Центральные банки могут эмитировать столько денег, сколько реально требуется национальной экономике как средство обмена. Если недостаточный объем эмиссии в любом случае ведёт к реализации политики рестрикции экономики, то ее избыточная денежная масса, решая функцию как средства обмена, облагает всех держателей денег, в том числе и потенциальных, своеобразным «налогом на деньги». А по поводу того, что предложение денег должно расти в определенных пределах ежегодно, весьма точно выразился Дж Тобин. «...Один знаменитый специалист в области денежной теории, более прямолинейный, чем многие его коллеги, соглашается с тем, что мы на самом деле не знаем, что такое деньги, но продолжает доказывать, что предложение денег, чем бы они ни были, должны регулярно расти темпом от 3 до 4 процентов в год» [51, с. 122, 123]. Как следует из контекста работы, речь

идёт о работах экономиста Е.С. Шоу, который излагал становление и развитие «новой точки зрения» на банковские деньги.

Предложение денег со стороны центральных банков становится производной величиной от спроса не только со стороны внутренних потребителей национальной ликвидности, но и со стороны спроса иностранных агентов. Это безусловно делает реальную картину еще более сложной и трудно прогнозируемой в своих последствиях. В этом случае «налогом на деньги, уже облагаются не только резиденты страны, но и весь остальной мир, которых обнаружил спрос на ликвидность и каким-то образом удовлетворил ее. Центральные банки, безусловно заинтересованы в развитии подобных тенденций, максимально выжимая из доверительных отношений остального мира к национальной валюте страны. Этот спрос имеет под собой определенные основания хотя бы уже по двум причинам. Валюта иностранного государства необходима для того, чтобы использовать ее в качестве мирового платежного средства, а во-вторых, нерезиденты могут использовать эту валюту в качестве страховых резервов либо в качестве средства сбережения своего богатства, если возникают опасения в потере покупательной способности своей национальной валюты.

Эта потребность еже не находит свое отражение в модели И. Фишера, ибо последнюю следует рассматривать как предельно упрощенную и концептуально бедную тавтологическую форму выражения соответствия спроса и предложения на ликвидность. Однако в этом случае за оппортунистическую политику национальных государств, чья валюта стала признаваться в качестве средства сбережения, накопления, либо в качестве мирового платежного средства. В этом случае резервы ликвидности бизнеса, домашних хозяйств, центральных банков страны дополняются уже резервами остального мира. Между этими резервами устанавливаются посредством огромного разнообразия современных финансовых инструментов сложные взаимосвязи, каналы перетока ликвидности, как в рамках национальной экономики, так и в рамках мировой финансовой системы. Объемы перемещаемых практически мгновенно финансовых ресурсов в настоящее время огромно и уже не может стать объектом регулирования какой-то одной страны, да и всего финансово-

экономического сообщества. Это становится уже фактором роста инфляции в рамках всего мирового сообщества. Но одна страна уже не в состоянии выработать и осуществить комплекс мер, которые могли бы быть признаны не только необходимыми, но и достаточными в реализации укрепления мировой финансово-кредитной системы. Инфляция становится неизбежным спутником современной мировой экономической системы. Более того, страны стали находить достаточно разумным такое поведение регулирующих монетарных органов, которое не ведет к укреплению национальной валюты. Это укрепление может косвенным образом свидетельствовать о том, что данная страна, если только она не реализует полити

ку автаркии, становится объектом изъятия национального богатства другими странами, которые проводят более адекватную монетарную политику. В этом случае страна начинает выплачивать «налог на деньги» но уже не своему национальному образованию, а мировой финансово-кредитной системе, которая экономически и финансово подконтрольна мировым финансовым центрам.

Если прежде представление о влиянии избыточной ликвидности на внутренний уровень цен в стране, не утверждая даже о влиянии мировой ликвидности на уровень национальных цен, было достаточно архаично, то в настоящее время монетарная теория сделала существенное продвижение в данном вопросе. Пример первых был преподнесен в эпоху «великой европейской революции цен» в 16 веке, когда в Европу хлынул огромный, не контролируемый никем в своих объемах поток награбленного серебра и золота из Латинской Америки. Количество денег в обращении резко увеличилось, одновременно резко увеличивались на резервы. Но так закон денежного обращения поддерживался автоматически, то дешевеющая ликвидность автоматически потребовала большего количества денег, которое было необходимо для приобретения тех же самых товаров, но только в более ранние времена. Эта нашло своё отражение и в моделях соответствия денежной массы и товарного покрытия. Как отмечал по соответствующему поводу английский историограф Томас Мун: «Существует единое всеобщее мнение, что наличие боль-

шого количества денег в Королевстве делает английские товары дороже» [Цит. по: 22, с. 238].

В этой связи важно отметить факт, который никем не отрицается , более того стал довольно банальным суждением, что рост цен был обнаружен не только в Испании, куда хлынуло это дешевое относительно серебро и золото, но эта инфляционная волна стала в определенной периодичностью накатываться на остальной европейским мир. Как отмечают авторы, уже начиная с 1500 года уровень цен в Европе стал стремительно расти. За последующее столетие уровень цен повысился в 3-5 раза. Позднее эти инфляционные накаты на рынки ослабли , темпы инфляции снизились и относительно стабильные цены просуществовали до середины 18 века. И если первый скачек цен в Испании в самом начале 15 века не отразился так резко на ценах в Англии, то причину следует искать в инерционности прежних экономических систем. Интересным с научной точки зрения для нас становится иной вывод, к которому мы можем прийти в результате нестрогого умозаключения по аналогии. Так, революция цен в Англии не подняла все цены равным образом. Цены на продукты питания и продовольствие поднялись очень высоко, а цены на продукцию мануфактур, хотя также выросли, но уже не в той пропорции. Однако реальная заработная плата упала. Эти пропорции исследователи толкуют следующим образом. Падение реальной заработной платы они предлагают связывать с такими факторами, как рост населения в Англии, деятельностью Британского монетного двора, международными торговыми связями и т.д. Делается вывод, что ни реальный доход, ни скорость обращения денежной массы в продолжении революции цен 16 века не оставались неизменными величинами. Это дает основания отнести в разряд догматиков тех теоретиков, которые исходили из того, что поток дешевого серебра и золота Нового Света следует рассматривать в качестве основного фактора и основной причиной инфляции в истории мировой экономики.

Наше возражение против подобной категоричности в отнесении этих теоретиков-экономистов в разряд догматиков сводится к следующему. Ещё никто достаточно убедительно не показал, что именно рост скорости обращения денег сыграл в инфляционных процесса такую же роль, какую сыграл ог-

ромный поток золота и серебра. В период между 1500 и 1600 годами мировая экономика не обнаруживает прорывов, монетарных новаций в системах денежного обращения, появлении новых финансовых инструментов, влияние которых на мировую экономику было бы соразмерным вбросыванию дешевого золота и серебра из Нового Света.

Другое наше замечание сводится к следующему. Реализация антикризисных мер в практике борьбы с мировыми финансовыми кризисами, когда страны начинают вбрасывать в национальные экономики ликвидность, как к этому призывал нынешний глава ФРС США господин Бернанке в условиях финансового доминирования США на мировых финансовых рынках приводит в результате к перекачке этой ликвидности в качестве страховых резервов в национальные банки, переполнению резервами иностранной ликвидностью домашних хозяйств, бизнеса, коммерческими банками, центральными банками. Эти размеры иностранной ликвидности соразмерны прямым изъятиям национального богатства. В дальнейшем ликвидность облагается налогом на ликвидность и уже становится невозможным восстановить эквивалентность переданных ранее реальных ценностей в обмен на денежные знаки, на те реальные ценности, которые могут быть получены в результате обратных операций. Но так как конечным плательщиком налогов всегда оказывается население, домашние хозяйства, то это восстановление может быть осуществлено только за счет понижения альтернативных доходов. Реальная заработная плата в национальной экономике может обнаружить свое падение в результате подобной оппортунистической финансово-кредитной политики доминирующих в мировой экономике государств и недальновидной и непродуманной монетарной политики других государств, в частности России. Россия продолжает расплачиваться своим национальным богатством за теоретически не выверенную денежно-кредитную, финансовую и инвестиционную политику.

Так как осуществить учет всех параметров в модели И.Фишера становится невозможно в силу ее предельной простоты, а следовательно, бедности, то следует ее модифицировать, не отказываясь от нею принципиально. Так, учет абсолютных параметров в настоящее время вообще становится невозможным. Вряд ли кто вообще может сказать, какой реально объем обращаю-

щейся денежной массы в национальной экономике, если все же следует отде-лять деньги как деньги, деньги как капитал, и деньги как резервы у всех уча-стников денежного рынка. Однако если нельзя отслеживать эти абсолютные параметры, то следует тем не менее отслеживать последствия, которые могут наступать в результате всевозможного наступления противоположно оказы-вающих действие факторов. Этими последствиями, а одновременно па-раметрами могут стать и быть использованы в качестве индикаторов в осущест-влении денежно-кредитной политике центральных банков, правительства стран, относительные скорости изменения денежной массы, скорости обра-щения денежной массы, национального дохода и уровня инфляции. Таким образом, модель И.Фишера будет реанимирована и послужить в научных прогнозах более продуктивно, если она будет представлена в конечных при-ращениях. Поэтому следует признать в качестве заслуживающего большего внимания со стороны монетарных властей в государстве учитывать измене-ния в проведении денежной политики результатов вариаций темпов роста ко-личества денег, находящихся в обращении, а не изменениями их общего ко-личества в обращении. Тем более, как следует из ранее изложенного нами ра-нее, центральные банки практически лишены подобной возможности регули-ровать резервы платёжных средств, эмитированными ими ранее. Эти объемы в некоторой своей части уже впоследствии стали избыточными резервами коммерческих банков, резервами ликвидности бизнеса, домашних хозяйств, наконец, заграницы. Точно также весьма ограничены возможности монетар-ных властей регулировать скорость обращения платёжных средств. Эти па-раметры определяются внедрением современных банковских продуктов, нова-ций в банковской сфере и самом денежном обращении, внедрением новых денежных инструментов.

Поэтому и современное, а не догматическое, понимание монетаризма как школы, концепции экономической мысли, следует увязать не только на акцентировании внимания на изменениях в количестве денег, которые нахо-дятся в обращении, как определяющей функции цен, доходов и занятости. Следует дополнить эту концепцию внесением в монетарные модели скорости изменения количества денег в обращении, скорости обращения ликвидности,

наконец, той массы ликвидности, и которая находится в резервах домашних хозяйств, коммерческих и центральных банков. Необходимо расширить свои теоретические представления о механизмах изменения скорости обращения денег в национальных экономиках включением в модели факторов резервов, которые управляются более широким кругом субъектов.

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ

Если обратиться к модели обмена И. Фишера, то можно обнаружить прямую зависимость обращаемой денежной массы, которая обслуживает товарное обращение и объемом производство национального дохода. Если представить эту модель в приращениях, то эта зависимость будет отчетливо обнаруживаться. Это дает основание полагать, что объем денежной массы представляет собой один из важнейшим макроэкономических показателей. Со стороны качества этой зависимости проблем не возникает, но они неизбежно возникают, если мы задаемся себе целью раскрыть природу этого взаимоотношения и количественные параметры, определяющие эти пропорции. Лозунг монетаристов о том, что деньги имеют значение, возражений не вызывает, проблема опять же лежит в сфере меры этого значения и влияния. При этом остается нераскрытой и та сторона вопроса, которая лежит в определении направлению воздействия и влияния. Верно как то, что деньги оказывают влияние на рост товарооборота и экономический рост, так и та сторона вопроса, которая диаметрально противоположна первому вектору. Потребность в современных деньгах, которые призваны обслуживать товарное обращение само может стать функцией от аргумента потребностей товарного оборота.

Таким образом, мы имеем не модель простой функциональной линейной или иной зависимости экономического роста и потребностей товарооборота от приращений денежной массы, но и обратную зависимость. Изменение количества денег оказывает существенно значимое влияние на макроэкономическую среду, на реальный выпуск продукта, рост доходов, занятость,

общий уровень цен, сбалансированность бюджетов и т.д.

В последние годы были осуществлён ряд экономико-математических исследований по выявлению данных пропорций. Известен и математический аппарат, который позволяет получать результаты анализа влияния денежной массы и денежной политики на все стороны жизнедеятельности. В краткосрочном периоде в основном проводят на основе «подхода векторных автoregressий» (VAR approach), предложенного Симсом в 1970 г.

Проблема, тем не менее, видится в ином. История мировой цивилизации приводит другие последствия в экономическом росте некоторых стран как ответ на избыточное или недостаточное предложение денег. С одной стороны известны исторические факты, когда нехватка денег доводила до опустошения целые территории в средневековой Франции, Германии, Испании. Но с другой стороны избыточное предложение денег также негативно сказывалось на темпах экономического роста средневековых государств. На примере Испании был выведен термин «сырьевое проклятье», которое в современном токовании получил выражение «голландская болезнь». Начало заката прежде процветающей средневековой Испании началось с чрезмерного предложения монетарного серебра, которое буквально захлестнуло Испанию. Первоначально хлынувшее в Испанию серебро усилило Испанию и её двор. Затем последовала стадия привыкания к нему, затем стагнация производства и наконец, крах империи с потерей контроля над движением колониального капитала.

О масштабах избыточного предложения монетарного серебра говорит тот факт, что если в первой половине 16 века объём добычи серебра в Европе составлял около 90 тонн в год, то в последней четверти этого же столетия за счёт импорта серебра из Америки этот объём предложения составляет уже более 400 тонн в год. За столетие цены на пшеницу в Европе возросли в среднем в полтора раза, а в Испании в 5,5 раза. Как указывают источники, рост денежного предложения стимулировал рост занятости, рост номинальной заработной платы, но одновременно и рост цен на хлеб. В результате реальный уровень жизни испанцев сократился на 30%.

Схожий результат мы обнаруживаем и в развитии Голландии. Амстер-

дамские порты перерабатывали до 90% всех колониальных товаров, которые направлялись в Голландию и Италию. Однако от «ресурсного проклятия» по отношению к Испании в самой Голландии мы обнаруживаем схожие симптомы болезни, которая затем приобретет термин «голландская болезнь». Её специфика в том, что она развивается на общем фоне удачной конъюнктуры мировой торговли. Последовательные adeptы количественной теории денег объясняют падение и закат промышленного и торгового доминирования Нидерландов и начале 18 века именно избыточным предложением денег.

Дальнейший этап негативного воздействия избыточного предложения денег на экономический рост мы можем обнаружить в Англии, которая в 18 веке постепенно перехватывает колониальную торговлю и потоки золота и серебра из Америки. Еще в 17 веке несмотря на успехи в американских колониях экономика и население Англии росли весьма быстро. В этот период остро ощущалась нехватка монеты. Чтобы удовлетворить спрос на деньги около 3 тыс. купцов и лордов чеканили знаки серебреных и золотых денег из свинца. Вошло в практику обрезание монет, в результате чего средний вес монеты стал доходить до половины прежнего веса монеты. Как отмечают историки, денежное обращение пришло в беспорядок, нельзя было без спор что-то купить или продать.

Однако в дальнейшем в результате денежной реформы, в которой самое непосредственное участие принял Исаак Ньютон, монетное обращение было нормализовано. С 1698 по 1939 год монетный ряд Англии оставался неизменным, что служит беспрецедентным фактом стабильности денежного обращения.

Итак столкнувшись с нехваткой монетарного металла, Англия начинает доминировать в организации безналичных расчетов, кредитовании бизнеса. Объем банковских операций Англии в этот период превышал объемы операций банков всех остальных стран. Продолжительность рабочего дня доводится до 14–16 часов при шестидневной рабочей неделе. Внедряются современные для того времени машины, мануфактура постепенно вытесняется промышленностью.

В середине 19 столетия Британия меняет свою торговую и финансовую

политику в сторону не просто содействия сбыту английских товаров в колониях, но и в сторону развития отдельных промышленных и финансовых сторон материальной жизни страны. Упор стал делаться на производстве тех товаров, которые были в первую очередь необходимы самой Британии и которые не конкурируют с британскими товарами. Британия провозглашает тезис о необходимости глобализации, свободы труда, движения капитала, товаров и рабочей силы. Только спустя столетие этот вектор развития подхватят США.

Можно сделать вывод, что нехватка монетарного металла не помешала Англии занять лидирующие позиции. Одновременно последующие этапы можно охарактеризовать как времена британского предложения капитала, предоставление кредитов не только внутри страны, но и загранице. Это говорит об избыточности предложения денег. Однако Англия не скатилась в рецессию по причине избытка монетарного металла. Следовательно, как показывают исторические источники, влияние денежной массы на экономических рост в различных странах не может получить однозначной оценки, и вряд ли рецепты и инструменты «вертолетного Джо» (глава ФРС США г-н Б. Бернанке) могут послужить фактором экономического роста и процветания. Однако это совсем не означает, что рецепты и предлагаемые инструменты правительства США не могут быть эффективными, чтобы вывести экономику из кризиса.

Таким образом, мы можем обнаружить, что избыток или недостаток денег не может оказывать однозначного положительного или отрицательного влияния на экономический рост. В нашем анализе не могут быть приемлемы и формы анализа, которые либо сводятся к анализу с позиции своего времени (*sub specie temporis*) , либо в поисках «вечных истин» с позиции вечности (или *sub specie aeternitas*). В первом случае это приобретает актуальность уже по тому, что мы соотносим различные эпохи. В 16–17 веках обращались металлические действительные деньги. Последние выполняли функции сокровища и к ним люди вполне разумно относились как к реальному богатству. Следовательно, здесь уже не столько речь шла о роли денег на экономический рост и развитие национальных экономик, сколько о богатстве в форме денег как факторе экономического роста. Средневековые Испания, Португа-

лия, а затем и Голландия скорее относились к этим накоплениям в форме накопления денег как к конечной цели. Англия же максимально использовала их как средство для развития своей национальной экономики. Сложные явления, которые отражаются исследователями-историками, всегда являются результатом переплетения множества причинных цепочек, куда включаются как элементы случайного, так и необходимого. В результате эти экономико-исторические экскурсы не могут проверить никакую теорию. Но они при этом могут дать основания, соответствующую почву для дальнейшего углубленного анализа.

В этом отношении весьма важно правильно понимать и использовать методологическую посылку Дж. М. Кейнса об отношении к деньгам как к средству, или как к богатству, что порой составляет содержание конечной цели всякого производства и накопления. Это положение не следует относить только к отдельным личностям, домашним хозяйствам. Этот методологический посыл имеет отношение и к экономическому поведению нации, к выработке и осуществлению государством денежно-кредитной или налогово-бюджетной политик. Видимо, как денег, так и богатство не может быть ни много, ни мало вне рассмотрения роли самого индивида или нации к этому богатству. Последнее может служить как фактором развития, так и фактором загнивания, упадка. Богатство имеет значимость для экономического развития тогда, когда оно не соотносится исключительно как конечная цель, но и как средство. Поэтому здесь по аналогии вполне уместно применение и великого императива И. Канта об отношении к человеку как цели и как средству одновременно.

И если в условиях металлического обращения закон денежного обращения поддерживался автоматически в стихийном порядке, то это только подчеркивает нашу аргументацию, что богатство в форме денег уже не могло поддерживаться автоматически. Оно убывало в результате утраты желания расширенно воспроизводится за счет производственной, торговой, финансовой или иной хозяйственной деятельности. Но, достигнув определенного уровня, нация столкнулась уже с нехваткой богатства в форме денег, что лишило нацию возможностей осуществлять инвестиции и стимулировать эко-

номический рост. Национальная экономика сваливалась в длительную рецессию, выход из которой следовало бы находить в системе изыскания национальных возможностей и национальных преимуществ, которые во все времена носят ограниченный характер.

Политика же Англии была противоположна политике Испании. Она стала использовать поступающие в страну деньги как фактор дальнейшего развития, последовательно сменив политику жесткого протекционизма в отношении защиты своих товаров, на политику свободной торговли, политику фритредерства. Это удалось завоевать позднее лидирующие позиции в мануфактурном, а затем в индустриальном производстве товаров и завоевании мирового господства.

Если вести речь о деньгах как факторе экономического роста и развития в современных экономиках, то здесь ситуация существенно меняется. Этой проблемы посвящены многочисленные исследования, например, С. Кузнецца, У. Ростоу, Й. Шумпетера, Дьюценбери, П. Самуэльсона, Кобба, Дугласа, К. Маркса, А. Вагнера, Дж. Тобина, Дж. М. Кейнса, А. Льюиса, Дж. Фаэм, Г.Рейниса, Т. Дош Сантосом, Яна Тинбергена, Р. Констанца, К. Фольке, Дж. Хеллмана, П. Бауэра, Д. Дала, Ян Литла, Э. Пестель, Г. Джонсона, Б. Балаша, Джюлиан Саймон, Джагдиш Бхагвати, Энн Крюгера, Р. Харрода, Е. Домара , Солоу, М. Тодано, Денниса и Донеллы Медоуз и др.

Среди российских экономистов следует отметить работы В. Леонтьева, В. Иноземцева, С. Ануреева, О. Сухарева, В. Маевского, С. Глазьева, Ю. Ольсевич, Э. Райхлина, Е. Ясина и многих других экономистов. Даже беглый анализ основных исходных посылок в исследованиях, позволяет нам выделить их на две группы. Первая группа вообще не рассматривает деньги в качестве факторов экономического роста, либо делает это весьма опосредованно, а вторая группа уделяет им первостепенное внимание. Безусловна, нам представляют интерес именно вторая группа экономистов-теоретиков. И здесь мы будем в большей степени уделять свое внимание денежным факторам, а именно предложению денег, скорости обращения денег и равновесию на денежных рынках.

Милтон Фридмен и Анна Шварц к денежному предложению относят избыточные резервы в коммерческих банках, что вообще-то не есть деньги в строгом смысле этого понятия. Однако наш интерес сводится к тому, чтобы получить ответ на вопрос, каким образом деньги могут превратиться, реализовать себя в качестве фактора экономического роста. Этого ответа мы в этой модели не получаем. Хотя эта модель действительно позволяет оценить и проанализировать выводы относительно предложения денег на состояние денежной и банковской системы. Это предложение может быть увеличено путем покупки и монетизации золота, печатанием или чеканкой наличных для покрытия других правительственные расходов, включая покупку серебра, расширением кредита, предоставляемого ФРС посредством покупок у банков на открытом рынке ценных бумаг и банковских акцептов, или учетом векселей, предъявляемых банками-членами. Действия обратные уменьшают количество денег [49, с. 241, 242, 243].

Если речь вести о предложение денег, то следует ещё раз вернуться к работе М. Фридмана и А. Шварц, где они оценивают факторы, определяющие количество денег в обращении. Отмечается, что неравномерный рост количества денег в обращении определяется действием трех «непосредственных детерминантов», а именно:

- количеством денег высокой эффективности, под которым понимается количество наличных и депозитных обязательств ФРС США перед экономическими субъектами вне федерального правительства;
- отношением депозитов публики в коммерческих банках к остаткам наличных на руках у публики;
- отношением депозитов публики в коммерческих банках к совокупным резервам денег высокой эффективности в системе коммерческих банков.

Здесь следует заметить правоту Дж. Тобина, который заметил, что эта модель фактически есть простая арифметическая тавтология, поскольку вся денежная масса в форме абсолютной ликвидности денежного агрегата M_1 есть сумма наличных на руках у публики и депозиты публики в коммерческих банках.

Эти деньги, названные «деньгами высокой эффективности», действительно отличаются от остальных, менее ликвидных активов, создаются в результате расходов правительства, как побочный продукт экспорта США, либо как продукт обмена активами между центральным банком или правительством и коммерческими банками и публикой. В первых двух случаях эти деньги скорее отражают результат прироста частного чистого богатства, в последнем же случае этот прирост не связан с экономическим приростом национального богатства.

Данные рассуждения Дж. Тобина только подчеркивают ранее высказанную нами некорректность относительно прямолинейного толкования и понимания модели обмена И.Фишера. Деньги призваны обслуживать весь товарооборот независимо от того, вызвано это приростом национального богатства или необходимостью поддержания ликвидности его всевозможных активов, всего национального богатства в различных его формах, произведенных либо на ранних этапах, либо являющихся производными от основных активов.

А так как динамику последних операций, которые имеют место на финансовых рынках прогнозировать практически невозможно, то поддержание требуемого количества денег в обращении превращается в трудно разрешимую проблему. Диспропорции мы можем обнаружить только опосредовано в таких показателях, как динамика процентных ставок, темпы инфляции, динамика товарооборота, динамика ВВП, или по иным макроэкономическим индикаторам. Однако одновременно становится невозможным развести эти индикаторы по признакам следствия или причины. И здесь утверждение, что в долгосрочном периоде деньги есть не более чем вуаль, наброшенная на бартерные сделки, более чем уместно. Но то что справедливо в долгосрочной перспективе не всегда может быть уместным при рассмотрении в краткосрочном периоде.

Однако, как отмечает Дж. Тобин: «Никто, даже тот, кто крайне скептически относится к значимости денежных факторов, не будет удивлен, обнаружив достаточно тесную статистическую зависимость между ходом эконо-

мической активности и количеством денег. Другое дело, какая из этих двух переменной является определяющей, и какая — определяемой» [51, с. 259].

М. Фридман и А. Шварц тем не менее приводят данные о корреляционной связи сокращения количества денег и спадом деловой активности. Дополнительный фактор потери внешних рынков для продукции США могут способствовать как сокращению бизнеса, так и сокращению количества денег.

Известна двусторонняя зависимость между массой обращаемых денег и экономической активностью. Как отмечают они в работе, силы, детерминирующие долгосрочный темп роста реального дохода, по большей части независимы от долгосрочных темпов роста количества денег, пота и тот, и другой рост протекает равномерно. Но если денег становится уже заметной, то она сопровождается нестабильностью экономического роста. Поэтому изменения количества денег являются следствием тех же независимых факторов, которые вызывают изменения денежного дохода и цен. И это имеет место уже постольку, поскольку изменения количества денег произошли, и они оказали дальнейшее воздействие на доход и цены. Таким образом, между доходом и количеством денег существует взаимное воздействие, но деньги являются главным партнером на длинном отрезке времени.

Наконец М. Фридмен и А. Шварц дают свою интерпретацию денежной истории, которая удивительным образом не противоречила развернувшимся событиям в борьбе с мировым финансовым кризисом 2008—2010 годов. Обнаруживается не только статистическая связь между сокращением количеством денег и спадом деловой активности, но и делаются два важных дня выяснения наших теоретических проблем вывода. Первый заключается в том суждении, что, не допустив сокращения количества денег, можно не допустить спада деловой активности. Второй вывод состоит в рекомендации не предпринимать более ничего. Этих чисто монетарных факторов может быть достаточно [51, с. 259].

Если принимать во внимание исключительно монетарные факторы экономического роста, то следует эту проблему поставить наиболее категорично. Так, как это сделал Дж. Тобин. Относительно связи количества денег и дело-

вой активности проблема была сформулирована в форме трёх категорических суждений:

- деньги не имеют значения;
- деньги имеют значение наряду с другими факторами;
- только деньги имеют значение.

Здесь следует принимать во внимание, что суждение первое уже не может быть принято нами, так как это противоречит всей исторической практике. Второе суждение может быть сведено к третьему, если исследователь будет предварять последний результат. Однако последний тезис также не может быть принят практиками в их реализации денежно-кредитной политики уже потому, что здесь *a priori* предполагается, что деньги есть некоторая цель, что только цель может претендовать на конечный результат. Однако это уже противоречит всему ранее изложенному и написанному в этой области ранее. Следовательно, наш вывод будет сформулирован в следующей форме. Деньги имеют значение для стимулирования экономической активности наряду с другими факторами, действие которых не может быть определено однозначно в зависимости от времени воздействия, глубины имеющихся экономических проблем и иных потенциальных социально-экономических возмущений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*«Не всякий конец есть достижение цели.
Конец мелодии не есть ее цель, и тем не менее
мелодия, не доходя до конца не достигает своей цели.*

Ф. Ницше «Странник и его тень»

Если применить эту известную мысль Ф.Ницше к нашему исследованию, то в заключении этой работы уместно заметить следующее. Поставив точку в работе, совсем не значит, что мы достигли цели, описать сумму денег, как некоторую совокупность различных денежных теорий. Поэтому мы не можем и претендовать на то, что завершением монографии мы преследовали какую-то цель. Но с одним невозможно не согласиться в общей теории денег,

или сумме теорий денег, если несколько перефразировать известную работу Ф. Аквинского. Если поставить перед собой весьма скромные в самом начале научного исследования цели, то мы можем с некоторой долей уверенности констатировать, что мы достигли этих целей. И это несмотря на то, что в конце научного исследования проблем в теории современных денег не убавилось. Но есть надежда, что отдельные проблемы теории денег, если не получили своего разрешения, то, по крайней мере, получили свое несколько иное освещение и понимание. Теория денег остается во многом *terra incognita*, хотя в повседневной практической хозяйственной жизни при всей ее наивности и видимой прозрачности денежных дел особых проблем не вызывает. Счастье, если не в деньгах, то в их количестве — так образно выражается владелец денег о месте и роли денег в собственном воспроизведстве своей жизни и жизненных условий. Наконец, денежная теория продолжает оставаться весьма политизированной наукой, ибо она не может отмежеваться от выбора правильной денежно-кредитной политики в национальных экономиках. Кто, наконец, возвестить миру, гражданам своей страны, что его идеи и дела соответствуют истине и всеобщему благу? Абсолютное господство в научной и учебной литературе некоторых выводов относительно экономической природе денег не может быть положено в качестве достаточного аргумента того, что это положение истинное, как и согласие всех людей всех времен и всех народов не является доказательством истины. Но тогда появляется возможность если не развивать глубоко теорию современных денег, то останавливаться на выяснении достаточности их количества, предельно математизируя эти абстрактные модели. Вместо науки мы получаем псевдо науку, и математика может своим фиговым листком прикрывать это «математическое шарлатанство в экономике», как подметил А. Морис, лауреат Нобелевской премии в области экономики.

Общеизвестно, что деньги затрагивают все стороны социально-экономического, этического, политического и т.д. бытия. В данной работе проводится идея, что некоторые проблемы, с которыми якобы стараетсяправляться правительство, вообще становятся спасительной соломиной в решение своих прозаичных потребностей, например, латанием «дыр» в бюд-

жете. Как подчеркивает Дж. М. Кейнс, нам не известна ни одна сколько-нибудь продолжительная война, ни один значительный социальный переворот, которые не сопровождались изменением законных платежных средств. Нет страны с историческим прошлым, где, начиная с зачатков хозяйственного развития, мы не наблюдали бы неизменного падения реальной стоимости следующих одно за другим платежных средств, игравших роль денег. Это прогрессивное падение стоимости денег не является случайностью. Причина — нужда в деньгах самого правительства и возрастающее политическое влияние класса должников, которые стремятся облегчить тем самым свое долговое бремя [28, с. 91].

Поэтому поиск разумных моделей поведения может наталкиваться на явное или неявное если не противодействие осуществлению серьезных исследований в области разумной денежно-кредитной политики, либо отсутствие финансирования на проведение подобных исследований. Тогда прав был Г.В.Ф. Гегель, когда утверждал, что все разумное — действительно, а все действительно — разумно. Воля не идет на поводу рассудительного, наконец, и разума, скорее — наоборот. Воля же вмешает в себя гораздо больше, чем это обычно представляется. Поэтому оппортунистическая воля власть предержащих классов в правительствах может серьезно деформировать ту политику, которая уже с позиции общего не может приниматься и оцениваться как разумная. Но действительность всегда стоит выше отвлечённой разумности. Понятая в своей истинности действительность становится уже вполне разумной с позиции этих властивующих оппортунистических классов.

Это дает нам основания увидеть как денежно-кредитную политику государства, так и современное состояние теории денег уже в другом свете. Эту задачу мы и преследовали на всем процессе изложения. Чтобы познать в своей истинности современную теорию денег, нам обратиться всё же к самим себе. Можно сослаться опять же на известного дельфийского оракула и попытаться познать само общество и истинные его цели с расстановкой экономических и политических сил. Это может приблизить нас и к более продуктивным исследованиям, в том числе и моделей современной теории денег.

ЛИТЕРАТУРА И ИНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- 1 Батри, Р. Мошенничество Гринспена / Р. Батра; пер. с англ. Е.Г. Гендель. — Мн.: «Попурри», 2006.
- 2 Бернар, А. Лиатар. Душа денег / Бернар А. Лиатар.—М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2007.
- 3 Бернстайн, Р. Власть золота. История наваждения / Пер с англ. — М.: ЗАО «Олимп—Бизнес», 2004.
- 4 Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ., 4-е изд.—М.: «Дело» ЛТД», 1994.
- 5 Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака./ Пер. с фр. Д. Кралечкина.—2-е изд., испр. и доп.—М.: Библион— Русская книга, 2004.
- 6 Бодрийяр, Жан. Символический обмен и смерть. – 3-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство «КДУ»», 2009.
- 7 Большая экономическая энциклопедия.-- М.: Эксмо, 2007.
- 8 Бюллетень Лиги наций. — № 1. — 1937г.
- 9 Гегель, Г.Ф.Г. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. М., 1977.
- 10 Генкин, А.С. Денежные суррогаты в российской экономике: М.: Издательский Дом «АЛЬПИНА», 2000.

- 11 Геращенко, В.В. Россия и деньги. Что нас ждет? / Виктор Геращенко. — М.: Астрель: Русь-Олимп, 2009.
- 12 Градов, А.П. Национальная экономика. — Спб.: Питер, 2005)
- 13 Грибов, А.Ю. Институциональная теория денег: сущность и правовой режим денег и ценных бумаг.— М.: РИОР, 2008.
- 14 Гринспен, А. Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы / Алан Гринспен; Пер. с англ. — 2-е издание, дополненное — М.: Альпина Бизнес Букс. 2009.
- 15 Грицанов А.А., Кацук Н.Л. Жан Бодрийяр. Минск.: Книжный Дом, 2008. (Мыслители XX столетия)
- 16 Двойственная природа денег: Русская экономическая мысль на рубеже XIX–XX веков: Монография / Ю. В. Базулин. – СПб.: Русская симфония, 2005.
- 17 Делёз, Жиль. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения/ Жиль Делёз, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. Ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург: У. Фактория, 2008.
- 18 Делёз, Жиль. Логика смысла. — М., Издательский Центр «Академия», 1995.
- 19 Делез, Жиль. Общество контроля. [Электронный ресурс: Доступно. <http://www.irms.ru/delez.html>]
- 20 Делез, Жиль. Эмпиризм и субъективизм: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза: Пер. с франц. – М.: ПЕР СЭ, 2001.
- 21 Деньги, кредит, банки: учебник / кол. авт.; под ред. засл. деят. науки РФ, д-ра экон. наук, проф. О.И. Лаврушина. — 5-е изд., стер. — М.: КНОРУС, 2007.
- 22 Долан, Э. Дж. И др. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика / Пер. с англ. В. Лукашевича и др.; Под общ. Ред. В.Лукашевича.— Л., 1991.
- 23 Ескевич, И.В. Метафизика денег. Три действия с прологом и эпилогом / И.В. Ескевич. — М.: Эксмо, 2006.

- 24 Зелизер, В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы / Вивиана Зелизер; перевод с англ. Смирнова и М.С. Добряковой; под науч. ред. В. Радаева (предисловие В.В. Радаева). — М.: Дом интеллектуальной книги; Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.
- 25 Зиновьев, А.А. Фактор понимания.— М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
- 26 Золото: прошлое и настоящее/Под ред. В.И. Букато и М.Х. Лапидуса.—М.: Финансы и статистика, 1998.
- 27 Кант, Иммануил. Критика чистого разума. – Симферополь: «Реноме», 1998.
- 28 Кейнс, Дж.М. Избранные произведения: Пер с англ. / Предисл, коммент., сост.: А.Г. Худокормов.—М.: Экономика, 1993.
- 29 Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Прогресс, 1978.
- 30 Лавров, Д.Г. Денежные обязательства в российском гражданском праве.—СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
- 31 Левин, Курт. Теория поля в социальных науках.: Пер. с англ..— СПб.: «Сенсор», 2000.
- 32 Матлин, А.М. Деньги и экономические решения.— М.: Дело, 2001.
- 33 Матюхин, Г.Г. Проблема кредитных денег при капитализме. М., 1977.
- 34 Мизес, Людвиг фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В Куряева. — Челябинск: Социум, 2005.
- 35 Мировые экономические кризисы 1848 — 1935. Под общей редакцией Е. Варга / Т.1. Сравнительные материалы по истории кризисов в важнейших капиталистических странах. ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство. М., 1937.
- 36 Мишkin, Фредерик С. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков, 7-е издание: Пер. с англ. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2008.

- 37 Ницше, Ф. Сочинения в 2т. Т.1. Литературные памятники/ Составление, редакция изд., вступ. Ст. и примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. – М.: Мысль, 1990.
- 38 Орленко, Л.В. История торговли. М., 2006.
- 39 Останин, В.А. Воля в структуре смысла. Владивосток, Изд-во ВФ РТА, 2005.
- 40 Пашкус, Ю.В. Деньги: прошлое и современность. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
- 41 Платонов, О.А. Экономика русской цивилизации. Институт русской цивилизации. М., 2008.
- 42 Происхождение и природа денег: Научное издание / Ю. В. Базулин. – СПб.: СПбГУ, 2008.
- 43 Роджер, Лерой Миллер; Дэвид, Д. Ван-Хуз. Современные деньги и банковское дело: Пер с англ. — М.: ИНФРА-М, 2000.
- 44 Ротбард, М. Показания против Федерального резерва / Мюрей Ротбард; Пер с англ. Под ред. А. Курякова.—Челябинск: Социум, 2003.
- 45 Смирнов, А. Кредитный «пузырь» и перколация финансового рынка // Вопросы экономики. — 2008. — № 10. С.4 — 31.
- 46 Советский экономический словарь./ Гл. ред. А.М. Прохоров.—3-е изд.—М.: Советская энциклопедия, 1985.
- 47 Сорос ,Д. Новая парадигма финансовых рынков / Джордж Сорос; пер. с англ. Кристофа Вагнера. — М.: Манн, Иванов и Фабер, 2008.
- 48 Сото, Хесус Уэрта де. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. М.: Изд-во «Социум», 2009.
- 49 Стиглиц, Джозеф Е. Информация и смена парадигм в экономической науке./ Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Со-пред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Т.V. В.2 кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. Кн. 2. – М.: Мысль, 2004.
- 50 Спиноза, Б. Основы философии Декарта, доказанные геометрическим способом / Спиноза Б. Сочинения. В 2-х томах. Т.1. СПб.: Наука, 1999.

- 51 Тобин, Джеймс. Денежная политика и экономический рост: Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- 52 Ульрих, П. Критика экономизма/ Петер Ульрих; Пер с нем. И.П. Смирнова. — 2-е изд. — М.: Вузовская книга, 2008.
- 53 Универсальный десятичный классификатор. Информационно-справочная система /<http://teacode.com/online/udc/>
- 54 Ферман, А. Деньги. Секреты психологии денег и финансового поведения/ Андриан Фернам, Майкл Аргайл; под общей редакцией А. Алексеева.—СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.
- 55 Фетисов Г.Г. Организация деятельности центрального банка: учебник / Г.Г. Фетисов, О.И. Лаврушин, и. Д. Мамонова; под общ. ред. Г.Г. Фетисова. — М.: КРОНУС, 2006.
- 56 Фридмен, М. Методология позитивной экономической науки/ THESIS, 1994, вып. 4.
- 57 Хайек, Фридрих А. Частные деньги. — Пер. с англ. — М.: Ин-т национальной модели экономики, 1996.
- 58 Хансен, Элвин. Денежная теория и финансовая политика. / Пер. с англ. — М.: Дело, 2006.
- 59 Харисс, Лоуренс. Денежная теория: Пер. с англ./ Общ. Ред. И вступ. Ст. В.М. Усокина.—М.: Прогресс, 1990.
- 60 Хейне , Пол. Экономический образ мышления.- Пер. с англ. Издание второе, стереотипное.- М.: Изд-во «Дело» при участии Изд-ва «Catallaxy», 1992.
- 61 Хикс, Джон. Теория экономической истории. Пер с англ. 2-е стереотип. Изд. / Общ. Ред. И вступ. Ст. Р.М. Нуреева — М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2006.
- 62 Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Перев. с англ. С.И. Церетели; Под общ. ред., со вступ. ст. и примеч. И.С. Нарского. — Минск: ООО «Попурри», 1998.
- 63 Юровицкий В. Если бы деньги заговорили, или шесть ошибок Милтона Фридмена // Банковское дело. — 1998.— № 4. С. 55—57.

64 Аллэ, Морис. Основные направления моей работы / Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Т.В. В.2 кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. Кн. 1. – М.: Мысль, 2004.

Останин Владимир Анатольевич

Сумма денег
Монография

Подписано в печать 10.06.2010 г.
Формат 60×84/16. Уч.-изд. л. 11,4.
Усл. печ. л. 11,53. Тираж 300 экз. Заказ № 21

Издательство Дальневосточного университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27